

Часть первая
ПУТЕШЕСТВУЯ ПО РОССИИ

Назвать спокойной и размеренной жизнь иностранных дипломатов в эпоху Петра Первого сложно. Первым, вслед за царем, приходилось не только регулярно перемещаться из Москвы в Петербург и обратно, а также посещать другие российские города, но и участвовать в многочисленных светских мероприятиях, начиная от свадеб, празднования дней рождений и именин и заканчивая карнавалами, которые могли длиться неделями. И если, например, при Иване Грозном это бы сопровождалось обильными трапезами, то сейчас — неумеренным употреблением алкоголя. И проблемой для иностранцев было не поголовное пьянство «москвитов». Об этом в Европе прекрасно знали благодаря «мифотворцам» предыдущих поколений. А то, что употреблять огромное количество спиртного приходилось иностранным дипломатам. Ведь за тем, чтобы у последних были постоянно наполнены бокалы, и пили они до дна, зорко следил сам Петр Великий — сам, по утверждению этих иностранцев, большой любитель «заложить за воротник». Другая проблема для иностранцев состояла в том, что регулярно им приходилось быть свидетелями «оргий», которые происходили во время различных мероприятий. Оговоримся сразу, речь идет о достаточно откровенном сексуальном поведении (по меркам морали того времени).

Были и другие проблемы у иностранных дипломатов. Например, говоря современным языком, высокий уровень уличной преступности в Москве и Петербурге. И вследствие этого была высока вероятность стать жертвой грабителей, когда поздно вечером возвращаешься с очередной ассамблеи.

Но после нескольких месяцев жизни в России иностранцы становились циничными людьми и с подробностями описывали очередное варварство «москвитов» — порку кнутом и казни противников Петра Первого.

Хотя и сами иностранцы порой вели себя как бандиты, вступая в вооруженные конфликты (грозили применить оружие) не только с крестьянами, но и с представителями российской армии. Происходили ли такие инциденты в реальности, или это очередной вымысел «мифотворцев» — сейчас правильно ответить на этот вопрос крайне сложно. Зато известно, что побеждали в конфликте иностранцы, а «москвиты» были слабыми и забытыми существами. Вот так создавался еще один миф о России.

ШЛЕЙССИНГЕР ГЕОРГ АДАМ

ПОЛНОЕ ОПИСАНИЕ РОССИИ, НАХОДЯЩЕЙСЯ НЫНЕ ПОД ВЛАСТЬЮ ДВУХ ЦАРЕЙ-СОПРАВИТЕЛЕЙ — ИВАНА АЛЕКСЕЕВИЧА И ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА

Описание России дано в популярном тогда литературном формате — в виде диалога двух вымышленных лиц, Филандера и Констанса¹.

Филандер. Мой господин и любезнейший сердечный друг, прошло 10 лет, как мы друг с другом не виделись.

Констанс². Сколь приятно и желанно мне твое прибытие. Без сомнения, после обозрения столь многих необычайных стран и столь многих обычаев других наций моему господину Филандеру будет что рассказать нам... Прошу удовлетворить мое любопытство в следующем: поскольку, как я от многих слышал, мой господин Филандер посещал среди прочих чужих стран также и Московию, или Россию, у меня возникло большое желание услышать жадным ухом рассказ моего господина Филандера о нравах этих русских людей, а также об обычаях этой страны.

Ф. Все, что способна сделать моя скромная личность, все, что я увидел и заметил, все, о чем смогу дать господину Констансу покорнейшее сообщение, я перескажу охотно.

К. Каким образом прибыл мой господин Филандер в Россию? Я слышал, что без допуска от царя или великого князя туда въехать нельзя. Это верно?

Ф. Да, это верно. Без специального пропуска царя нельзя ни въехать туда, ни выехать обратно, исключая те случаи, когда находишься при посольстве. Но в наши дни уже не так трудно получить пропуск, учитывая интенсивную торговлю, которую ведут русские со многими чужи-

ми народами. Теперь можно, если только иметь немного обаяния, довольно быстро получить пропуск, как я сумел убедиться на собственном примере. Ибо после того, как я был рекомендован одним купцом из Нарвы другому купцу из Москвы, я вскоре получил пропуск от его королевского величества в Швеции через господина губернатора города Нарвы и Ингерманландии барона Шперлинга, с каковым пропуском я затем 20 марта 1684 г. выехал из Нарвы и затем без помех проследовал вплоть до Новгорода, называемого по-немецки Нойгартен...

К. Господин Филандер долго там пробыл?

Ф. Всего несколько дней, пока не получил пропуск от воеводы в Москву, после чего я немедленно продолжил свое путешествие в столицу и резиденцию царя — город Москву, которая расположена в 108 немецких милях от Новгорода.

К. И мой господин Филандер мог так спокойно, в одиночку, передвигаться по стране?

Ф. Никого при мне не было, кроме надежного повозочного, или ездового; его дали мне упомянутые выше немецкие купцы; и с ним я благодаря милости божьей без единого несчастья или неприятности прибыл в апреле того же года в обширный город Москву...

К. А главная резиденция, город Москва, велика ли она и хорошо ли устроена?

Ф. Да, велика и достаточно обширна — такой представляется эта резиденция царя или великого князя издали; словно собственный маленький мир. В окружности, без прилегающих слобод, то есть предместий, город протянулся приблизительно на 3 немецкие мили и кажется очень красивым и даже восхитительным благодаря множеству монастырей и церквей. Но когда подъезжаешь ближе и достигаешь наконец самого города, то на самом деле видишь, что он, как и все русские города, всего лишь плохонькое поселение, устроенное без всякого архитектурного порядка и искусства; например, улицы не замощены

камнем, а лишь покрыты деревом; я бы назвал их деревянными переулками. Когда идет даже небольшой дождь, то из-за постоянного хождения и езды на лошадях дерево часто лопается и возникает подчас такой поток грязи, что едва проедешь даже на лошади, особенно осенью. А иногда, в тяжелое время года, можно и просто полететь кувырком в грязь...

К. А как там построены дома?

Ф. Точно так же, как и в других русских городах, — из дерева, и притом в ряде кварталов и улиц довольно плохо; исключение составляют лишь некоторые бояре, князья, воеводы, стольники, а также богатые купцы, дома которых иногда построены из камня и называются «палаты». Правда, последний из умерших царей, отец обоих ныне правящих, был весьма достойным князем. Он добился того, что в город было завезено большое количество камня. Те, кто хотел жить в городе, обязаны были строить себе новые каменные дома, а деревянные сносить. Было также положено некоторое начало тому, чтобы тем, у кого не было средств на строительство, можно было рассрочить платежи на 10 лет, пока он постепенно смог бы оплатить расходы или продать дом другому; однако после смерти упомянутого высокодостойного князя это полезное дело умерло вместе с другими полезными распоряжениями.

К. Но раз все построено из дерева, наверное, часто бывают большие пожары?

Ф. О да, особенно на их «бразниках», то есть в торжественные дни, при зажигании восковых свечей. Эти свечи они втыкают около своих освященных картин (они называют эти картины «богами») целый день и всю ночь... Часто я наблюдал ночные гулянья, когда трезвонили в колокола, а кричали и шумели столь варварски, что я ужасно пугался и часто думал, не началось ли восстание. Я никак не мог привыкнуть к подобным развлечениям, вскакивал с постели и спрашивал у челяди: «Где горит?». А в ответ мне приходилось слышать: «О, это далеко, пустяки; ло-

жись-ка, немец, обратно, да и спи, никто к тебе в эту ночь на постель не сунется». При этом они еще и смеялись, говоря: «Вот теперь-то наш немец, когда уедет, сможет сказать, что повидал московского огонька». А ведь в прошедшем году господь бог показал Москве такого огонька, что, я полагаю, многим было не до смеха.

К. И что же? Не предпринимается никаких мер для тушения огня, чтобы пожар дальше не распространялся?

Ф. Каждый квартал города имеет, правда, определенное количество стрельцов, которые обязаны гасить огонь своими длинными крюками. Как только слышат набат, они обязаны бежать и тушить. Но в жаркое время огонь часто оказывается победителем. Он настолько силен, что, хотя они немедленно сносят горящие дома, тем не менее, от сильного жара сразу же загораются соседние, расположенные на небольшом удалении, так что часто пожар едва-едва удается загасить. Только те, кто живет в каменных домах, могут до некоторой степени укрыть и спасти свое имущество.

К. Но если пожары столь часты, если огонь пожирает так много домов, то, видимо, там много пустырей и погоревших участков?

Ф. О нет. У них есть против этого своеобразное средство. Имеется большая площадь, называемая «Базар дерева и домов», где по местному обычаю всегда лежит много тысяч готовых домов со всем необходимым, что к ним относится; и эти дома можно купить по самой сходной цене. Такие дома, а также большие и малые ворота сколачиваются где-то за городом, затем разбираются, и все это отвозится к зиме в готовом виде в Москву.

К. Но ведь они вместе с тем терпят большой урон в своей домашней утвари, которую они в таких условиях не могут сохранить?

Ф. У русского немного домашней утвари — разве что пара деревянных чашек, несколько ложек, кастрюля, в которой ежедневно варят, да ящик, или ларь, куда кладут

необходимую одежду; они не придают большого значения постельным принадлежностям. Все богатство у них в деньгах, которые они при подобном несчастье и хватают, чтобы спастись с ними от огня.

К. Ну, а торговые товары, где они хранят их?

Ф. Их хранят не в домах, а либо в купеческом заезжем доме (у них такой дом зовется гостиницей), причем такая гостиница или гостинный двор строится довольно прочно, из чистого камня, либо прямо на базаре, где осуществляется строгий надзор, чтобы огонь не смог столь легко туда проникнуть и нанести урон.

К. А не наказываются ли те, из-за которых учиняется такой пожар?

Ф. Разумеется, их быстро ловят, но дело при этом лишь за деньгами (за уплатой ущерба), а кто неплатежеспособен, тот искупает вину собственной шкурой...

К. Ведь если город Москва так велик, то в нем, очевидно, много погорелых мест и церквей?

Ф. Говорят, что в Москве всего около 40 000 погорелых мест и 200 церквей...

К. Цари держат большой двор?

Ф. Разумеется, двор там большой, и притом — по русскому обычаю — полон многочисленных бесполезных слуг и челяди. Считается, что в этом и состоит основной признак роскоши. Часто встречается боярин или даже стольник, то есть дворянин, который держит несколько сот холопов...

К. А слово «царь», мой господин Филандер? Что оно означает?

Ф. Это то же, что по-немецки «кайзер». Великий князь русских владеет колоссальными землями и населением, он очень богат наличными средствами.

К. Я слышал, что на одном троне сидят два царя или великих князя, что они осуществляют совместное единое правление. Как же это получается?

Ф. Мой господин Констанс, я охотно послужу Вам, чем смогу. Разве мой господин Констанс не слышал про ужасное восстание, которое разразилось несколько лет назад?

К. Я, правда, что-то читал об этом в газетах, но не очень подробно. Прошу моего господина Филандера оказать мне любезность и поведать об этом в деталях.

Ф. Это восстание вспыхнуло среди стрельцов, которые повседневно жаловались на свое начальство ввиду невыносимой и рабской работы, которой это начальство их обременяло. Кроме того, жаловались, что им задерживают жалованье. После чего они в конце концов договорились между собой стоять друг за друга и держаться до последнего. А вскоре после этого — после того как они объединились — они зазвонили во все колокола, что было их условным сигналом, и несколько тысяч с оружием в руках вышли к Приказам, то есть канцеляриям (они же и есть суды). Стрельцы пожаловались на начальство, претендуя на то, чтобы его наказали и тем самым восстановили справедливость. Вслед за этим некоторые полковники после допросов и следствия были по русскому обычаю жестоко наказаны кнутом, батогами и другими карами и лишены своих должностей³. Но стрельцы на этом не успокоились, а направились в замок Кремль и в царскую резиденцию, требуя выдать им тех господ, которые стали причиной смерти усопшего царя. Стрельцы называли также поименно, кого они требуют. И хотя те люди были в данном случае вполне невинны, стрельцы применили силу, подняли их на пики, заживо порезали их и порубили на куски. Произошло это на большой площади перед замком Кремлем... Все переулки, а особенно большая площадь перед Кремлем, были затоплены кровью зарубленных и растерзанных, а те дикие стрельцы все время с бешенством опрыскивали кровью водку, пиво и мед и носились по улицам так, что были больше похожи на дьяволов, чем на людей. Наконец, когда великий князь Иван Алексеевич увидел, что день ото дня дело становится все хуже, он удалился из города в деревню и призвал к себе всех немецких офицеров, чтобы спросить у них совета, как лучше положить конец злодейству⁴. Эти офицеры уже попроси-

лись со своими женами и детьми и послушно явились на зов великого князя. Между тем оставленные семьи жили в большом страхе и ужасе в своей слободе, ожидая всякий час и момент опасности подлой смерти.

К. А что делали в это время стрелецкие банды?

Ф. Когда они обо всем этом проведали, то схватили всех тех, кто хотел бежать из города, а также тех, кто уже вернулся, бросили их в камеры пыток и стали страшно пытаться, стремясь от них выведать что-нибудь из того, что задумал царь. Но эти добрые люди — как русские, так и иностранцы, — бежавшие частично из страха и вернувшиеся частично, чтобы не покидать свои семьи, знали о планах царя столь же мало, сколь слепой о красках. Наконец, адские души — стрельцы, гонимые собственной совестью, — стянули все орудия к валу и направили их частично на город, а частично в поле, чтобы в любом случае драться до последнего. И наконец великий бог услышал молитву правоверных христиан и чудесным образом открыл людям глаза на главного зачинщика и передал этого зачинщика описанного страшного бунта в руки великого князя, так что и ему, и его сыну отрубили топором головы. Этот зачинщик, полковник⁵, затеял все дело потому, что уже давно знал об ожесточении стрельцов и использовал такое настроение их как дьявольское средство, чтобы лить воду на свою мельницу. Он имел в виду, учитывая полное неумение старшего царя вершить правление, отстранить его от трона и женить своего сына на царевне, тщеславие которой было ему хорошо известно.

Когда стрельцы услышали про казнь полковника и его сына, они горько пожалели о смерти обоих, но стали вскоре играть на более высоких струнах, посоветовались между собой и, учитывая, что их главарь уже погиб, отрядили нескольких из своей среды, чтобы они сыграли перед великим князем роль грешников, уповающих на милосердие справедливого отца, попросили прощения, и притом с изрядной хитростью в отношении царя: мол, теперь злые

корни любимой отчизны обезврежены, благодаря этому империя укрепилась, всякие распри прекращены, поэтому, мол, они, стрельцы, как им и надлежало бы в такое время, верны и послушны и такими останутся: они никогда, дескать, не помышляли выступить против своего отечества, а хотели лишь изничтожить тех злых преступников, которые были виновниками смерти господина царя-батюшки; а если они, дескать, и в этом случае действовали не по справедливости, то охотно и спокойно склонят свои головы, чтобы получить заслуженное наказание.

К. А что сказал на это великий князь?

Ф. Он объявил о своем прощении, но с условием, провозглашенным перед всеми великими господами, что младший брат Петр Алексеевич немедленно будет возведен на трон. Что и было сделано в соответствии с обычаем весьма торжественно⁶. После чего темные и серые тучи возмущения рассеялись, и снова взошло любезное солнце единодушно желанного и оплакиваемого мира. Наконец, когда уже долгое время царило спокойствие, стрельцов-бунтовщиков незаметно разослали в разные стороны и таким путем рассеяли. Самые скверные зачинщики были частично повешены, частично же обезглавлены и таким образом наказаны по заслугам...

К. А музыка за трапезой бывает?

Ф. Нет, русские мало ценят музыку...⁷. Правда, знаменитый Олеарий в своем «Описании персидского путешествия» упоминает о некоторых началах свободных искусств и, вероятно, имеет в виду добродетели любимого всеми усопшего великого князя, то есть господина отца обоих нынешних царей, который наряду с прочими великолепными распоряжениями ввел также преподавание свободных искусств — как предписывали ученые люди, которые и должны были обучать молодых. Он также держал при своем дворе много немецких музыкантов и комедиантов. Но после смерти этого любезного царя всему пришел конец.

К. Почему же так?

Ф. Патриарх был очень против этого, считая, что погибнет вся Россия, если ввести такие новшества. Ввиду чего цари, будучи молодыми господами, легко дали себя уговорить и запретили начатое дело, хотя многие господа еще знают по латыни, поскольку их этому учили. Особенно господин Голицын⁸, верховный канцлер, является большим любителем всех языков. Однако если бы ныне нашелся кто-то, имеющий охоту посетить чужие страны, то ему бы этого не позволили, а, пожалуй, еще и пригрозили бы кнутом, если бы он настаивал на выезде, желая немного осмотреть мир. Есть даже примеры, что получили кнута и были сосланы в Сибирь те люди, которые постоянно настаивали на выезде и не хотели отказаться от своего намерения.

К. Занятная, видимо, нация! Но почему они так поступают?

Ф. Они полагают, что того человека совратили, и он стал предателем или хочет отойти от их религии, к которой они очень привержены: а тех, кто не принадлежит к их церкви, они и не считают истинными христианами...

К. Цари пользуются большим почетом у подданных?

Ф. О, разумеется. Русские испытывают особый, прямо-таки священный трепет, если это можно так назвать, перед своим царем; также и в тех случаях, когда его (царя) называют, то есть когда русский слышит, что о нем (царе) говорят; о царе говорят с особой почтительностью. Но как бы преданны и верны царю русские ни были, они остаются в той же мере варварами, когда поднимают бунт; и тогда уж они никого не слушают, кто бы это ни был...

К. Мой господин Филандер окажет мне, может быть, честь и расскажет кое-что о свадьбах? Какие там совершаются церемонии?

Ф. Русские в сущности такие же люди, как и другие, а потому вполне разумно и охотно женятся на красивых и добрых, как это обычно у других народов. А то, что они

будто бы женятся на тех, кого ни разу в жизни не видели, — неправда. Жених видит невесту повседневно и знает ее очень хорошо. И вообще церемония проходит так же, как и у других народов в период сватовства и помолвки, разве только невеста в это время укрывается в отдельной горнице или в другом месте. Венчание происходит в назначенный заранее срок. Перед молодыми рассыпают цветы, желают им счастья и садятся за стол, как и у других народов.

К. А они на свадьбах танцуют?

Ф. О да, но только это скорее похоже на прыжки и подскоки, чем на танцы, поскольку русские не ездят во Францию обучаться танцам по французской моде, а охотнее сохраняют деньги у себя в стране и танцуют, как умеют...

К. Вернемся к невесте и жениху. Я слышал удивительные вещи, будто они в первый же вечер отводятся в баню!

Ф. Да, это верно. Ведь после того, как невесту и жениха отведут в постель, нескольких человек через час направляют к жениху. Они стучат в его двери и спрашивают: «Свершилось?». Если он отвечает «да», то они продолжают спрашивать: все ли, мол, в порядке с невестой? Если она признана девственницей, то он опять отвечает «да». После этого их и ведут в баню, убранную цветами и всяческими благовонными травами. Когда жених и невеста искупаются, то снова садятся за стол есть и пить. Ну, а если случилось так, что девственность уже раньше была унесена дикими гусями, то церемония проходит печально. Жених отталкивает невесту и отправляет ее подчас обратно к родителям. Впрочем, ныне это случается не очень часто...

К. Как устроена у русских полиция и юстиция?

Ф. Их полицейский порядок и писанные законы сами по себе не заслуживают порицания. Но большие злоупотребления, которые допускаются в праве, очевидно, достойны хулы. Ибо все их правовые процедуры основаны сплошь на подношениях и подарках, так что можно сказать: «Кто побольше подарил, тот, глядишь, и победил»...

К. А у них разве нет юристов, которые могли бы давать советы спорящим сторонам?

Ф. Есть в достаточном количестве, но все они беспечная братия, и я бы сказал, что если бы даже призвать самого ученого из юристов всего мира, то и он не разобрался бы в местных подкопах и интригах, разве что практиковал бы здесь долгие годы. Весь процесс записывается на длинную, свернутую роликом бумагу. Они все свои дела записывают таким путем. И иногда после окончания процесса эта дьявольская бумага достигает 50 локтей длины. Когда дело закончено, ее плотно скатывают и укладывают рядом с другими актами.

К. А каким образом у них проходит судебная процедура?

Ф. Начинается с челобитной, то есть униженной просьбы, которая подается царю, чтобы дать делу ход. После этого вызывается в суд противная сторона. Затем стряпчий формулирует жалобу в виде специальной записки или каким-то другим образом. При этом, например, для взимания долга с должника требуется письменное доказательство. Если таковое имеется, то должнику, обладающему возможностью дать взятку, предоставляется определенный срок для уплаты в зависимости от размеров взятки. Подчас такой срок растягивается до бесконечности, если другая сторона, в свою очередь, не будет «подмазывать» судей. Кто не может заплатить, того бросают в тюрьму и ежедневно водят по одному разу на правёж в присутствии кредитора.

К. А что такое правёж?

Ф. С должника без всякого снисхождения стягиваются чулки, затем двое из судебных слуг становятся рядом, еще несколько держат наказываемого. Те двое бьют должника двумя белыми прутьями по голеним так сильно, что у бедняги ноги становятся коричневыми и синими, пока, наконец, канцлер данного приказа не прикажет его увести. Должника снова доставляют в тюрьму. И так продол-

жается каждый день, покуда он либо не внесет за себя залог, либо не заплатит долг. Иногда ноги у него распухают настолько, что он принимает смерть. Если же он не может ни внести залог, ни выплатить долг и все же выдерживает правёж, который продолжается подчас несколько месяцев, то он вместе с женой и детьми отдается кредитору в личную крепость. А если он на правеже умрет, то все равно его жена и дети отдаются на милость кредитора⁹.

К. А можно обжаловать решение одного приказа другому?

Ф. Да, но только Посольскому приказу. Но нужно опять давать взятку. Как уже сказано, все зависит от денег.

К. А какие у них наказания?

Ф. По гражданским делам существуют: заключение в тюрьму, правёж, батоги и денежный штраф. По уголовным же делам или по другим делам такого же характера наказывают кнутом, высылкой в Сибирь, виселицей и казнью отсечением головы топором.

К. Ах, мой господин Филандер, мне давно хотелось знать, какова в этом случае судебная процедура.

Ф. Батоги даются таким образом: если кто либо украл нечто мелкое или совершил другой незначительный проступок, то его кладут на землю, после чего один слуга садится ему на шею, другой — на ноги. И каково преступление, таково и количество ударов провинившемуся. Его бьют малыми прутьями по спине, затем переворачивают и бьют таким же образом по животу в соответствии с тем, что он заслужил. И иногда бьют так долю, что он умирает.

Кнут же дается двумя способами. Некоторые получают его «милостиво», а некоторых им «пытают». Сам кнут — это длинный, толстый, сужающийся к концу бич. Кто получает «кнут милостивый», тому обнажают спину, сажают ему на горб человека или связывают, а палач делает ему кнутом столько ударов, сколько приговорит канцлер или суд. Однако подчас и один удар кнутом бывает таков, что кожа лопается и течет светлая кровь. И когда это

происходит, то преступник должен говорить «спасибо». А после наказания подобное лицо считается столь же честным, как и было до преступления, и никто не имеет права его упрекать, иначе получит такое же наказание.

А если кого кнутом «пытают», то это происходит так: в приказе устроена специально для этой цели виселица, в том же помещении, где сидят арестованные. Преступника тянут веревками за руки через верхнюю перекладину виселицы (а руки у него связаны за спиной), так что руки оказываются над головой. Тянут так, что слышно, как хрустят кости; подвешивают его так, словно раскачивают на качелях. Затем руки по отдельности привязывают к перекладине виселицы, а ноги перевязывают между собой и просовывают между ними толстую балку, на которую наступает один из слуг-палачей, так что несчастный грешник даже не может шевельнуть ногами. Этот же слуга хватает его за волосы, чтобы кнут не попадал по голове, и после этого палач или какой-нибудь доброволец наносит по голой спине столько ударов, сколько было приговорено. Я видел одного такого несчастного грешника, который приблизительно после 80 ударов висел совсем мертвый, ибо вскоре уже на его теле ничего не было видно, кроме кровавого мяса до самых костей. Продолжая бить, преступника все время допрашивают. Но этот, которого я видел, все время повторял: «Я не знаю, я не знаю», — пока в конце концов вообще не мог больше отвечать. Тогда палач подошел с раскаленным железом и несколько раз ткнул им несчастного грешника в спину. Тот снова стал кричать и жалобно завывать. Это выглядело очень страшно, но мне сказали, что так делают для излечения, чтобы спина снова зажила...

К. А как высылают в Сибирь?

Ф. Сибирь — ныне довольно населенная и обработанная земля, как рассказывали мне офицеры, которые там побывали. Но кого туда высылают из немилости, тех приковывают к телеге и загоняют подальше в глушь ловить соболей, и каждый обязан в определенный срок поставить

определенное количество зверьков. При этом высланный получает плохое питание — хлеб и воду. Если он не поставит положенного количества соболей, то получает еще и кнута. Если сможет набить сколько-нибудь сверх урочного количества, то весь лишек принадлежит ему, и, говорят, есть такие хорошие стрелки, которые почти и не стремятся оттуда выбраться, ибо овладели искусством настолько, что вполне могут за его счет заработать на пропитание. Некоторые высылаются пожизненно, другие же — на определенное время, в зависимости от проступка...

К. А печатня у русских тоже есть?

Ф. Да, сейчас у них есть одна печатня, ее устроил какой-то поляк. Но особого успеха она не имеет¹⁰...

Печатается по: Шлейссингер Г. А. Полное описание России, находящейся ныне под властью двух царей-соправителей — Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича. [Пер. по рукописи с нем.] — Вопросы истории, 1970, № 1, с. 103—126 (в публ. А. П. Лаптевой «Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII века»).

БЕРХГОЛЬЦ ФРИДРИХ-ВИЛЬГЕЛЬМ

ДНЕВНИК КАМЕР-ЮНКЕРА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1721 год

Апрель

13 апреля я получил (автор в это время находился в Париже), через тайного советника Клауссенгейма, приказание его королевского высочества герцога Голштинского ехать за ним в Ригу...

Конечная цель путешествия — Петербург, куда автор прибыл вечером 23 июня 1721 года в составе его свиты; он приехал в Петербург за несколько дней до приезда сюда герцога Карла-Фридриха. Подробное и интересное описание поездки по Европе начала XVIII века находится за рамками данной книги, поэтому мы сразу перейдем к тому месту в дневнике, где автор описывает свое пребывание в Петербурге.

Июнь

24-го у посланника обедал прусский министр при здешнем дворе, барон Мардефельд, которого я имел честь видеть в первый раз. Я уж прежде слышал о нем много хорошего и потому очень желал с ним познакомиться, чтоб иногда проводить у него по несколько приятных часов. Говорят, он часто имеет у себя музыку, и сам превосходно играет на лютне. Он был так предупредителен, что тотчас просил меня посещать его. К этому обеду собралось у посланника большое общество: кроме наших кавалеров, которые заняли за столом довольно места, там были еще гвардии унтер-офицер барон Ренне и младший барон Левенвольде, с которым я уже за 7 лет познакомился в Пе-

тербурге. Пили довольно много, потому что нашлось несколько любителей, хорошо умевших подстрекать других. После обеда я всячески старался найти себе квартиру, однако ж принужден был ночевать у посланника: все квартиры, на которые мне было указано, решительно никуда не годились.

25-го, рано утром, для меня нашли, наконец, две маленькие плохие комнатки, в которых жил недавно переселившийся в Петербург немец, пряничник, с женою, очень хорошенькой француженкой. Хотя мне было крайне неприятно вытеснять этих бедных людей из только что нанятых ими комнат, тем более, что они заплатили за них вперед и, следовательно, имели полное право жаловаться, что отдали деньги за три комнаты, а жить должны в одной, однако ж я принужден был к ним переехать. Им объявили, чтоб к вечеру две комнаты были очищены, что они и исполнили. Перед обедом, около половины одиннадцатого часа, когда царь возвращался из церкви, с крепости стреляли из всех пушек, чем и началось празднование коронации по случаю наступления 39-го года царствования его величества, вступившего на престол 10 лет от роду. Говорили, что нынешний год день этот празднуется вовсе не великолепно; но почему, никто не знал. Услышав пушечную пальбу, я тотчас отправился вместе с тайным советником Геспеном, посланником Штамке и другими нашими кавалерами навстречу царю, которого мы увидели на реке. Когда он вошел в длинную галерею, стоящую в аллее, идущей к царскому летнему дворцу, все собравшиеся там русские и тайный советник Геспен с посланником Штамке подошли к нему с поздравлением. Спросив последних, когда приедет его королевское высочество, и получив в ответ, что они ожидают его всякий час, царь пошел с князем Меншиковым и со всей свитою на находящееся близ сада большое открытое место, где стояли в строю оба гвардейских полка, Преображенский и Се-

меновский. Первый состоял из четырех батальонов, второй из трех. В обоих, как говорят, до 7000 человек, не считая нестроевых. Большая часть рядовых, по крайней мере, очень многие из них, князья, дворяне или унтер-офицеры из армейских полков....

Затем автор отправился на обед.

В 5 часов я со многими из наших отправился в сад... Там же увидел я необыкновенно большого роста чухонку, которую царь несколько лет тому назад выдал замуж за огромного француза, привезенного им из Франции. Они имели уже ребенка, и теперь она снова была беременна. Этот француз не так высок, как неестественно толст; он сам говорит, что австрийский посланник в Париже, барон Бен-тенрейтер, еще повыше его, в чем я теперь, рассмотрев его хорошенько, также убедился. Он не имеет никакой должности (впрочем, по толстоте своей и не способен ни на что) и всю жизнь только и делал, что показывал себя за деньги. Ему дают в год 300 рублей жалованья и даровую квартиру. Царь, тотчас после его приезда, подарил ему дом и держит его, как говорят, только для того, чтоб иметь от него рослых людей. С теперешнею его женою его соединили еще до брака, и государь только тогда приказал обвенчать их, когда убедился, что они могут иметь детей; в противном случае она досталась бы одному из царицыных гайдуков, также огромного роста, но весьма красивому¹¹...

Далее автор подробно описывает свиту императрицы.

Одним словом, двор царицы так хорош и блестящ, как почти все дворы германские. У царя же, напротив, он чрезвычайно прост: почти вся его свита состоит из нескольких денщиков (так называются русские слуги), из которых только немногие хороших фамилий, большая же часть незнатного происхождения. Однако ж почти все они величайшие фавориты и имеют большой вес. Теперь особенно в милости три или четыре; первый — племянник генерала Бутурлина¹², другой — Травеник¹³, один из двух близнецов, до того друг на друга похожих, что их различают

только по платью. Говорят, его величество царь, проезжая через Данциг, взял их к себе единственно по причине этого необыкновенного сходства. Родители их простого происхождения. Того из них, который не сумел подделаться под его вкус, он отдал царице. Третий фаворит и денщик — Татищев, из русской фамилии, четвертый и последний — Василий¹⁴, очень незнатного происхождения и человек весьма невзрачный. Царь поместил его, как бедного мальчика, в хор своих певчих, потому что у него был, говорят, порядочный голос; а так как его величество сам по воскресеньям и праздникам становится в церкви с простыми певчими и поет вместе с ними, то он скоро взял его к себе и до того полюбил, что почти ни минуты не может быть без него. Оба последние самые большие фавориты, и хотя Татищева считают величайшим, потому что он почти всегда обедает с царем, когда его величество бывает один или в небольшом обществе, однако я думаю, что тот имеет перед ним большое преимущество: царь иногда раз по сто берет его за голову и целует, также оставляет знатнейших министров и разговаривает с ним. Удивительно, как вообще большие господа могут иметь привязанность к людям всякого рода. Этот человек низкого происхождения, воспитан как все простые певчие, наружности весьма непривлекательной и вообще, как из всего видно, прост, даже глуп, — и несмотря на то, знатнейшие люди в государстве ухаживают за ним. Генерал Ягужинский, который еще до сих пор в большой милости, был сперва также денщиком царя; одни говорят, что он бедный польский дворянин, другие уверяют, что сын немецкого кистера (*церковнослужителя-завхоза — прим. ред.*) в Москве. У него есть брат, полковник здешней же службы, который, однако ж, далеко не может равняться с ним умом и способностями.

Вскоре после нашего прихода в сад его величество оставил гвардейцев и пошел к ее величеству царице, которая осыпала его ласками. Побыв у нее несколько времени, он подошел к вельможам, сидевшим за столами вокруг

прекрасного водомета (*фонтана — прим. ред.*), а государыня между тем пошла с своими дамами гулять по саду. После этого я стал рассматривать местоположение сада и, между прочим, увидел прелестную молодую дубовую рощицу, насаженную большею частью собственными руками царя и находящуюся прямо против окон царского летнего дворца...

Далее автор описывает светское мероприятие, которое ничем не отличалось от того, что происходило тогда в Европе. Правда, идиллия длилась недолго...

Вскоре после того появились дурные предвестники, вселившие во всех страх и трепет, а именно человек шесть гвардейских grenадеров, которые несли на носилках большие чаши с самым простым хлебным вином; запах его был так силен, что оставался еще, когда grenадеры уже отошли шагов на сто и повернули в другую аллею. Заметив, что вдруг очень многие стали ускользать, как будто завидели самого дьявола, я спросил одного из моих приятелей, тут же стоявшего, что сделалось с этими людьми, и отчето они так поспешно уходят. Но тот взял меня уже за руку и указал на прошедших grenадеров.

Тогда я понял, в чем дело, и поскорее отошел с ним прочь. Мы очень хорошо сделали, потому что вслед за тем встретили многих господ, которые сильно жаловались на свое горе и никак не могли освободиться от неприятного винного вкуса в горле. Меня предупредили, что здесь много шпионов, которые должны узнавать, все ли отведали из горькой чаши; поэтому я никому не доверял и притворился страдающим еще больше других. Однако ж один плут легко сумел узнать, пил я или нет: он просил меня дохнуть на него. Я отвечал, что все это напрасно, что я давно уже выполоскал рот водою; но он возразил, что этим его не уверишь, что он сам целые сутки и более не мог избавиться от этого запаха, который и тогда не уничтожишь, когда наложишь в рот корицы и гвоздики, и что я должен также подвергнуться испытанию, чтоб

иметь понятие о здешних празднествах. Я всячески отговаривался, что не могу никак пить хлебного вина; но все это ни к чему бы не повело, если б мнимый шпион не был хорошим моим приятелем и не вздумал только пошутить надо мною. Если же случится попасться в настоящие руки, то не помогают ни просьбы, ни мольбы: надобно пить во что бы то ни стало. Даже самые нежные дамы не изъяты от этой обязанности, потому что сама царица иногда берет немного вина и пьет. За чашею с вином всюду следуют майоры гвардии, чтобы просить пить тех, которые не трогаются увещаниями простых grenadiers. Из ковшика величиною в большой стакан (но не для всех одинаково наполняемого), который подносит один из рядовых, должно пить за здоровье царя или, как они говорят, их полковника, что все равно. Когда я потом спрашивал, отчего они разносят такой дурной напиток как хлебное вино, мне отвечали, что русские любят его более всех возможных данцигских аквавит (*национальный скандинавский алкогольный напиток крепостью 37,5-50 % — прим. ред.*) и французских водок (которые, однако ж, здешние знатные очень ценят, тогда как простое вино они обыкновенно только берут в рот и потом выплевывают), и что царь приказывает подавать именно это вино из любви к гвардии, которую он всячески старается тешить, часто говоря, что между гвардейцами нет ни одного, которому бы он смело не решился поручить свою жизнь. Находясь в постоянном страхе попасть в руки господ майоров, я боялся всех встречавшихся мне и всякую минуту думал, что меня уж хватают. Поэтому я бродил по саду как заблудившийся, пока наконец не очутился опять у рощицы близ царского летнего дворца. Но на этот раз я был очень поражен, когда подошел к ней поближе: прежнего приятного запаха от деревьев как не бывало, и воздух был там сильно заражен винными испарениями, очень развеселившими духовенство, так что я чуть сам не заболел одною с ними болезнью. Тут стоял один до того полный, что, казалось, тотчас же лопнет; там

другой, который почти расставался с легкими и печенью; от некоторых шагов за сто несло редькой и луком; те же, которые были покрепче других, очень весело продолжали пировать. Одним словом, самые пьяные из гостей были духовные, что очень удивляло нашего придворного проповедника Ремариуса, который никак не воображал, что это делается так грубо и открыто... Так как царь и царица (оставившая, впрочем, своих дам) также в это время отлучились, то нас стали уверять, что мы возвратимся домой не прежде следующего утра, потому что царь, по своему обыкновению, приказал садовым сторожам не выпускать никого без особого дозволения, а часовые, говорят, в подобных случаях бывают так аккуратны, что не пропускают решительно никого, от первого вельможи до последнего простолюдина. Поэтому знатнейшие господа и все дамы должны были оставаться там так же долго, как и мы. Все это бы ничего, если б, на беду, вдруг не пошел проливной дождь, поставивший многих в большое затруднение: вся знать поспешила к галереям, в которых заняла все места, так что некоторые принуждены были стоять все время на дожде. Эта неприятность продолжалась часов до двенадцати, когда наконец пришел его величество царь в простом зеленом кафтане, сделанном наподобие тех, которые носят моряки в дурную погоду (перед тем же на нем был коричневый с серебряными пуговицами и петлицами); шляпу он почти никогда не надевает, приказывая носить ее за собою одному из своих денщиков. Войдя в галерею, где все ждали его с большим нетерпением и потому чрезвычайно обрадовались этому приходу в надежде скоро освободиться, он поговорил немного с некоторыми из своих министров и потом отдал приказание часовым выпускать. Но так как выход был только один, и притом довольно тесный, то прошло еще много времени, пока последние выбрались из сада. Кроме того, надобно было также проходить недалеко от сада через небольшой подъемный мост на малом канале, и только пройдя через него всякий мог без затруднения спешить домой...

Июль

2-го, после обеда, приезжал к его высочеству князь Меншиков и еще раз приглашал его к себе на обед на следующий день. Посидев немного у герцога и выпив стакана два вина, он откланялся, и его высочество проводил его до передней.

3-го его высочество поехал к князю Меншикову в 11 часов утра, потому что там хотел быть царь, который обыкновенно кушает в это время. Из опасения, что у князя будет слишком много гостей, его высочество приказал мне остаться дома, и потому я не знаю хорошенько, что там происходило. Но я слышал после от г. Геклау, который был на этом обеде, что их угощали необыкновенно роскошно: подавали страшное множество блюд и три раза вновь накрывали на стол. Известно, что нигде в Петербурге так хорошо не обедают, как у князя. Общество, говорят, было у него очень многочисленно: кроме его высочества, были царь, царица и много дам и кавалеров. После обеда гости осматривали дом, в котором множество прекрасных комнат; потом ходили в сад, считающийся, после царского, обширнейшим и лучшим в Петербурге. Его высочество возвратился домой очень веселый...

9-го герцог, покушав в 4 часа, ходил в царский Летний сад, находящийся прямо против дома, занимаемого его высочеством. Он хотя уже прежде был там на двух празднествах, но видел все только мельком, и потому захотел теперь, будучи один и на досуге, с большим против прежнего удовольствием осмотреть хорошенько весь сад. Ни царя, ни царицы не было в Петербурге: они уже несколько дней находились в своих увеселительных дворцах в окрестностях города. Но принцессы только в этот день поехали в Екатерингоф, откуда их ожидали к вечеру. Тайному советнику Клауссенгейму (который думал, что должен бу-

дет скоро опять уехать из Петербурга) очень хотелось хорошо видеть царский Летний сад, и он уговаривал его высочество рассматривать в нем все в подробности.

Сад этот имеет продолговатую форму; с восточной стороны к нему примыкает летний дворец царя, с южной — оранжерея, с западной — большой красивый луг (на котором при всех празднествах обыкновенно стоит в строю гвардия, и о котором уже было говорено выше), а с северной он омывается Невой, в этом месте довольно широко. Расскажу по порядку все, что там есть замечательного. С северной стороны, у воды, стоят три длинные открытые галереи, из которых длиннейшая средняя, где всегда при больших торжествах, пока еще не начались танцы, ставится стол со сладостями (*mit Confect*). В обеих других помещаются только столы с холодным кушаньем, за которые обыкновенно садятся офицеры гвардии. В средней галерее находится мраморная статуя Венеры, которую царь до того дорожит, что приказывает ставить к ней для охранения часового. Она в самом деле превосходна, хотя и попорчена немного от долгого лежания в земле. Против этой галереи аллея, самая широкая во всем саду: в ней устроены красивые фонтаны, бьющие довольно высоко. Вода для них проводится в бассейны из канала с помощью большой колесной машины, от чего в ней никогда не может быть недостатка. У первого фонтана место, где обыкновенно царица бывает с своими дамами, а далее, у другого, стоят три или четыре стола, за которыми пьют и курят табак, — это место царя. Вправо от этой круглой и разделенной четырьмя аллеями площадки с одной стороны стоит прекрасная статуя с покрытым лицом, у подножия которой течет или, лучше сказать, бьет вода со всех концов, а с другой находится большой птичник, где многие птицы частью свободно расхаживают, частью заперты в размещенных вокруг него небольших клетках. Там есть орлы, черные аисты, журавли и многие другие редкие птицы. Тут же содержатся, впрочем, и некоторые четвероно-

гие животные, как, например, очень большой еж, имеющий множество черных и белых игл до 11 дюймов длиною. В день празднования Полтавского сражения царь, показывая этого ежа его высочеству, приказал вынуть несколько таких игл, которые уже слабо держались. Из них одну я сберег для себя. Кроме того, там есть еще синяя лисица, несколько соболей и проч. В высоком домике с восточной стороны множество прекрасных и редких голубей. На другой стороне фонтана, против упомянутой статуи, устроена в куще деревьев небольшая беседка, окруженная со всех сторон водою, где обыкновенно проводит время царь, когда желает быть один или когда хочет кого-нибудь хорошенько напоить, потому что уйти оттуда нет никакой возможности, как скоро отчалит стоящий вблизи ботик, на котором переправляются к беседке. На воде плавает здесь большое количество самых редких уток и гусей, которые до того ручные, что позволяют кормить себя из рук. По берегу вокруг расставлены маленькие домики, где они, вероятно, запираются на ночь. Здесь же красуется вполне снаряженный кораблик, на котором иногда потешается карла царя. Против большого птичника устроен еще в виде водопада красиво вызолоченный мраморный фонтан, украшенный многими позолоченными сосудами. Это место (где находится также и оранжерея), бесспорно, одно из лучших в саду; все оно обсажено кустарником и окружено решеткой, которая запирается. Далее отсюда, вправо, стоит большая, сплетенная из стальной проволоки клетка с круглым верхом, наполненная всякого рода маленькими птицами, которые целыми группами летают и садятся на посаженные внутри ее деревца. Еще далее, налево, строится новый грот, который снаружи уже почти совсем готов, но внутри не сделано еще и половины того, что предположено сделать. Он будет очень красив и великолепен, потому что для покрытия его стен и потолка назначается бесчисленное множество разных превосходных раковин, приобретение которых стоило больших издер-

жек. Кроме того, в этом саду находится приятная рощица, о которой я уже прежде не раз говорил, и устроено еще несколько фонтанов; одним словом, там есть все, чего только можно желать для увеселительного сада. Особенно украшают его драгоценные мраморные фонтаны и находящаяся между ними статуя Венеры, которой будто бы 2000 лет, и которая, как говорят, куплена у папы за 3000 скуди и подарена царю. Когда мы пересмотрели все и распили несколько бутылок хорошего венгерского вина, герцог поехал домой, потому что становилось уже поздно. При отъезде его высочество приказал вручить несколько червонцев кунстмейстеру, который всюду водил нас и открывал фонтаны. Он сначала отказывался принять их, но наконец взял с радостью. Таким образом, мы приятно окончили день, по крайней мере для меня: я всегда особенно радуюсь, когда успею рассмотреть что-нибудь любопытное. Уже прежде я несколько раз собирался в этот сад, но намерение мое все оставалось без исполнения, потому что туда пускают только по воскресеньям, и то не всех.

11-го его высочество посетил обер-полицеймейстера, который от имени царя встречал его за несколько верст от города. Он же смотрел и за назначением квартир для нашей придворной свиты, поэтому и ему также старались оказать внимание. Родом он итальянец и еще молодой человек лет 30, худой, но красивый собою. Сперва он был скороходом, потом, если не ошибаюсь, денщиком царя, у которого, кажется, и до сих пор в большой милости. Строгий и быстрый в исполнении царских приказаний, он внушает здешней черни и вообще всем обывателям города такой страх, что они дрожат при одном его имени...

13-го его высочество ездил к тайному советнику Толстому, с которым познакомился еще в Риге, потому что он почти всюду следует за царем. Он человек приветливый и приятный, говорит хорошо по-итальянски и по проис-

хождению, собственно, грек, но давно обрусел. Царь его очень любит. Жены у него нет, но есть любовница, которой содержание, говорят, обходится ему весьма дорого. Он принял его высочество чрезвычайно учтиво и повел в свою комнату, где они долго разговаривали с помощью графа Пушкина, служившего им переводчиком. Его высочество тотчас же обратил внимание на две совершенно различные картины, повешенные в противоположных углах его комнаты: одна изображала кого-то из русских святых, а другая нагую женщину. Тайный советник, заметив, что герцог смотрит на них, засмеялся и сказал, что удивляется, как его высочество так скоро все замечает, тогда как сотни лиц, бывающих у него, вовсе не видят этой обнаженной фигуры, которая нарочно помещена в темный угол. Пробыв здесь несколько времени, его высочество простился с хозяином и поехал домой...

18-го... после обеда, я ездил с некоторыми из наших в Русскую слободу смотреть князя Гагарина, повешенного недалеко от большой новой биржи. Он был прежде губернатором всей Сибири и делал, говорят, очень много добра сосланным туда пленным шведам, для которых в первые три года своего управления истратил будто бы до 15 000 рублей собственных денег. Его вызвали сюда, как говорят, за страшное расхищение царской казны. Он не хотел признаваться в своих проступках и потому несколько раз был жестоко наказываем кнутом. Кнут есть род плети, состоящей из короткой палки и очень длинного ремня. Преступнику обыкновенно связывают руки назад и поднимают его кверху, так что они придутся над головою и вовсе выйдут из суставов; после этого палач берет кнут в обе руки, отступает несколько шагов назад и потом, с разбегу и припрыгнув, ударяет между плеч, вдоль спины, и если удар бывает силен, то пробивает до костей. Палачи так хорошо знают свое дело, что могут класть удар к удару ровно, как бы размеряя их циркулем и линейкою. На-

казание кнутом бывает двоякое: одно употребляется при допросах и заменяет пытку, а другое есть собственно так называемое наказание кнутом, которое от первого отличается только тем, что преступника один из палачей держит на спине. Царь, говорят, прежде очень часто приказывал наказывать кнутом. Года полтора или два тому назад здесь публично наказывали таким образом одного капитана гвардии, который, будучи в нетрезвом виде, дурно говорил о его величестве. Мне рассказывали это очевидцы. Когда князь Гагарин был уже приговорен к виселице, и казнь должна была совершиться, царь, за день перед тем, словесно приказывал уверить его, что не только дарует ему жизнь, но и все прошлое предаст забвению, если он признается в своих, ясно доказанных, преступлениях. Но несмотря на то, что многие свидетели, и в том числе родной его сын, на очных ставках убеждали в них более, нежели сколько было нужно, виновный не признался ни в чем. Тогда, в самый день отъезда царя в нынешнем году в Ригу, он был повешен перед окнами Юстиц-коллегии в присутствии государя и всех своих здешних знатных родственников. Спустя несколько времени его перевезли на то место, где я видел его висящим на другой, большой виселице. Там на обширной площади стояло много шестов с воткнутыми на них головами, между которыми, на особо устроенном эшафоте, виднелись головы брата вдовствующей царицы и еще четырех знатных господ¹⁵. Говорят, что тело этого князя Гагарина, для большего устрашения, будет повешено в третий раз по ту сторону реки и потом будет отослано в Сибирь, где должно сгнить на виселице; но я сомневаюсь в этом, потому что оно теперь уже почти сгнило. Лицо преступника, по здешнему обычаю, закрыто платком, а одежда его состоит из камзола и исподнего платья коричневого цвета, сверх которых надета белая рубашка. На ногах у него маленькие круглые русские сапоги. Росту он очень небольшого. Он был одним из знатнейших и богатейших вельмож в России; оставшийся после

него сын женат на родной дочери вице-канцлера Шафирова и есть тот самый, который несколько лет тому назад долго путешествовал и много промотал денег. Рассказывают, что наш камер-юнкер Геклау находился одно время при нем и, по уверению многих, был у него в услужении; но сам Геклау говорит, что жил у него только для компании. Как бы то ни было, этот молодой Гагарин теперь далеко не в том положении, в каком был в Германии: после смерти отца его разжаловали в матросы, и он, как говорят, находится на действительной службе при Адмиралтействе. Он лишился также всего состояния, потому что все большие поместья и вообще все имущество его отца были конфискованы. История несчастного Гагарина может для многих служить примером; она показывает всему свету власть царя и строгость его наказаний, которая не отличается знатного от незнатного.

23-го, утром, приехал граф Пушкин и объявил, что его величество царь намерен устроить после обеда увеселительное катание по Неве на всех здешних барках и верейках, на которое приказал пригласить и его высочество. Он (Пушкин) хотел заехать за нами, когда выкинут флаг. Здесь так заведено, что если в двух или трех определенных местах города вывешиваются флаги, то все барки и верейки или, смотря по флагу, все яхты, торншхоуты и буеры должны собираться по ту сторону реки, у крепости. Для не являющихся по этому знаку положен большой штраф. После обеда, в назначенный час, явился граф Пушкин, и мы отправились, взяв с собою как барку, так и обе наши верейки. Подъехав к реке, мы увидели, что все ушли уже довольно далеко, почему велели грести сильнее и скоро догнали флотилию. Впереди ее плыл адмирал маленького флота¹⁶ (который составляют все упомянутые небольшие суда), имевший на своем судне, для отличия, большой флаг. Прочие суда должны следовать за ним и не имеют права обгонять его. Царь ехал недалеко позади, на

барке царицы; он стоял у руля, а царица с обеими принцессами, своими дамами и камер-юнкерами сидела в каюте. Проплыв довольно далеко, адмирал поворотил назад, а все следовавшие за ним остановились и выждали, пока он не прошел мимо. В это время мы поравнялись с царскою баркой, и его высочество, вышед из задней каюты, кланялся царю, царице и принцессам, которые отвечали на его поклоны из своих окон. Мы постоянно оставались потом близ этой барки с правой стороны. Валторнисты царицы, данные ей Ягужинским, играли попеременно с нашими, которые на барке стояли позади, царские же впереди. Чудный вид представляла наша флотилия, состоявшая из 50 или 60 барок и вереек, на которых все гребцы были в белых рубашках (на барках их было по 12 человек, а на самых маленьких верейках не менее 4-х). Удовольствие от этой прогулки увеличивалось еще тем, что почти все вельможи имели с собою музыку: звуки множества валторн и труб беспрестанно оглашали воздух. Мы спустились до самого Екатерингофа, куда приехали очень скоро, потому что плыли по течению реки, да и, кроме того, водою туда от города не более четырех верст...

30-го, поутру, царь с его высочеством и со всеми здешними вельможами отправился в путь при пушечной пальбе в крепости и в Адмиралтействе. Ветер был не совсем благоприятный, однако они могли ехать довольно хорошо. Маленький флот их состоял из 80 или 90 судов (из которых его высочество имел для себя и своей свиты три буера), если считать все яхты, торншхоуты и буеры. Вид на реку был очаровательный, когда эти суда, одно за другим, проходили мимо. Адмирал буеров плыл впереди, и никто не смел обгонять его. Для отличия наверху его мачты развевался большой красный и белый флаг. У большей части вельмож были с собою трубы или валторны, звуки которых против крепости чудно раздавались и производили эхо. Царица оставалась дома, потому что дамы не участво-

вали в этой поездке. Без ее свиты после отплытия флотилии Петербург совершенно опустел, так что, кроме здешних купцов, не встречалось почти ни одного порядочного человека. После обеда ассессор, придворный проповедник, Дюваль и я согласились нанять лошадей и ехать осматривать здешние окрестные загородные дворцы...

Август

6-го, утром, получено было известие, что почту, отправленную третьего дня отсюда в Германию, ограбили на первой станции за Петербургом. Как это случилось, не знали; говорили только, что ямщика арестовали, и что лошадь найдена в лесу; но о тюке, в котором лежали письма и около 800 червонцев, все поиски были пока что напрасны...

7-го, в 12 часов утра, все мы, оставшиеся дома, целым обществом всходили на колокольню в крепости, чтобы послушать игру курантов, положенную в это время, и посмотреть на панораму Петербурга. Колокольня эта самая высокая в городе... Когда мы взошли на самый верх, под колокола, музыкант дал нам большую зрительную трубку, с помощью которой можно было видеть оттуда Петергоф, Кронслот и Ораниенбаум. Петербург имеет вид овала и занимает огромное пространство. Во многих местах он еще неплотно застроен; но эти промежутки не замедлят пополниться, если царь еще долго будет жив. Крепость С.-Петербург¹⁷, где находится колокольня, построенная у самой Невы и имеет несколько толстых и высоких каменных бастионов, уставленных большим числом пушек. Говорят, что сооружение ее, которым очень спешили, стоило множества народа, что при тогдашней необыкновенной дороговизне съестных припасов и недостатке в одежде люди как мухи умирали от голода и холода и там же хоронились. Со стороны твердой земли она не так красива и далеко не так укреплена, как со стороны реки,

потому что обнесена только валом и рвом; однако ж защищаться может довольно долго. Она есть в то же время род парижской Бастилии; в ней содержатся все государственные преступники и нередко исполняются тайные пытки. Многие пленные шведские офицеры содержались там в казармах, находящихся под валом. Покойный царевич, впавший в немилость у государя и судебным порядком приговоренный к смерти, под конец также заключен был в эту крепость и в ней умер. Она имеет своего особенного коменданта, и туда ежедневно назначается большой караул от здешних полков. Васильевский остров, где находится дом князя Меншикова, и выстроено уже много других больших зданий, составит собственно город и, как говорят, со временем будет укреплен. Он очень обширен, но застроен только по берегу и опоясывается Невою, которая перед крепостью разделяется на два рукава. Вся левая сторона реки, где стоит крепость, составляет одну сплошную массу, так что там можно пройти сухим путем от одного конца до другого. Но город по правую сторону реки, где Адмиралтейство, прорезан многими каналами, через которые наведены мосты (исключая, впрочем, канал, протекающий возле царского летнего дворца), так что если нужно отправиться из этого дворца, или из Почтового дома (близ которого живет его высочество), или из царского зимнего дворца, находящегося на третьем канале, на противоположную сторону, где стоят дома вдовствующей царицы, генерал-фельдцейхмейстера Брюса и многих других вельмож, то чтоб попасть туда, надобно ехать к Адмиралтейству и далее, через длинный проспект, вымощенный пленными шведами и усаженный с обеих сторон деревьями; поэтому в таких случаях берут обыкновенно барки и верейки, потому что водою туда недалеко. С колокольни еще прекрасный вид на совершенно прямую аллею. В крепости ежедневно, в полдень, играют гобоисты, а на башне Адмиралтейства, в то же время, особые трубачи. Из крепости мы пошли на площадь, где совершаются казни (там,

рядом с 4-мя другими головами, выставлена голова брата прежней, впавшей в немилость царицы, урожденной Лопухиной), чтобы взглянуть на князя Гагарина, казненного незадолго до отъезда царя в Ригу. Он был сперва повешен перед домом Сената, куда, кроме сенаторов, были собраны смотреть на казнь и все родственники преступника, которые потом должны были весело пить с царем. Побыв немного на этом печальном месте, мы отправились домой...

11-го возвратились в Петербург его королевское высочество в карете, а царь и царица водою, со всею флотилиею. Его высочество из Стрельны-мызы ездил с царским маршалом (Олсуфьевым) на дачу последнего, где со всею своею свитою должен был очень много пить, и оттуда уже отправился домой в карете царицы.

12-го его высочество весь день оставался дома, потому что чувствовал еще усталость после совершенной поездки.

13-го один из моих хороших приятелей, бригадир Ранцау, который был в числе ездивших в Кронслот, рассказал мне следующее об этой поездке.

Отплыв из Петербурга 30 июля, в 11 часов утра, они, по причине слабого ветра, прибыли в Кронслот только часов в 6 или 7 вечера и остановились там в доме великого адмирала Апраксина.

31 июля царь показывал его высочеству и нашей свите сперва три большие окруженные бойверком гавани, где стоят корабли, потом большую кронслотскую батарею, обращенную к морю. После того они поехали на нескольких шлюпках в собственно так называемую крепость Кронслот, которая окружена со всех сторон водою, а оттуда, осмотрев ее, к двум стоявшим вблизи бомбардирским галиотам. Когда они взошли на первую, царь опять сам все показывал и объяснял его высочеству. Он думал

сначала, что она та самая, на которой было приказано им устроить все для увеселения герцога; но узнав, что для того приготовлена другая галиота, поспешно отправился на нее, и там в присутствии его высочества бросали разные бомбы. После всего этого они возвратились в Кронслот, откуда царь спустя несколько времени поехал с небольшою свитою в Петергоф. В его отсутствие князь Меншиков в тот же день угощал его высочество и всю нашу свиту. Вечером царский маршал Олсуфьев сказал тайному советнику Бассевичу, что так как его высочество взял с собою своих поваров, то им можно приказать требовать всю нужную провизию, которая готова к их услугам. Поэтому герцог на другой день, 1 августа, угощал всех русских министров, при чем очень много пили. Рано утром князь Меншиков уезжал в свое поместье Ораниенбаум; однако еще до обеда приехал назад и участвовал в пиршестве. Его величество царь вечером возвратился из Петергофа в Кронслот и на следующий день, 2 августа, в 7 часов утра, прислал к его высочеству графа Пушкина с приглашением приехать на флот, для чего и были приведены два судна, потому что царь находился уже на яхте. Пушкин думал, что его величество на несколько дней поедет к флоту, и просил герцога не брать с собою других вещей, кроме постельного белья, говоря, что его высочество будет иметь особую яхту, где найдет все удобства для себя и для шестерых или семерых кавалеров, и что для остальных и для прислуги приготовлены еще два судна. Кроме того, он имел поручение сообщить его высочеству, чтоб он и его свита были без шпаг, потому что и сам государь оставит при себе только небольшой кортик. Требование этот тотчас же было исполнено как его высочеством, так и всею свитою. Герцог отправился на транспортное судно, т. е. на прекрасную яхту «Принцесса Анна», где его встретили царский маршал и капитан яхты, который немедленно снялся с якоря и направился к флоту, находившемуся в 30 верстах от Кронслота. Во время плаванья его высоче-

ство обедал на яхте со всеми русскими вельможами. Царь потом также присоединился к ним. Около 6 часов вечера они подошли к месту, где стояли корабли, и бросили якорь, после чего его величество царь с его высочеством объехали на шлюпке вокруг всего флота, состоявшего из 18 линейных кораблей¹⁸ и 3 фрегатов, которые были расположены в виде треугольника кормою или задом наружу, а носом внутрь. Проезжая мимо каждого из них, царь пил за здоровье капитанов, стоявших у кормы своих кораблей. Совершив весь круг, они возвратились на транспортную яхту. Здесь царь простился с герцогом и поехал опять к флоту, а его высочество остался на ней и провел весь вечер один с своею свитою, что пришлось очень кстати после вчерашней пирушки. Я забыл сказать, что когда они подъехали к флоту, с него раздался сигнальный пушечный выстрел, после которого в один миг все корабли украсились бесчисленным множеством маленьких и больших разноцветных флагов и вымпелов; эффект был удивительный, тем более что вслед за другим выстрелом их так же быстро опять опустили. На следующий день, 3 августа, утром, его высочество получил через молодого Трубецкого приглашение приехать на царский корабль «Ингерманландия». С прибытием туда герцога все якоря по данному сигналу были подняты, и царь объявил его высочеству, что хочет повеселить его морскими маневрами, для которых, чтобы иметь более места, необходимо выйти далее в открытое море. Корабли двинулись на несколько верст вперед без особенного порядка; но подойдя к месту, где должно было происходить сражение, они выстроились в две линии, по 9 кораблей на каждой. Царь командовал правою, а князь Меншиков левою. Его величество в качестве командующего находился на среднем корабле, пятом в линии, и держался прямо против пятого же другой линии. Все сигналы подавались с этих двух адмиральных кораблей посредством вымпелов или флагов, из которых каждый имеет свое значение и тотчас же под-

нимается и на других кораблях. Для хранения сигнальных флагов сделаны, говорят, особые ящики, на которых они, для скорейшего их приискания, нарисованы в миниатюре. Кроме того, при них на кораблях вывешивается еще доска, где они также все нарисованы, и где находится объяснение каждого на русском и голландском языках. По ней наша свита при появлении сигналов могла сейчас видеть, в чем заключалась воля царя, и что он приказывал кораблям. Этот флот, составленный из двух линий, маневрировал более часа, сопровождая свои движения то ружейными, то пушечными залпами. Во всем сохранялся удивительный порядок, и зрители имели много удовольствия, тем более, что дым от сильной пальбы не приходил на их сторону, и что ядер и пуль нечего было опасаться. По окончании этого великолепного увеселения корабли стали опять возвращаться туда, где стояли на якорях, и тут можно было видеть, который из них шел лучше, потому что на каждом употреблялись все усилия, чтобы прийти вовремя на прежнее место. В продолжение маневров и морского сражения они должны были поднимать и направлять свои паруса смотря по тому, какой требовался ход, чтобы постоянно оставаться друг против друга; но на обратном пути каждому из них предоставлена была свобода делать все возможное для обгона других. Царь, говорят, приказал арестовать нескольких флотских капитанов за то, что они в сражении иногда не совсем держались в линии; но на другой день их освободили. По этому случаю у государя был сильный спор с контр-адмиралом Сиверсом, который слишком горячо принял сторону офицеров и приписывал недоразумения отчасти ему самому. Все присутствовавшие не могли надивиться терпению его величества во время этого спора.

На другой день, 4 августа, его величество царь был с его высочеством на 6 или 7 военных кораблях, где сам все показывал и объяснял. В этот день много пили, потому что на каждом корабле были угощения. От них будто бы даже и наш герцог был порядочно навеселе.

5 августа они уехали с флота и к вечеру возвратились в Крон-слот, а на другой день, 6 августа, со всею флотилиею, состоящею из 80 или 90 судов, оставили Кронслот и около полудня прибыли в Ораниенбаум, откуда царь вечером уехал вперед в Петергоф.

7 августа, в час пополудни, его высочество со всею флотилиею отплыл в Петергоф. Он прибыл туда благополучно и был очень хорошо принят.

8 августа их величества (царица, не участвовавшая в поездке, выехала в Петергоф навстречу царю) ездили за 23 версты оттуда в имение великого канцлера Головкина, где готовилось прорытие трех маленьких речек для проведения воды в резервуары петергофских фонтанов. Царь и знатнейшие русские вельможи собственноручно открыли работы, и притом так, что его величество прежде всех приложил к земле заступ. В этот день все общество собиралось у великого канцлера, который угощал его, но не роскошно, потому что, несмотря на свое богатство, чрезвычайно скуп. У него, говорят, есть там странная лошадь, которую по приказанию царя выводили и показывали его высочеству: она двуполоая, но ржет как жеребец.

9 августа осматривали Монплеизир и остальную часть Петергофа. На следующий день, 10 августа, все поехали сухим путем в Стрельну-мызу, где осматривали строящийся новый дворец и находящийся при нем сад, а потом весело пировали. После обеда его величество царь, его высочество и вся их свита ездили верхом осматривать окрестности и круглое место, с которого видны 12 аллей (но там, говорят, есть еще другое место, где сходятся 16 аллей). На этой прогулке посланник Штамке, бывший очень навеселе, имел несчастье упасть с лошади и так повредить себе ногу, что и до сих пор еще не оправился.

11 августа, в последний день поездки, их величества царь и царица со всею свитою отплыли в Петербург, где возвращение флотилии было приветствовано пушечною пальбою с крепости, а его высочество с своими кавалерами и с маршалом Олсуфьевым отправился в каретах царицы и

приехал в Петербург почти в одно время с флотилиею. Дорогой они обедали на даче, принадлежащей маршалу, где так сильно пили, что некоторые из наших кавалеров вечером возвратились домой порядочно пьяные. В Стрельне царь подарил герцогу прекрасного иноходца, на котором его высочество ездил верхом на вышеупомянутую прогулку. Этим окончился рассказ моего приятеля...

14-го я переехал к тайному советнику Бассевичу, у которого в доме было довольно места. Прежняя моя квартира была и скучна, и дурна. После обеда приезжал царский маршал Олсуфьев и просил нашего герцога пожаловать к нему на другой день обедать. Его высочество не мог отказать, особенно когда узнал, что царь и царица также там будут...

25-го капитан Курке, который был женат на одной из сестер моего покойного отца, простился со мною и отправился опять в Казань, где стоит его полк. Его присылали сюда на короткое время с казенными деньгами и с какою-то просьбою. Прежде он находился в шведской службе, но потом вместе с многими другими офицерами по необходимости должен был вступить в здешнюю. Родом он, если не ошибаюсь, лифляндец и уже немолод, но человек очень приятный и добрый....

29-го его высочество был после обеда у князя Репнина, приехавшего сюда недавно из Риги. В этот день я с придворным проповедником и с ассессором Сурландом ходил в царскую Кунсткамеру, собранную его величеством царем с большими издержками и заключающую в себе множество замечательных предметов по части естественной истории и других¹⁹. Там между прочим находится живой человек без половых органов, вместо которых у него род грибообразного нароста, похожего на коровье вымя и имеющего посредине мясистый кусок величиною в талер, откуда постоянно выходит густая моча. К наросту

ту, для сохранения в чистоте белья, привязан пузырь, куда она стекает. Все это до того отвратительно, что многие вообще не могут видеть бедняка. Поэтому легко себе представить, каково ему. Впрочем, он свеж и здоров, рубит дрова и исправляет разные другие работы; но жить должен в особой комнате, потому что распространяет от себя невыносимый запах. Человек этот, как говорят, из Сибири, и родители его зажиточные простолюдины. Он охотно дал бы сто рублей и более, чтобы только получить свободу и возвратиться на родину, откуда родственники должны были выслать его вследствие царского указа²⁰, повелевающего препровождать в Петербург из всего государства все неестественное и неизвестное в каком бы то ни было роде. Губернаторам предписано точно исполнять его под страхом тяжкого наказания. Вот почему здесь набрано такое множество предметов по части естественной истории и самых разнообразных уродов. Между анатомическими препаратами находятся и собранные в Амстердаме знаменитым доктором Рюйшем (*Ruysch*), которые царь купил у его наследников за 10 000 рублей²¹. В Кунсткамере расставлено большое количество сосудов, в которых сохраняются в спирту всякого рода звери, птицы, рыбы, змеи и тому подобные, также разные части человеческого тела, целые трупы, уроды, зародыши обоего пола. Далее показываются все артерии и нервы человеческого тела, сделанные из цветного воску. Между многими другими подобными предметами я особенно заметил голову, в которой превосходно сделаны из красного воску все артерии, изображающие сложное устройство мозга, потом — постепенное развитие человеческого зародыша от первого зачатия. В сосудах, наполненных спиртом, можно видеть: матку, перед отверстием которой лежит младенец с совершенно образовавшимися головою и лицом, множество младенцев, вырезанных из утробы, с кожей и без кожи, человеческого уроды с одною головою, но двумя лицами, много других уродов с двумя головами, четырьмя руками, четырьмя ногами, многими пальцами и т. д.;

постепенное видоизменение лягушек и их зарождение из головастиков; животное *pigritia* (названное так по причине медленности его на ходу — оно может делать не более 20 шагов в день) с короткими ногами и широкою мордою, обросшею волосами²²; особенный род лягушек, рождающихся из спины самки, что и видно на одной из них, очень широкой, из которой выходят до 20 детенышей, частью до половины, частью только головою; еще одно большое животное, называемое *philander* (с белою шерстью, похожее на молодую кошку), у которого под брюхом род мешка, куда оно собирает своих детенышей, когда переходит или переплывает с места на место (в этом мешке и было их несколько)²³, и мн. друг. Мы осматривали еще шкаф, наполненный сосудами с *partes genitales feminae*²⁴ разной величины, и другой — с восковыми изображениями *partium genitalium viri*²⁵, из которых можно видеть, что нижняя, мясистая их часть состоит только из нервов; потом видели взрезанную утробу, с большою кишкою внизу и пузырем вверху, где все артерии сделаны из красного воску, и полный foetus (зародыш) в его естественном положении. Кроме того, нам показывали свинью с человеческим лицом (обросшим, впрочем, щетиною), которую только недавно привезли сюда из-за Москвы миль за 100²⁶. Наконец мы видели нескольких живых мальчиков, имеющих на руках и на ногах только по два пальца, которые похожи на клешни рака, однако ж не мешают им ходить, поднимать и брать деньги, и проч. При Кунсткамере находятся прекрасный мюнц-кабинет и довольно большая библиотека, собранная большею частью в Польше. При ней же помещается особо и библиотека бывшего лейб-медика Арескина, состоящая преимущественно из книг медицинских, физических и философских, но дорогих и редких. Все книги красиво переплетены. Теперешний библиотекарь, Шумахер, послан за границу для покупки разных редкостей. В его отсутствие место его занимает один аптекарь, который заведует Кунсткамерою...

Сентябрь

1-го, в пять часов утра, я отправился ко двору и собрал музыкантов, с которыми пошел к обер-егермейстеру, чтобы дать ему серенаду из 6 валторн и просить его не уходить никуда до обеда. Около 12 часов его высочество с тремя тайными советниками, также Штенфлихт, Ранцау и все мы, в зеленых костюмах, поехали к нему верхами для поздравления с нынешним днем. Тайный советник Бассевич от имени его высочества говорил ему речь и, кроме того, поднес еще подарок. Затем вся наша процессия отправилась к посланнику Штамке, у которого обедали...

4-го из Нейштата получено известие о заключенном там 30 августа мире с Швецией; но так как он состоялся с исключением нашего герцога несмотря на все, и еще весьма недавние, уверения, что мир не будет заключен без утверждения за его высочеством прав наследования шведского престола, то день этот был для нас очень печален. Около 10 часов утра началась пушечная пальба в крепости и в Адмиралтействе и спустя час продолжалась снова.

В это время царь находился в церкви Св. Троицы, где совершалось благодарственное молебствие. Оттуда он потом тотчас отправился к князю Ромодановскому, как князю-кесарю, и объявил ему о заключенном мире. Обо всем этом, равно и о причине пальбы, мы ничего не знали, пока во время обеда не явился к его высочеству камергер Пушкин и не поздравил его от имени царя с заключением мира. Вскоре после того приехал вице-канцлер Шафиров, присланный к его высочеству царем вместе с тайным советником Бассевичем, который по получении от камергера известия о мире немедленно был отправлен герцогом к царю и имел с ним сильный спор. Вице-канцлер главным образом извинялся тем, что иначе вовсе нельзя было заключить мира и пришлось бы все оставить, потому что шведов ничем не могли склонить в пользу герцога; что

царь и его королевское высочество — смертные люди, и его величество считал бы себя виновным перед потомством, если б отказался от столь выгодного для России мира или хоть решился только отсрочить его, и т. п.; но в то же время свято уверял, что царь, у которого руки теперь развязаны, сделает все возможное относительно наследственных земель герцога и его бракосочетания. Его королевское высочество в ответе своем выразил сожаление, что в настоящую минуту не могут сделать для него более. Одним словом, все мы были немало поражены этим неожиданным известием о бесплодном для нас мире, несмотря на то, что наш добрый государь был не только веселее других, но еще ободрял нас, говоря, что полагается во всем на волю Божию и уверен, что Провидение его не оставит. Между тем на всех улицах до поздней ночи объявляли о мире при звуках литавр и труб. Литавры были покрыты белою тафтою, а трубачи и следовавшие за ними всадники имели белые шарфы или повязки через плечо и держали белое знамя с изображением двойной масличной ветви с лавровым венком наверху. На всадниках были старые заржавленные железные шлемы, а на трубачах старые коричневые кафтаны, что все вместе отличалось какою-то особенностью, но совсем не великолепием. В наших ушах эта музыка отзывалась как-то тяжело и неприятно.

5-го его королевское высочество не выходил к молитве и приказал не впускать к себе никого, кроме тайных советников. К довершению досады, в полдень на нашем дворе собрались все литаврщики, трубачи, гобоисты и барабанщики находящихся здесь полков и неожиданно приветствовали нас музыкою на заключение мира, что нам было вовсе неприятно, а герцогу стоило только денег. По здешнему старинному обычаю они разделились потом на партии, чтобы быть с своим поздравлением у всех вельмож в одно время. Немного спустя приехали к нам два царских камергера, Пушкин и Нарышкин, для пригла-

шения его высочества от имени царя на празднество по случаю приходившегося в этот день рождения²⁷ принцессы Елисаветы и, предварительно, на увеселительное катанье по Неве, для чего на канале, перед домом его высочества, тотчас явился торншхоут (очень спокойное судно величиною с обыкновенный галиот). Герцог поневоле должен был принять это приглашение. Откушав в своей комнате и дождавшись обыкновенного сигнала — пушечного выстрела с крепости, он сел с нами в торншхоут и отправился на противоположную сторону реки, к дому Четырех Фрегатов²⁸, где при подобных катаньях всегда бывает сборное место. Когда мы прибыли туда, его королевское высочество вышел из своего судна и перешел на царицыно, где находился также и царь, который тотчас обнял его высочество и долго говорил ему что-то на ухо. Потом герцог опять пересел на свой торншхоут, и мы с множеством буеров, торншхоутов и яхт начали разъезжать взад и вперед по Неве, при чем все постоянно следовали за адмиралом буеров (который всегда находится впереди и для отличия имеет на своей мачте большой флаг). Как при подобных катаньях, так и при катаньях на барках и верейках никто не имеет права перегонять его; кроме того, когда он поворачивает, все должны также поворачивать; наконец, никто, под штрафом, не может уехать домой, пока он не подаст установленного для того сигнала и не опустит своего флага. Если он своими маленькими пушками салютует крепость или Адмиралтейство, то и все прочие суда, снабженные пушками, делают, по данному сигналу, то же самое, что в этот раз все и происходило. В продолжение нашей прогулки валторнисты и другие музыканты оглашали воздух веселыми звуками, потому что почти у всех вельмож была с собою музыка. Все это было бы нам очень приятно, если б мы при том могли быть веселыми. Поездив таким образом несколько времени, мы остановились у Почтового дома (где очень часто справляются случающиеся празднества), и их величества с принцессами и его высочество с своею свитою отправились туда. Царь с гер-

цогом и с знатнейшими кавалерами тотчас пошел в большую залу и сел за стол, а царица с дамами поместилась особо в смежной комнате. Его королевское высочество сидел подле царя с правой, а князь Меншиков с левой стороны. На стороне его высочества сидели, возле него — прусский министр Мардефельд, потом — наши министры, на стороне же князя — все русские вельможи, как кому пришлось. За этим обедом так называемый князь-папа страшно шумел. Потом он встал, принес трубки и табак и уселся с ними опять за царским столом. В большой зале и в боковых комнатах стояли еще длинные узкие столы, за которыми сидели все гражданские, придворные и военные чины. В другой большой зале царица с принцессами, маленьким великим князем и его сестрою, вдовствующею царицею и ее дочерьми и с знатнейшими дамами кушала за большим овальным столом, превосходно убранным. Все дамы были в самых парадных платьях. По окончании обеда столы из этой залы были вынесены, и царь, взяв его высочество за руку, сам повел его к дамам, где начали танцевать. Царь, однако ж, тотчас же вернулся к мужчинам и просидел с ними почти все время. Танцы продолжались до 11 часов, после чего его королевское высочество, в одно время с их величествами, отправился домой.

6-го двор наш был немного веселее вчерашнего, потому что царь уверил герцога, что иначе никак не мог заключить мира с Швециею, и в то же время торжественно обещал вполне удовлетворить его королевское высочество и без того не отпускать от себя. Между тем нам стороною дали заметить, что царь вчера остался не совсем доволен нашими печальными лицами. Но могли ли мы быть веселыми? Заговорили также о браке со старшею принцессою, и это нам польстило. Наши тайные советники обедали в этот день у князя Меншикова. После обеда некоторые из нас осматривали большой находившийся в Шлезвиге глобус, который 8 лет тому назад с согласия епископа-администратора был привезен сюда. Говорят, он был в дороге

четыре года. До Ревеля его везли водою, а оттуда в Петербург сухим путем на особо устроенной для того машине, которую тащили люди. Рассказывают также, что не только надобно было расчищать дороги и прорубать леса, потому что иначе его с машиной нельзя было провезти, но что будто при этом даже погибло и много народа. Он стоит на лугу, против дома его королевского высочества, в нарочно сделанном для него балагане, где, как я слышал, его оставят до окончательной отделки большого здания на Васильевском острове, предназначаемого для Кунсткамеры и других редкостей, куда поместят и его. Присмотр за ним до сих пор еще имеет перевозивший его сюда портной, родом саксонец, но долго находившийся в Шлезвиге. Поставленный здесь только на время, он стоит покамест нехорошо: около него нет даже галереи, бывшей при нем в Шлезвиге и представлявшей горизонт; она теперь сохраняется особо. Наружная сторона глобуса, еще несколько не попорченная, сделана из бумаги, наклеенной на медь, искусно разрисованной пером и раскрашенной; во внутренность его ведет дверь, на которой изображен Голштинский герб, и там, в самой середине, находится стол со скамьями вокруг, где нас поместилось 10 человек. Под столом устроен механизм, который сидевший вместе с нами портной привел в движение; после чего как внутренний небесный круг, на котором изображены из меди все звезды сообразно их величине, так и наружный шар начали медленно вертеться над нашими головами около своей оси, сделанной из толстой полированной меди и проходящей сквозь шар и стол, за которым мы сидели. Около этой же оси, посредине стола, устроен еще маленький глобус из полированной меди с искусно награвированным на нем изображением земли. Он остается неподвижным, когда вокруг него обращается большая внутренняя небесная сфера, между тем как стол образует его горизонт. На том же столе в одно время со всею машиною вертится еще какой-то медный круг, назначение которого мне не могли объяснить. Скамьи вокруг стола с их спинками составляют медный

круг с разделением горизонта большой внутренней небесной сферы. На наружной стороне глобуса находится латинская надпись, гласящая, что *illus-trissimus ac celsissimus princeps ac dominus, dux Holsatiae Fredericus* (светлейший герцог Голштинский Фридрих) из любви к наукам математическим приказал в 1654 году начать сооружение этого шара, которое продолжал *ipsius successor, gloriosissimae memoriae, Christ. Albertus* (наследник его, вечнодостойная памяти Христиан Альберт), и которое наконец окончено в 1661 году, *sub directione Olearii* (под управлением Олеария), после которого названы также *fabrikator* и *architektor* всей машины, уроженцы города Люттиха, и еще два брата из Гузума, которые как наружный шар, так и внутреннюю небесную сферу разрисовали пером, описали и раскрасили. Когда этот глобус будет перенесен в новый дом, царь намерен привести его опять в движение посредством особенного механизма, чтоб он вертелся без помощи человеческих рук, как прежде в Готторпском саду, где приводился в движение водою. После обеда его высочество ездил к князю Меншикову. Там был также и царь, и они переговорили обо всем нужном для назначенного уже маскарада.

7-го не случилось ничего особенного, только было, между прочим, сделано распоряжение о приготовлении наших маскарадных костюмов, причем было решено, что его высочество, с большей частью своих придворных кавалеров, будет представлять группу французских крестьян.

8-го. Все маски или, лучше сказать, лица, назначенные участвовать в маскараде, собирались у князя Меншикова, где были расставлены так, как потом им следовало идти в процессии.

9-го. Тайные советники Бассевич и Геспен с Ранцау, Сальдерном и Альфельдом, а я с тайным советником Клауссенгеймом, Нарышкиным, Сурландом, Геклау и Шуль-

цем ездили на лодках по каналам, чтобы приучиться гребсти, потому что сначала было назначено нам во время маскарада ездить, подобно другим, на лодках, но потом это отменили.

10-го начался большой маскарад, который должен был продолжаться целую неделю, и в этот же день праздновалась свадьба князя-папы со вдовою его предместника, которая целый год не соглашалась выходить за него, но теперь должна была повиноваться воле царя. Было приказано, чтобы сегодня, по сигнальному выстрелу из пушки, все маски собрались по ту сторону реки на площади, которая вся была устлана досками, положенными на бревна, потому что место там очень болотисто и не вымощено. Площадь эта находится перед Сенатом и церковью Св. Троицы, имея с одной стороны здания художеств²⁹, с другой — крепость, с третьей — здания всех коллегий, а с четвертой — Неву. Посредине ее стоит упомянутая церковь Св. Троицы, а перед Сенатом возвышается большая деревянная пирамида, воздвигнутая в память отнятия у шведов, в 1714 году, четырех фрегатов³⁰, в котором царь сам участвовал, за что и был произведен князем-кесарем в вице-адмиралы. Она украшена разного рода девизами. В 8 часов утра последовал сказанный сигнал, и его высочество с своими кавалерами отправился на барке к сборному месту, но покамест в плащах. В этот день в крепости не только подняли большой праздничный флаг (из желтой материи, с изображением черного двуглавого орла), но и палили, в знак торжества, из пушек, как и на галерах, стоявших по реке. Между тем все маски, в плащах, съехались на сборное место, и пока особо назначенные маршалы разделяли и расставляли их по группам в том порядке, в каком они должны были следовать друг за другом, их величества, его высочество и знатнейшие из вельмож находились у обедни в Троицкой церкви, где совершилось и бракосочетание князя-папы, которого венчали в полном

его костюме. Когда же, по окончании этой церемонии, их величества со всеми прочими вышли из церкви, сам царь, как было условлено наперед, ударил в барабан (его величество представлял корабельного барабанщика и уж, конечно, не жалел старой телячьей кожи инструмента, будучи мастером своего дела и начав, как известно, военную службу с этой должности); все маски разом сбросили плащи, и площадь запестрела разнообразнейшими костюмами. Открылось вдруг 1000 масок, разделенных на большие группы и стоявших на назначенных для них местах. Они начали медленно ходить на большой площади процессией, по порядку номеров, и гуляли таким образом часа два, чтобы лучше рассмотреть друг друга. Царь, одетый, как сказано, голландским матросом или французским крестьянином и в то же время корабельным барабанщиком, имел через плечо черную бархатную, обшитую серебром перевязь, на которой висел барабан, и исполнял свое дело превосходно. Перед ним шли три трубача, одетые арабами, с белыми повязками на головах, в белых фартуках и в костюмах, обложенных серебряным галуном, а возле него три другие барабанщика, именно генерал-лейтенант Бутурлин, генерал-майор Чернышев и гвардии майор Мамонов, из которых оба первые были одеты как его величество. За ними следовал князь-кесарь в костюме древних царей, т. е. в бархатной мантии, подбитой горностаем, в золотой короне и со скипетром в руке, окруженный толпою слуг в старинной русской одежде. Царица, заключавшая со всеми дамами процессию, была одета голландскою или фризскою крестьянкой — в душегрейке и юбке из черного бархата, обложенных красной тафтой, в простом чепце из голландского полотна, и держала под рукою небольшую корзинку. Этот костюм ей очень шел. Перед нею шли ее гобоисты и три камер-юнкера, а по обеим сторонам — 8 арабов в индийской одежде из черного бархата и с большими цветами на головах. За государыней следовали две девицы Нарышкины, одетые точно так, как она, а за ними

все дамы, именно сперва придворные, также в крестьянских платьях, но не из бархата, а из белого полотна и тафты, красиво обшитых красными, зелеными и желтыми лентами, потом остальные, переодетые пастушками, нимфами, негритянками, монахинями, арлекинами, скарамушами; некоторые имели старинный русский костюм, испанский и другие, и все были очень милы. Все шествие заключал большой толстый францисканец в своем орденском одеянии и с странническим посохом в руке. За группой царицы, как за царем, шла княгиня-кесарша Ромодановская в костюме древних цариц, т. е. в длинной красной бархатной мантии, отороченной золотом, и в короне из драгоценных камней и жемчуга. Женщины ее свиты имели также старинную русскую одежду. Его королевское высочество, наш герцог, был со своей группой в костюме французских виноградарей, в шелковых фуфайках и панталонах разных цветов, красиво обложенных лентами. Шляпы у них были обтянуты тафтой и обвиты вокруг тульи лозами с виноградными кистями из воска. Его высочество, в костюме розового цвета, шел один впереди, отличаясь от своей группы тем, что имел под тафтяной фуфайкой короткий парчовый камзол, входивший в панталоны, и что вместо шнурков и лент платье его было обшито серебряным галуном. Кроме того, он держал в руке виноградный серп. За ним шла его свита в три ряда, по три человека в каждом, именно первый ряд в зеленых костюмах, второй — в желтых, третий — в голубых. Ленты на тафтяных фуфайках были у них также разноцветные, но нашиты у всех одинаково, шляпы же одного цвета. Группу эту заключал г. фон Альфельд в костюме темно-красного цвета, обшитом, как и у герцога, галуном, но очень узким. Первый ряд составляли тайный советник Клауссенгейм, Бонде и Ранцау, второй — тайный советник Бассевич, Штенфлихт и Сальдерн, третий — тайный советник Геспен, Лорх и Штамке. Мы, прочие, были на этот раз только зрителями, потому что свита герцога не могла

быть больше. Группа его высочества была одной из лучших. Маски, следовавшие за нею, отличались красивыми и самыми разнообразными костюмами. Одни были одеты как гамбургские бургомистры в их полном наряде из черного бархата (между ними находился и князь Меншиков); другие, именно гвардейские офицеры, как римские воины, в размалеванных латах, в шлемах и с цветами на головах; третьи как турки, индейцы, испанцы (в числе их был крещеный жид и шут царя Ла-Коста), персияне, китайцы, епископы, прелаты, каноники, аббаты, капуцины, доминиканцы, иезуиты; некоторые, как государственные министры, в шелковых мантиях и больших париках, или как венецианские *nobili* (дворяне); наконец, многие были наряжены жидами (здешние купцы), корабельщиками, рудокопами и другими ремесленниками. Самыми странными были князь-папа, из рода Бутурлиных, и коллегия кардиналов в их полном наряде. Все они величайшие и развратнейшие пьяницы, но между ними есть некоторые из хороших фамилий. Коллегия эта и глава ее, так называемый князь-папа, имеют свой особый устав и должны всякий день напиваться допьяна пивом, водкой и вином. Как скоро один из ее членов умирает, на место его тотчас, со многими церемониями, избирается другой отчаянный пьяница. Поводом к учреждению ее царем был, говорят, слишком распространившийся между его подданными, особенно между знатными лицами, порок пьянства, который он хотел осмеять, и вместе с тем предостеречь последних от позора. Многие губернаторы и другие сановники имели в этом случае одинаковую участь с людьми, менее их знатными, и не были избавлены от поступления в коллегия. Но другие думают, что царь насмехается над папою и его кардиналами, тем более, что он, как рассказывают, не щадит и своего духовенства, приказывая ежегодно перед постом исполнять одну смешную церемонию: в прежние времена в Москве всякий год в Вербное воскресенье бывала особенная процессия, в которой патриарх ехал верхом, а царь вел ло-

шадь его за поводья через весь город. Вместо всего этого бывает теперь совершенно другая церемония: в тот же день князь-папа с своими кардиналами ездит по всему городу и делает визиты верхом на волах или ослах либо в санных, в которые запрягают свиней, медведей или козлов. Я думаю скорее, что его величество имел в виду первую причину. Конечно, он может иметь тут еще и другую, скрытую цель, потому что, как государь мудрый, всячески заботится о благе своего народа и всеми мерами старается искоренять в нем старые грубые предрассудки. Я было забыл при этом случае упомянуть, что князь-папа для прислуги имеет 10 или 12 человек, тщательно набираемых для него во всем государстве, которые не могут говорить как следует, страшно заикаются и делают притом самые разнообразнейшие телодвижения. Они обязаны прислуживать ему и всей коллегии во время празднеств и имеют свой особенный смешной костюм.

Но возвращаясь к маскараду. Кроме названных масок, были еще в разных уморительных нарядах сотни других, которые бегали с бичами, пузырями, наполненными горохом, погремушками и свистками, и делали множество шалостей. Были некоторые и отдельные смешные маски, как, например, турецкий муфтий в обыкновенном своем одеянии, Бахус в тигровой коже и увешанный виноградными лозами, очень натуральный, потому что его представлял человек приземистый, необыкновенно толстый и с распухшим лицом. Говорят, его перед тем целые три дня постоянно поили, при чем ни на минуту не давали ему заснуть. Весьма недурны были Нептун и другие боги; но особенно хорош и чрезвычайно натурален был Сатир (танцмейстер князя Меншикова), делавший на ходу искусные и трудные прыжки. Многие очень искусно представляли журавлей. Огромный француз царя и один из самых рослых гайдуков были одеты как маленькие дети, и их водили на помочах два крошечных карла, наряженных стариками с длинными седыми бородами. Некоторые щеголя-

ли в костюме прежних бояр, т. е. имели длинные бороды, высокие собольи шапки и парчовые кафтаны под шелковыми охабнями и ездили верхом на живых ручных медведях. Так называемый виташий или тайный кухмистер³¹ был весь зашит в медвежью шкуру и превосходно представлял медведя; сначала он несколько времени вертелся в какой-то машине, похожей на клетки, в которых прыгают белки, но потом должен был ездить верхом на медведе. Кто-то представлял индейского жреца, увешанного бубенчиками и в шляпе с огромными полями. Несколько человек были наряжены, как индейские цари, в перья всевозможных цветов и т. д.

Погуляв, при стечении тысяч народа, часа два по площади и рассмотрев хорошенько друг друга, все маски в том же порядке отправились в здания Сената и коллегий, где за множеством приготовленных столов князь-папа должен был угощать их свадебным обедом. Новобрачный и его молодая, лет 60-ти, сидели за столом под прекрасными балдахинами — он с царем и господами кардиналами, а она с дамами. Над головою князя-папы висел серебряный Бахус, сидящий верхом на бочке с водкой, которую тот цедил в свой стакан и пил. В продолжение всего обеда человек, представлявший на маскараде Бахуса, сидел у стола также верхом на винной бочке и громко призывал пить папу и кардиналов; он вливал вино в какой-то бочонок, причем они постоянно должны были отвечать ему. После обеда сначала танцевали; потом царь и царица, в сопровождении множества масок, отвели молодых к брачному ложу. Жених в особенности был невообразимо пьян. Брачная комната находилась в упомянутой широкой и большой деревянной пирамиде, стоящей перед домом Сената. Внутри ее нарочно осветили свечами, а ложе молодых обложили хмелем и обставили кругом бочками, наполненными вином, пивом и водкой. В постели новобрачные, в присутствии царя, должны были еще раз пить водку из сосудов, имевших форму *partium genitalium*³² (для

мужа — женского, для жены — мужского), и притом довольно больших. Затем их оставили одних; но в пирамиде были дыры, в которые можно было видеть, что делали молодые в своем опьянении. Вечером все дома в городе были иллюминированы, и царь приказал, чтоб это продолжалось во все время маскарада. Особенно красивы были со стороны реки царские дворец и сад.

11-го, после обеда, все маски по данному сигналу собрались опять на вчерашнее место, чтобы проводить новобрачных через реку в Почтовый дом, где положено было праздновать другой день свадьбы. Все в том же порядке, как накануне, отправились в собственный дом князя-папы, где он стоял у дверей и, по своему обычаю, благословлял гостей (по способу русского духовенства), давая таким образом в одно и то же время и папское, и патриаршее свое благословение. Всякий, прежде чем проходил далее, выпивал при входе по деревянной ложке водки из большой чаши, потом поздравлял папу и целовался с ним. После того молодые присоединились к процессии масок, которые, обойдя раза два вокруг пирамиды, где те ночевали, сели на суда и переехали, под разную музыку и при пушечной пальбе в крепости и Адмиралтействе, на другую сторону реки, в Почтовый дом, назначенный для угощения.

Машина, на которой переехали через реку князь-папа и кардиналы, была особенного, странного изобретения. Сделан был плот из пустых, но хорошо закупоренных бочек, связанных по две вместе. Все они, в известном расстоянии одни от других, составляли шесть пар. Сверху на каждой паре больших бочек были прикреплены посредине еще бочки поменьше или ушаты, на которых сидели верхом кардиналы, крепко привязанные, чтоб не могли упасть в воду. В этом виде они плыли один за другим, как гуси. Перед ними ехал большой пивной котел с широким дощатым бортом снаружи, поставленный также на пустые бочки, чтоб лучше держался на воде, и привязанный ка-

натами и веревками к задним бочкам, на которых сидели кардиналы. В этом-то котле, наполненном крепким пивом, плавал князь-папа в большой деревянной чаше, как в лодке, так что видна была почти одна только его голова. И он, и кардиналы дрожали от страха, хотя совершенно напрасно, потому что приняты были все меры для их безопасности. Впереди всей машины красовалось большое вырезанное из дерева морское чудовище, и на нем сидел верхом являвшийся на маскараде Нептун с своим трезубцем, которым он повертывал иногда князя-папу в его котле. Сзади на борту котла, на особой бочке, сидел Бахус и беспрестанно черпал пиво, в котором плавал папа, немало сердившийся на обоих своих соседей. Все эти бочки, большие и малые, влеклись несколькими лодками, причем кардиналы производили страшный шум коровьими рогами, в которые должны были постоянно трубить. Когда князь-папа хотел выйти из своего котла на берег, несколько человек, нарочно подсланных царем, как бы желая помочь ему, окунули его совсем с чашею в пиво, за что он страшно рассердился и немилосердно бранил царя, которому не оставлял ни на грош совести, очень хорошо поняв, что был выкупан в пиве по его приказанию. После того все маски отправились в Почтовый дом, где пили и пировали до позднего вечера.

12-го, после обеда, маски опять собрались у Почтового дома, откуда поехали кататься на разных судах, из которых многие могли вместить до ста человек и были снабжены большими русскими качелями, так что во время плаванья всякий, кто имел охоту, мог качаться. Его королевское высочество с своею свитою, а царь и царица со многими дамами и кавалерами имели свои особые суда с качелями. Князь-папа и кардиналы ездили на той же машине, на которой вчера переправлялись через реку. В этом порядке все маски отправились к князю Меншикову, который угощал их в своем саду. Там оставались до вечера, когда наконец всякий мог свободно ехать домой.

13-го был отдых, и маски не собирались. Его высочество с тремя тайными советниками, также Штенфлихтом, Альфельдом, Ранцау и графом Бонде обедал у полковника Кампенгаузена, жена которого статс-дамою при царице. Оттуда они ездили к Нарышкину, у которого нашли Ягужинского, только что возвратившегося накануне из Або, а потом к г-же Вильбоа, также статс-даме, и княгине Черкасской (муж которой был прежде сибирским вице-губернатором), живущей по ту сторону реки, и наконец ужинали у Левольда.

14-го маски опять собирались после обеда на другой стороне реки, но скоро разошлись, проехав только вниз до дома Головкина.

После того его высочество ездил к майору гвардии Румянцеву, к обер-полицеймейстеру Девьеру и к княгине Валашской, где нашел общество дам и очень весело провел вечер.

15-го его королевское высочество, прогулявшись понапрасну на ту сторону реки, потому что маски не оставались вместе, ездил к князю-папе, а от него к великому адмиралу Апраксину, где и пробыл до вечера. Там возник спор между Альфельдом и Лорхом, но последний на другое же утро пошел к своему противнику, и они опять стали друзьями.

16-го его величество царь, с 50-ю или 60-ю масками, приехал обедать к его королевскому высочеству. Он был чрезвычайно весел, много пил, даже танцевал по столам и пел песни. Мы убедились из этого, что он иногда может быть в прекрасном расположении духа, особенно если окружающие его лица ему не противны. Его приближенные, в том числе фавориты и шуты, умеют пользоваться такими случаями и бывают с ним свободны, как с товарищем. В таком веселом расположении его величество пробыл у нас до 8 часов вечера. В этот день прибывший сюда им-

ператорский австрийский посол, граф Кинский, прислал уведомить его королевское высочество о своем приезде. Герцог знал его еще прежде в Бреславле; он человек чрезвычайно приятный и приветливый.

17-го его королевское высочество и все другие маски были после обеда в Адмиралтействе, где закладывали киль для военного корабля. Главный строитель Головин, он же и генерал-майор по армии, учившийся кораблестроению вместе с царем в Голландии (но знающий не много и получивший это звание только в качестве царского любимца), должен быть вбить первый гвоздь и прежде всех помазать немного киль дегтем, после чего прочие корабельщики, в том числе и сам царь, последовали его примеру. Его величество трудился и работал усерднее всех. По этому случаю в Адмиралтействе палили из пушек. Их величества со всеми присутствовавшими прошли потом в флаговой зал, где приготовлена была закуска. В этом зале развешаны под потолком все флаги, знамена и штандарты, отнятые в продолжение последней войны у шведов. Побыв там несколько времени, все отправились в новый дом великого адмирала (один из лучших во всем Петербурге, но еще не отделанный), где с галерей смотрели на травлю льва с огромным медведем, которые оба были крепко связаны и притянуты друг к другу веревками. Все думали, что медведю придется плохо, но вышло иначе: лев оказался трусливым и почти вовсе не защищался, так что если б медведя вовремя не оттащили, он непременно одолел бы его и задушил. Травля продолжалась недолго, потому что царю не хотелось потерять льва. От Апраксина ее величество царица со многими дамами и кавалерами поехала к его королевскому высочеству, где, после закуски и кофе, несколько часов танцевали. Часов в восемь государыня уехала, но прочие дамы оставались еще с час и продолжали танцевать. Когда все посторонние разъехались, его высочество с некоторыми из нас отправился на реку и рассматривал иллюминацию, при чем с нами

были и наши валторнисты. Проезжая мимо царского дворца, мы видели у окна обеих принцесс, которые, к величайшему сожалению его высочества, не участвовали в маскараде и оставались только зрительницами. Сегодня окончился маскарад, и хотя в продолжение 8 дней наряженные не постоянно собирались, однако ж никто, под штрафом 50 рублей, не смел все это время ходить иначе, как в маске. Поэтому все радовались, что удовольствия на первый раз кончились. Вечером его высочество ужинал вместе с нами, причем и капитан Шульц был приглашен к столу. Сегодня же граф Кинский, уже официально, присылал объявить о своем приезде императорского секретаря посольства Гогенгольца (который некоторое время исправлял здесь должность министра); но его высочество ездил уже к нему верхом инкогнито...

24-го получена из Швеции ратификация заключенного в Нейштате мира. В полдень, после обыкновенного сигнального выстрела, все маски, в тех же костюмах, собрались опять у Почтового дома и ходили часа два процессией по городу, причем дамы, не привыкшие ходить по камням, порядочно-таки устали. После того маски разошлись, а вечером весь город был иллюминирован. Его высочество ужинал у тайного советника Клауссенгейма, который живет при дворе.

25-го маски снова собирались за рекой, у дома Четырех Фрегатов, откуда ездили в сад генерала Головина, находящийся вне города, перед проспектом, где все оставались несколько часов. Вечер его высочество провел со своею свитою у тайного советника Бассевича, у которого и ужинали.

26-го все замаскированные были несколько часов за городом, в саду президента Апраксина (брата великого адмирала), после чего разъехались по домам. Город был

опять весь иллюминирован, как в оба предшествовавших дня, причем на улицах, перед домами, горели еще смоляные бочки; но некоторые из жителей поставили у себя только деревянные шести...

29-го его королевское высочество, его величество царь и множество гостей были на свадьбе молодого графа Пушкина. Я заметил там следующие церемонии. Когда приехал его высочество с своею свитою, в парадных платьях, его приняли у кареты при звуках труб маршал свадьбы (подполковник князь Голицын) с жезлом и все шаферы; потом он был встречен у входных дверей женихом, который повел его в комнаты, где собрались уже все гости, кроме царской фамилии. После обыкновенных приветствий его высочество сел между невестою (урожденною Лобановою³³) и княгинею Валашскою. По приезде его величества царя, встреченного точно таким же образом, как и его высочество, гости скоро отправились к столу, и маршал разместил знатнейших из них и родственников новобрачных — мужчин с женихом особо, а дам с невестою, за другим столом, также особо. Невеста и жених сидели под балдахинами. Балдахин невесты был украшен венками из цветов, которые висели над нею и над местами подруг невесты (*Brautjungfer*), и кистью из лент над местом дружки (*Vorschneider*). Под другим балдахином, над головою жениха, висел также венок, потому что он вступал в первый брак; в противном случае над ним спускалась бы только кисть из разноцветных лент. За столами сидели в следующем порядке: за столом жениха, на первом месте, он сам, имея подле себя — царя как посаженного отца жениха, с правой — князя Меншикова как посаженного отца невесты; подле царя — генерал Ягужинский как брат жениха, а подле князя — генерал-майор Мамонов как брат невесты; против жениха — его королевское высочество с камергером Нарышкиным, затем прочие русские и наши кавалеры, как кому пришлось. Из иностранных министров нико-

го не было. За столом невесты сидели: на первом месте — также она; по левую ее сторону — княгиня Меншикова, а по правую — супруга великого канцлера Головкина (заменившая царицу, которая уже несколько дней была не совсем здорова по случаю преждевременного разрешения от бремени), первая как посаженная мать жениха, последняя как посаженная мать невесты, потому что в первый день свадьбы на первых местах сидят родственники невесты, а во второй — родственники жениха; возле княгини Меншиковой — княгиня Валашская как сестра жениха, а возле Головкиной — княгиня Черкасская как сестра невесты. Против невесты сидел дружка (единственный мужчина за дамским столом), имея подле себя подруг невесты — сестру жениха и сестру княгини Черкасской (княжну Трубецкую). Когда все присутствовавшие, кроме трех последних лиц, сели по своим местам, маршал с 12-ю шаферами (капитанами и поручиками гвардии) торжественно ввел обеих подруг невесты, которые до тех пор оставались в ближайшей комнате и там привязывали банты на рукава маршалу и шаферам (эти банты служат знаками их должностей: маршал и дружка носят их на правой, а шаферы на левой руке). Они вошли в комнату следующим образом: впереди шли трубачи и трубили; за ними следовали все шаферы попарно, младшие впереди, потом маршал с своим жезлом и наконец подруги невесты. Когда они сели под венки, против невесты, точно таким же образом введен был дружка, но с той разницей, что перед ним, вслед за маршалом, шел младший из шаферов, который нес на серебряном блюде бант дружки, нож и вилку. У стола, когда дружка подошел к своему месту, подруги невесты навязали ему на руку ленту и должны были поцеловаться с ним. По окончании и этой церемонии маршал подал своим жезлом знак к молитве; тогда только гости приступили к обеду, потому что до молитвы никто не может даже развернуть своей салфетки. Вслед за тем подали по рюмке водки — маршал жениху, невесте и родственникам, а шаферы, разделенные по столам, всем прочим гос-

тям. Немного спустя маршал начал провозглашать церемониальные тосты, при чем должен был сперва пить сам с шаферами и потом уже подавать с ними стаканы жениху, невесте, родственникам и всем остальным. Они должны строго наблюдать, чтобы все стаканы наливались одинаково полно и были одинаковой величины; для дам, однако ж, подаются стаканы поменьше и наливаются не так полно. Первый тост, совершенно особенный в своем роде, бывает обыкновенно во славу Божию, второй — за здоровье жениха и невесты, третий — посаженных отцов и матерей, четвертый — сестер и братьев, пятый — дружки и подруг невесты, шестой — всех гостей, и, наконец, седьмой — за здоровье маршала и шаферов. Последний тост начинают жених и невеста, и тогда маршал и шаферы не разносят стаканов, а стоят все вместе и благодарят. Те, за чье здоровье пьют, должны также стоять до тех пор, пока все стаканы не будут опорожнены, и благодарить, причем как в том случае, когда начинают тост маршал и шаферы, а жених, невеста и родственники пьют, так и в том, когда благодарят, всякий раз раздаются звуки труб. Кроме упомянутых обычных тостов бывают еще, но не всегда, тосты за здоровье царской фамилии и другие, что зависит от маршала и от того, хочет ли он мало или много поить гостей и в особенности жениха (которому и без того все стаканы наливаются полнее, чем другим). Как скоро маршал провозгласит «пора вставать», обед кончается; но до этого никто не смеет встать из-за стола. Когда столы были вынесены из комнат, начали танцевать, и именно с следующих церемониальных танцев: сперва маршал с невестой и два старших шафера с посаженною матерью и сестрой невесты, сделав несколько кругов тихими шагами и кланяясь на ходу всем гостям, протанцевали польский; после того танцевали: маршал в другой раз с невестой, держа, как и в первый, в левой руке свой жезл, и два других шафера с матерью и сестрою жениха; затем жених с невестой, посаженный отец невесты с посаженною матерью жениха и брат невесты с сестрой жениха; далее, же-

них опять с невестой, посаженный отец жениха с посаженной матерью невесты и брат жениха с сестрой невесты; наконец, дружка по разу с каждой из подруг невесты и по два шафера с своими дамами. Маршал при всех этих танцах должен был, с жезлом в руке, танцевать один впереди. По окончании церемониальных танцев все получили свободу танцевать, и тогда его высочество начал с невестой менуэт. Около 11 часов был последний церемониальный танец, т. е. маршал, как всегда, впереди, за ним жених и невеста, потом все родственники и многие посторонние, женатые, сделав несколько туров, с музыкой и в сопровождении шаферов, также с зажженными небольшими восковыми факелами, отправились в спальню невесты, где всех угощали сладостями. Там обыкновенно, за особым столом, жениха поят окончательно допьяна. Из неженатых туда никто не входит; поэтому его королевское высочество отправился домой, тем более, что было уже поздно, и он чувствовал усталость.

30-го, после обеда, его королевское высочество поехал опять к графу Пушкину, где праздновался второй день свадьбы. Встречали его как и вчера. В этот раз их величеств не было, и потому гости тотчас по приезде герцога сели за стол, причем все родственники, сидевшие вчера по правую сторону, сели сегодня по левую, чтобы показать первенство молодого, который занял место уже за дамским столом, по правую сторону своей жены. Церемонии были опять те же, с тою только разницею, что молодого ввели подружки невесты, и что он, когда все сели, у стула дружки встал на стол и сорвал висевший над новобрачною венок, который, пройдя на свое место, должен был подержать над нею, потом, поцеловав ее, передать его одному из шаферов. Прочие церемонии, как за столом, так и во время танцев, были также те же самые, за исключением последнего шествия в спальню невесты. Его высочество оставался там до конца, т. е. почти до 12 часов, и, наведшись и натанцевавшись вдоволь, отправился домой.

Октябрь

3-го его королевское высочество имел счастье быть после обеда у царицы, где оставался часа полтора. Ее величество лежала в постели. Герцог стал извиняться, что посещает ее во время болезни, но она указала на принцесс и сказала, что не делает никакого различия между ними и его высочеством, а потому и не задумалась принять его в постели. Вообще в этот раз государыня была необыкновенно милостива к его высочеству, и можно сказать наверно, что она его очень любит. Нас встречали у барки и провожали кавалеры ее величества. После, так как погода была очень хороша, мы катались еще несколько времени по реке и потом отправились домой.

4-го его величество царь и большая часть масок отправились водою в Кронслот. Маски, под штрафом 100 рублей, должны были ехать туда; но иностранные министры, дамы и его королевское высочество были избавлены от этой обязанности, тем более что царица и принцессы также не участвовали в поездке. Однако ж императорский министр граф Кинский поехал за царем, желая видеть Кронслот и флот. Из наших придворных некоторые тоже поехали, и я присоединился к ним тем охотнее, что не видал еще Кронслота. Ветер был сначала противный, и мы, несмотря на то, что по данному сигналу отплыли из Петербурга с рассветом, должны были провести ночь на якоре в галерной гавани. На нашем торншхоуте мы нашли все удобства: он был достаточно снабжен как постелями, так и съестными припасами. Царь, однако ж, уезжал на несколько часов назад к царице и потом опять присоединился к нашей флотилии.

5-го, поутру, ветер немного изменился, и мы, по сигналу адмирала буеров, стали опять под паруса, но все время должны были лавировать и потому прибыли в Кронслот

(ныне Кронштадт) не прежде двух часов пополудни. Нас поместили в том же доме, где останавливался со своею свитою его высочество; но мы должны были взять с торншхоута постели, потому что не нашли там даже кроватей, не говоря уже о постелях. Дом этот принадлежит к зданиям Коллегий, расположенным четырехугольником по площади, через которую проходит начатый недавно большой, выложенный камнем канал, ведущий к докам, где починяются корабли. Все эти дома не только снаружи одинаковы и одной величины, но и стоят очень близко друг от друга; внизу около них вокруг идет галерея, по которой в дурную погоду можно удобно проходить из одного в другой. В нижних этажах везде помещаются лавки. Многие из вельмож имеют тут же свои дома, все прекрасные каменные дворцы, и так как все это место застраивается очень правильно и исключительно каменными домами, кроме предместий, где находятся бараки (деревянные казармы) и офицерские квартиры, то оно со временем будет весьма красиво, тем более, что всем вельможам вменено в обязанность строить там дома. Оно не только укрепляется, но и снабжено уже со стороны моря хорошим больверком. Несколько гаваней также уже совсем устроены и уставлены множеством пушек. По положению своему Кронштадт считается неприступным с моря, потому что корабли могут подходить к нему только поодиночке через узкий пролив, который обстреливается с обеих сторон, как из гавани, так и с противоположного конца, где возвышается среди моря небольшая отдельная крепость, собственно называемая Кронслотом. Кроме того, корабль, чтобы попасть в гавань, должен проходить несколько верст близко под пушками еще другого укрепления. Все время после обеда мы провели в рассматривании гаваней.

6-го, после обеда, все маски собирались у царского дворца, красивого четырехугольного здания, стоящего отдельно у воды, откуда царь может разом обозреть все

гавани и даже видеть еще большое пространство моря. Они ходили процессией по городу и вокруг военной гавани, где корабли стояли в величайшем порядке и делали чудный вид. После того маски были угощаемы царем, при чем так сильно пили, что немногие воротились домой без опьянения.

7-го царь с обоими своими министрами, бывшими на Нейштатском конгрессе, именно Брюсом и Остерманом, которых нашел в Кронштадте, поехал в Петергоф и хотел возвратиться в Петербург не прежде 9-го числа. Что касается до нас, то мы в полдень, при попутном ветре, пустились в обратный путь. На салюты нашей маленькой флотилии нам, как и по прибытии к Кронштадту, отвечали множеством пушечных выстрелов из крепости Кронслота и с батарей в гаванях. Возвратясь в Петербург довольно рано и узнав, что у Сурланда маленькое общество, я тотчас отправился туда и в числе прочих гостей нашел там г-жу Иоганну, камер-фрау царицы (которая ее очень любит), маленькую карлицу принцессы (чрезвычайно милую, приятную и веселую девушку), жену французского кухмистера царя и многих других друзей нашего двора. Но добрый тайный советник Геспен по возвращении своем получил неприятное известие, что на другой день после нашего отъезда у него украли шкатулку из комнаты его секретаря Швинга, которому он отдал ее на сохранение. Потеря эта была немаловажна, потому что в шкатулке, кроме разных вещей, было с лишком 800 червонцев. До сих пор, несмотря на все старания, не найдено еще ни малейшего следа вора. Легко себе представить, как чувствительна должна быть такая потеря тайному советнику Геспену, известному своей необыкновенною бережливостью...

11-го у герцога обедали граф Сапега и некоторые другие, после чего его высочество опять был у царицы, где имел удовольствие видаться и разговаривать с обеими

принцессами, с которыми стал уже немного смелее и свободнее. Мы пробыли там часа два и выпили по несколько бокалов превосходного венгерского.

12-го по случаю рождения великого князя его высочество со своею свитою и со многими русскими вельможами поехал около 5 часов в галерею, находящуюся перед садом, в аллее, где назначено было праздновать этот день. По прибытии туда, в величайшем параде, ее величества, принцесс и прочих членов царской фамилии все сели за стол. Государыня кушала с дамами, а его высочество с мужчинами особо. Во всем был необыкновенный порядок, потому что угощала сама царица, а должность обер-маршала исправлял Ягужинский. Пили также далеко не так много, как обыкновенно в подобных случаях; напротив, всякий имел полную свободу пить или не пить. Тотчас после обеда, когда столы уже вынесли, чтобы начать танцевать, приехал из Шлиссельбурга его величество царь. Танцы продолжались потом в большой зале часу до двенадцатого, и праздник этот кончился очень весело. В Шлиссельбурге, говорят, пили чрезвычайно много и на каждом из бастионов, потому его высочество был рад, что счастливо отделался от этой поездки.

14-го, утром, тайный советник (Бассевич) был на конференции у вице-канцлера Шафирова. Некоторые из нас обедали у камеррата Фика, который был прежде комиссаром, а потом полковым квартирмейстером в голштинской службе; во время войны он находился в Швеции в качестве тайного полушпиона и оказал царю важные услуги, устроив почти все Коллегии по шведскому образцу, за что получил прекрасные поместья в Лифляндии. Угостил он нас превосходно. В числе многих очень хорошеньких детей у него есть почти взрослая дочь, которая с младенчества совершенно слепа, но несмотря на то отлично играет на клавесине и ходит как зрячая по всему дому, где знает каждый уголок. В этот день у герцога обедали некоторые

лифляндцы, а после обеда он ездил к старой царице с поздравлением по случаю ее тезоименитства и оставался там часа два в обществе многих русских. Сегодня же получено было известие, что в Кронслот прибыл на шведском фрегате французский посланник Кампредон, который много лет, и отчасти при мне, был министром в Стокгольме. Его величество царь тотчас же поехал туда, любопытствуя не только видеть Кампредона, который, говорят, имеет также некоторые поручения от шведского правительства, но и осмотреть фрегат...

16-го тайный советник Бассевич угощал некоторых плененных шведов, в том числе и трех дочерей шведского генерала Горна, которые долго находились здесь в плену и под конец несколько времени даже очень строго содержались в крепости. Одна из них замужем за нашим генерал-майором Шталем, который женился на ней, будучи также в плену, и после обмена своего не мог взять ее с собою в Швецию...

22-го. По случаю празднования в этот день мира с особенным торжеством, для которого уже давно делались большие приготовления, я заблаговременно отправился на другую сторону реки, чтобы посмотреть на церемонии, назначенные во время и после богослужения в церкви Св. Троицы, где находились уже его величество царь и все русские вельможи. Там по окончании литургии и прочтении ратификации заключенного с Швецией мира архиепископ Псковский сказал превосходную проповедь, текстом которой был весь первый псалом, и в которой он, изобразив все труды, мудрые распоряжения и благодеяния его величества на пользу его подданных в продолжение всего царствования и особенно в минувшую войну, объявил, что государь заслужил название отца отечества, великого, императора. После сего весь Сенат приблизился к его величеству, и великий канцлер Головкин, после

длинной речи, просил его от лица всех государственных сословий принять, в знак их верноподданнической благодарности, титул Петра Великого, Отца отечества и императора Всероссийского, который был повторен за ним и провозглашен всем Сенатом. За несколько дней перед тем государь повелел Сенату объявить по всему государству, что он всемилостивейше дарует прощение и свободу всем находящимся под стражею и преступникам, кроме убийц и обвиняемых в преступлениях выше разбоя, так что освобождались даже и те, которые злоумышляли против его особы и были осуждены вечно на галеры; кроме того, что прощает все недоборы и недоимки с начала войны по 1718 год (суммою на многие миллионы), потому что считает долгом благодарить Всевышнего за милость, оказанную как при заключении мира, так и в прежнее время, и лучшим средством для выражения такой благодарности полагает оказать милость же и хоть сколько-нибудь помочь страждущим. Этот указ был немедленно обнародован по всему государству, и Сенат, в знак признательности, положил поднести царю помянутый титул, для чего и отправил к его величеству депутацию с всеподданнейшею просьбою принять его. Сначала государь, из скромности, не решался на это и пригласил к себе на другой день некоторых сенаторов и двух знатнейших архиепископов, чтобы отклонить такую просьбу; но благодаря их убеждениям и доводам изъявил наконец всемилостивейшее согласие на принятие нового титула. По окончании речи великого канцлера, среди радостных восклицаний внутри и вне церкви, при звуках труб и литавр, началась пальба из всех пушек крепости, Адмиралтейства и ста пятидесяти галер, прибывших накануне в ночь и расставленных по реке против здания Сената. В то же время загремел беглый огонь 27-ми полков, возвратившихся из Финляндии в составе 27 000 человек. Его величество отвечал Сенату следующими краткими, но достопамятными словами: «Зело желаю, чтоб наш весь народ прямо узнал, что Господь Бог

прошедшею войною и заключением сего мира нам сделал. Надлежит Бога всею крепостию благодарить; однако ж, надеясь на мир, не надлежит ослабевать в воинском деле, дабы с нами не так случилось, как с монархией греческою. Надлежит трудиться о пользе и прибытке общем, который Бог нам пред очи кладет, как внутрь, так и вне, от чего облегчен будет народ». Сенат после того приносил монарху всеподданнейшую благодарность, а во время пения «Тебе, Бога, хвалим» и чтения Евангелия началась опять, как в первый раз, пальба вместе с музыкою и барабанным боем всех полков, стоявших перед Сенатом. По прочтении митрополитом Рязанским благодарственной молитвы, которой все присутствовавшие внимали коленопреклоненные, пальба возобновлялась в третий и последний раз. Французский посланник Кампредон, свидетель всего этого, радовался, конечно, больше нас, голштинцев, потому что очень предан королю шведскому и с своей стороны также способствовал заключению мира. Когда богослужение совсем кончилось, его величество пошел в Сенат, где назначено было праздновать нынешний день. Его королевское высочество при первом залпе из пушек переправился на другую сторону реки и, дождавшись в сенях церкви окончания обедни, подошел к его величеству с поздравлением, когда он выходил уже оттуда, а потом последовал за ним в Сенат и поздравил императрицу и принцесс, поцеловав им руки. Там все было необыкновенно великолепно. Особенно императорская фамилия отличалась чрезвычайно богатыми нарядами. На императрице были красное обшитое серебром платье и драгоценнейший головной убор; принцессы имели белые платья, обложенные золотом и серебром, и также много драгоценных камней на голове. Старшая была еще бледна и слаба после своего нездоровья. Вдовствующая царица, по обыкновению, была в черном, но дочь ее, равно и все прочие дамы, имели великолепнейшие наряды и множество бриллиантов. Вообще здешние дамы очень любят драгоценные камни,

которыми стараются перещеголять одна другую. Великого князя и его сестры не было на этом празднестве, потому что оба, говорят, не совсем здоровы. Когда его королевское высочество кончил свои поздравления, Нарышкин дал знак тайному советнику Бассевичу также подойти с поздравлением к его величеству и поцеловать ему руку, после чего знатнейшие из наших кавалеров, все иностранные министры и многие русские сановники последовали его примеру. Императрица отошла между тем немного к окну, чтобы дать случай герцогу приблизиться к старшей принцессе, с которой его высочество и разговаривал, но потом пошел в другую комнату, где ожидал возвращения императора, куда-то уходившего. В это время князь Меншиков читал о производствах по армии, а великий адмирал — по флоту. После них сенатский обер-секретарь прочел о награждениях и повышениях министрам, бывшим на мирном конгрессе, и многим другим заслуженным лицам. Наконец было объявлено также о прощении некоторых виновных. Еще до возвращения императора Кампредон, который был прежде знаком в Швеции с нашим герцогом, подошел к его высочеству и притворился очень обрадованным, что опять видит его. Когда его величество император пришел, нашлось еще очень много лиц, не успевших прежде поздравить его; поэтому он не сейчас мог пройти к столу, хотя ему, казалось, очень хотелось кушать. В большой аудиенц-зале, где обыкновенно бывает прием министров, с одной стороны был устроен прекрасный буфет, а с трех других сторон стояли длинные узкие столы, как и во всех других комнатах. Обедало в одно время всего до 1000 человек, потому что все комнаты коллегий были заставлены столами, которых было, говорят, сорок восемь, и за которыми не осталось ни одного лишнего места.

Освободясь, наконец, от поздравлений, его величество отправился в эту столовую или аудиенц-залу к столу, где по правую его руку сел его высочество, а по левую князь Меншиков. Подле князя поместился адмирал Крюйс, а

подле его высочества — граф Кинский. Прочие русские вельможи, иностранные министры и наши старшие кавалеры сели как кому пришлось. Немного спустя, когда уже все сели, вошел генерал князь Голицын, полковник Семёновского полка и кавалер ордена св. Андрея*. Император сам представил его герцогу, сказав, что это тот самый генерал Голицын, который командовал в Финляндии. Князь, поцеловав руку его высочеству, который поцеловал его в губы, и отдав поклон императрице и всем гостям, сел также за императорский стол. После того, по приказанию его величества, ввели бывшего пленного шведского вице-адмирала Эреншильда, который должен был сесть возле адмирала Крюйса. Это был тот самый Эреншильд, который командовал четырьмя отнятыми у шведов фрегатами и отличился тогда особенной храбростью. Император очень уважает его. В ближайшей к большой зале комнате кушали императрица за большим овальным столом, имея подле себя с правой стороны вдовствующую царицу, а с левой старшую принцессу. Возле старой царицы сидела ее дочь, а возле старшей принцессы — принцесса Елизавета, за которою следовала княгиня Меншикова. Прочие знатные дамы сидели по чинам. Императрице прислуживали два камер-юнкера, а третий стоял перед столом и разрезывал кушанья. Старой царице прислуживал брат ее, граф Салтыков, который не служит, но состоит в числе ее кавалеров и имеет польский орден. Позади императорских принцесс стояли только их гувернантки. Первый тост, провозглашенный при звуках труб и литавр, был в честь заключенного мира. Других тостов было немного, но зато после, вечером, пили-таки порядочно. Во время обеда его величество несколько раз принимался шептать что-то на ухо его высочеству и обращался к тайному советнику Басевичу, вообще был очень милостив к нашему герцогу, который часто целовал ему руки, за что он сам нежно целовал его и прижимал к груди. Я сначала не запасся местом, потому что ходил и осматривал столы, но наконец увидел

в одной из комнат два порожних места, которые и занял с капитаном Шульцем. В этой комнате был еще стол, где сидели дамы, которым не достало места за столом императрицы, также Нарышкин, Бонде и Лорх. За нашим столом сидели, между прочим, Ягужинский, Румянцев, обер-полицеймейстер и многие офицеры. В этой же комнате находились литавщик и 6 трубачей, которые при тостах давали сигнал музыкантам, стоявшим на улицах.

Император, вставши один из-за стола, пробежал через нашу комнату (иначе нельзя назвать его походки, потому что сопровождающие его постоянно должны следовать за ним бегом) и отправился на свою яхту, стоявшую у моста перед Сенатом, чтобы, по обыкновению, отдохнуть после обеда. Уходя, он приказал, чтобы все оставались на своих местах впредь до его разрешения. Поэтому гости должны были сидеть очень долго, что для большей части из них было крайне невесело. Немногие кардиналы, оставшиеся еще налицо, почти все заснули за столом, потому что без принуждения запаслись уже хорошим глотком на сон грядущий. Князь-папа, по причине приключившейся ему болезни, не участвовал в настоящем празднестве. Граф Кинский и тайный советник Бассевич сожалели, что для препровождения времени не имеют с собою карт, потому что устали уже разговаривать и не знали, что делать; особенно первому такое продолжительное сидение было вовсе не в привычку. Его королевское высочество крепился довольно долго, но под конец и он заметно стал обнаруживать нетерпение; заметив, однако ж, что многие встали, он решился наконец также встать и пошел в комнату императрицы, где столы были уже прибраны, и где ее величество, вдовствующая царица с дочерью, принцессы и княгиня Меншикова сидели, а прочие дамы стояли около них, скупая не менее мужчин. Когда вошел его королевское высочество, принцессы встали, но императрица осталась на своем месте. Он подошел и разговаривал с нею несколько времени, после чего его просили сесть.

Герцог сел возле старшей принцессы и смело вступил с нею в длительный разговор, на что прежде никогда не решался, потому что как его высочество, так и принцессы все еще были довольно застенчивы друг с другом. Между тем маленький Кампредон долго стоял перед небольшим окошком, сделанным в двери между большою залою и комнатою императрицы, и соколиными глазами следил за происходившим между его высочеством и принцессами. Он, как известно, и как я уже упоминал, вполне предан королю*, хотя и притворялся очень расположенным к его королевскому высочеству. Я в это время пошел на минуточку в находящийся близ Сената кофейный дом, известный под именем «Четырех Фрегатов», чтобы подышать свежим воздухом, потому что наверху от множества гостей было ужасно тесно и нестерпимо жарко; но когда немного спустя вернулся назад, туда сперва не было возможности пройти от столов и скамеек, которые стаскивали вниз, а потом меня не хотели впустить часовые, говоря, что им приказано никого не пускать. То же самое они сказали и генералу Миниху, и нам не скоро удалось бы пробраться вперед, если бы Ягужинский не сжалился над нами и не помог войти. Вскоре после моего возвращения ее величество императрица с императорскою фамилиею и со всеми дамами прошла из своей комнаты в большую залу, где кушал император; а когда она села там под балдахин (где становится обыкновенно его величество при торжественных аудиенциях) вместе с прочими членами императорского семейства, дамы и кавалеры образовали большой круг, и начались танцы. Ее величество императрица с его высочеством, князь Меншиков со старшею принцессою и Ягужинский с младшею открыли их польским. После того герцог танцевал со старшею принцессою менуэт; а когда она опять пошла в польском с князем Меншиковым, его высочество пригласил для того же танца принцессу Елизавету. Вместе с ними хотел танцевать молодой граф Сапега с княгинею Валашскою, но она не согласилась, гово-

ря, что из уважения к императорской фамилии не смеет в одно время с нею принять участие в первых церемониальных танцах. Поэтому на сей раз было только две пары; но после танцевали все без разбору, что и продолжалось до 9 часов, когда должен был начаться большой фейерверк. Принцесса Прасковья вовсе не танцевала, да и вообще она танцует только в крайних случаях и не иначе, как по приказанию императора. При начале танцев она ушла наверх к своей матери, которая сидела в одной из комнат у окна и смотрела на приготовления к фейерверку. Император ходил взад и вперед и по временам являлся в залу, чтобы посмотреть на танцы; но большею частью оставался внизу, потому что распорядитель фейерверка, как говорили, выпил лишнее, и государь должен был сам обо всем заботиться. В самом деле, он трудился изо всех сил. Когда все было готово и уже смерклось, танцы прекратились, и их величества с его высочеством, с императорскою фамилиею и со всеми присутствовавшими отправились к окнам, которые нарочно почти все были выставлены.

Фейерверк начался в 9 часов. Сперва представилось взорам большое здание, изображавшее храм Януса. Оно было открыто, и внутри его виднелся, в прекрасном голубом огне, старый Янус, державший в правой руке лавровый венок, а в левой масличную ветвь. Немного спустя показались с обеих сторон две статуи в виде двух вооруженных панцирями и коронованных рыцарей, также из голубого огня; на щите один из них, именно бывший с правой стороны, имел двуглавого орла, а другой три короны. Когда они приблизились к открытым дверям храма и прикоснулись к ним, двери начали постепенно затворяться, после чего рыцари сошлись и, казалось, подали друг другу руки. Пока горело это изображение храма и самого Януса, стоявшего на высоком пьедестале и окруженного разными арматурами, народу был отдан жареный бык, лежавший в небольшом расстоянии от храма на возвышении о шести ступенях с свободным со всех сторон проходом. Его величество сам отрезал от этого быка первый кусок и немного

покушал, после чего солдаты вмиг разорвали его на сотни частей. Доставший золотые рога получил положенную награду. В то же время открыты были устроенные с обеих сторон фонтаны с красным и белым вином, которое, посредством вставленных посредине трубок, било довольно высоко, падая потом в один бассейн, а из него в другой, откуда всякий уже мог черпать сколько хотел. Хотя тут приставлена была стража, довольно хорошо наблюдавшая за порядком, однако ж не обошлось без окровавленных лиц, потому что каждому хотелось быть первым. Лишь только, в знак заключенного мира, двери храма совсем затворились (что сделалось уже после отдачи народу быка и фонтанов с вином), раздались сперва звуки множества труб, литавр и барабанов всей финляндской армии и других полков; потом пущена была ракета, и разом смешались сотни пушечных выстрелов, ружейный огонь и звон всех колоколов. Огонь с валов крепости и Адмиралтейства и с стоявших по Неве галер был так велик, что все казалось объатым пламенем, и можно было подумать, что земля и небо готовы разрушиться. После того направо от храма горел большой и высоко поставленный щит, на котором было изображено правосудие, попирающее ногами двух фурий; фурии представляли недоброжелателей и ненавистников России, и надо всею эмблемою стояла русская надпись: всегда победит. Затем зажгли, с левой стороны, другой щит, на котором изображался плывущий по морю и входящий в пристань корабль с надписью *finis coronavit opus* (конец венчает дело). Кроме того, с обеих сторон красовались две пирамиды из такого прекрасного белого огня, что казались сделанными из бриллиантов. На каждой из них сверху было по звезде из такого же огня. Потом зажгли еще две пирамиды с швермерами и звездами и в то же время пустили множество воздушных шаров, огромных и сильных ракет, бураков, открыли огненные фонтаны, колеса и пр., которых огонь не прерывался в продолжение почти двух часов. Наконец пущено было по воде несколько фигур из прекрасного голубого и бело-

го огня вместе с множеством водяных шаров, дукеров, водяных швермеров и других на воде горящих огней. Когда все это кончилось, и было уже около 12 часов ночи, его величество император (находившийся почти все время при фейерверке, который, говорят, сам начал и устраивал) возвратился опять в залу Сената, где снова начались поздравления при тостах из больших бокалов превосходного венгерского и других вин, что и продолжалось до трех часов утра, когда все стали разъезжаться по домам. Многие, которые не сумели уберечься, были сильно навеселе. Императрица и прочие дамы уехали вскоре после фейерверка; но его королевское высочество и все остальные гости оставались до отъезда его величества императора, очень милостиво простившегося с герцогом, который был чрезвычайно доволен нынешним днем и в особенности приветливостью их величеств и принцесс.

23-го был всеобщий отдых. У его высочества обедали полковник Дюринг, наш Нарышкин, подполковник Сикье и шведский вице-адмирал Эреншильд (который в этот день в первый раз был с визитом у его высочества), а вечером герцог с некоторыми из нас ужинал у посланника Штамке.

24-го маскарад снова начался, и хотя участвовавшие в нем не собирались вместе, однако ж веселились кто как мог между собою, потому что до 30-го числа все опять постоянно должны были ходить не иначе, как в масках...

26-го его королевское высочество весь день не выходил из своей комнаты; но маски во множестве делали визиты друг другу и веселились между собою сколько могли.

27-го маски хотя и собирались на другой стороне реки, но пробыли вместе недолго и разъехались, кто куда хотел...

29-го. В этот последний день маскарада все наряженные, по данному из крепости сигналу, собрались после обеда на другой стороне реки, в Сенате, где было угощение, которым окончились маскарад и все празднества по случаю заключения мира. Когда императорская фамилия и маски съехались, начался, как и неделю тому назад, обед, за которым много пили. Потом столы и скамьи были вынесены из большой залы, и открылись танцы, продолжавшиеся до поздней ночи. Между тем не переставали сильно пить, причем тем, которые не танцевали и находились в боковых комнатах, доставалось больше всех; но и мы, когда танцы кончились, получили свою порцию, так что очень немногим удалось к утру добраться до дому не в совершенном опьянении. Я всячески старался избегать попойки, ссылаясь на свое дежурство, и потому воротился домой еще сносным...

31-го тайный советник Геспен давал обед, на котором были его высочество, генерал Аллар, барон Мардефельд, тайный советник Бассевич и многие из нас. Мы оставались у него до вечера и сильно пили.

Ноябрь

1-го, в четыре часа пополудни, его высочество с небольшою свитою ездил на свадьбу молодого князя Репнина, которая справлялась в доме старого Пушкина³⁴, родного отца невесты. Когда его высочество приехал туда, раздались обыкновенные звуки труб, и он был встречен внизу у крыльца маршалом свадьбы с жезлом и шаферами, которые проводили его до комнаты, где император и императрица сидели уже за своими столами³⁵. (Государыня, впрочем, приехала только что перед нами.) Отдав издали поклон их величествам, на который они отвечали весьма милостиво, герцог сел, по указанию маршала, наискось против императора, где для него и его свиты были оставлены места. Вскоре после того начались обыкновенные

свадебные церемонии. Прежде всего вышли из ближайшей комнаты трубачи и проиграли на своих инструментах. За ними следовали один за другим двенадцать шаферов, имевших на левой руке банты из розовых лент, и после всех маршал (подполковник гвардии князь Голицын), у которого, для отличия, бант был на правой руке. Потом вошли обе подруги невесты (*Braut Jungfer*), старшая графиня Головкина и княжна Щербатова; последняя села по правую, а первая по левую сторону против невесты. Затем маршал и шаферы опять ушли в смежную комнату, откуда, впрочем, скоро возвратились, но с тою разницею, что за ними вместо подруг невесты вышел дружка (*Vorschneider*), перед которым один из шаферов нес его нарукавный бант на плоском серебряном подносе. Должность дружки в этот раз исправлял камер-юнкер Балк, превосходно знающий свое дело. Подойдя к столу, он прежде всего низко поклонился государыне, потом невесте и наконец всему обществу. Княжна Щербатова привязала ему бант на правую руку, а другая его соседка, к которой ему также следовало обратиться, расправила немного ленты. По окончании этой церемонии он с живостью поцеловал сидевшую у него с правой стороны (т. е. княжну Щербатову); но ту, которая сидела с левой, ему не удалось сразу хорошо поцеловать, и он обратился к императрице с печальным лицом, как бы жалуясь на свое горе. Ее величество сделала ему знак, что дело можно поправить; тогда он в другой раз поцеловал графиню Головкину, и уж в самые губы. Жених сидел посредине за узким и длинным столом, за которым помещалось более сорока человек. Над его местом был устроен большой балдахин, обитый красным бархатом и золотыми галунами, из-под которого висел над головою молодого зеленый венок в знак того, что он прежде не был женат. По правую его руку сидел князь Меншиков как посаженный отец невесты (*Brautvater*), а по левую император как посаженный отец жениха (*Bräutigamsvater*). Возле князя сидел подполковник гвардии Бутурлин, а возле импера-

тора — князь Голицын, недавно приехавший из Финляндии, — оба как посаженные братья жениха и невесты. Его высочество, как я уже сказал, сидел наискось против государя и имел подле себя с правой стороны — вице-канцлера (барона Шафирова), с левой — тайного советника Геспена; прочие сидели как кому пришлось. Ни молодого Сапеги, ни прочих иностранных министров в этот раз не было. За другим столом в той же комнате невеста сидела также под балдахин, из-под которого висели три венка из цветов, один над нею, а два других над обеими ее подругами, и сверх того, над головою дружки, сидевшего между последними, несколько широких белых и красных лент длиною около полуаршина. По правую сторону невесты сидела княгиня Меншикова как посаженная мать жениха, а по левую императрица как посаженная мать невесты. Подле княгини Меншиковой находилась дочь подполковника Бутурлина, госпожа Головина, а подле императрицы — генерал-майорша Балк; и та, и другая — как посаженные сестры (*Braut- und Bräutigams-Schwester*). Прочие дамы сидели по чинам; сестра княгини Меншиковой в большом русском головном уборе, украшенном бриллиантами, занимала место недалеко от государыни. Молодых дам было мало, а именно только обе Головкины, княжна Щербатова (очень милая девушка), Лопухина, вдова гвардии майора Яковлева, которая, как говорят, через неделю выходит замуж за майора же гвардии Матюшкина, и немногие другие. Когда отец невесты, старый Пушкин, обошел всех с водкою, начались обыкновенные тосты, провозглашаемые при звуках труб маршалом и шаферами, которые также и разносили вино. Звуки эти всякий раз снова раздавались, когда те, за чье здоровье пили, вставали и благодарили, не садясь, по обыкновению, до тех пор, пока все стаканы (в этот раз очень небольшие рюмки) не опоражнивались. Жениху, посаженным отцам и братьям, невесте, посаженным матерям и сестрам маршал сам подносил рюмки на тарелке. Тосты были следующие: пер-

вый — привет всему обществу (*Willkommen*), второй — за здоровье семейства Ивана Михайловича (зачем, не знаю)³⁶, третий — за здоровье жениха и невесты, четвертый — посаженных отцов и матерей, пятый — посаженных братьев и сестер, и наконец шестой — за здоровье дружки и обеих подруг невесты. По окончании их маршал подошел к императору и спросил, не угодно ли ему будет назначить еще какие-нибудь тосты; но его величество сделал головою отрицательный знак, и тот, ударив несколько раз жезлом, провозгласил, что пора вставать из-за стола, что все немедленно и исполнили. Жених во все время обеда сидел навывтяжку и с печальным лицом, одетый весьма просто: на нем был плохой серый кафтан с серебряными пуговицами, обшитый очень узким галуном, и незавидный парик, из-под которого почти на палец торчали волосы. Под конец перед ним стоял большой стакан вина, который он должен был выпить за чье-то здоровье; но его высочество при вставании из-за стола взял его прочь, за что молодой после не знал как благодарить. Пока убрали столы, император говорил о чем-то с императрицею, а его высочество разговаривал с дамами. В это время я увидел и дочь вдовствующей царицы; за обедом мне не было ее видно, и потому не знаю, сидела ли она за столом. Когда наконец комнату опростили и вымели, невеста поместилась опять под балдахин, под которым сидела во время стола; подле нее, с левой стороны, села опять императрица, а с правой — княгиня Меншикова; генеральша же Балк, сидевшая за обедом возле государыни, уступила теперь свое место дочери вдовствующей царицы и села рядом с княгиней Меншиковой, вместе с другою посаженою сестрою. Танцы начали маршал с невестою и два шафера — один с княгинею Меншиковою как посаженною матерью, другой с Головиной как посаженной сестрою. Потом маршал танцевал опять с невестою, а два других шафера с государынею и с г-жою Балк. После них должны были танцевать: жених с невестою, князь Меншиков как отец с своею супругою как

матерью и старый Бутурлин как брат с г-жою Головиною (своею родною дочерью) как сестрой; потом опять жених с невестою, император как отец с императрицею как матерью и князь Голицын как брат с г-жою Балк как сестрой. Весело было смотреть на этот танец: жених и невеста собственно не танцевали, а тащили друг друга как сонные, переваливаясь с ноги на ногу; напротив, государь и государыня исполняли все па, как самые молодые люди, и делали по три круга, пока те едва оканчивали один. Государыня, впрочем, танцует так только с государем; с другими же она просто ходит. Следующие за тем пары были: дружка с одною из подруг невесты и два шафера с другими девицами; потом опять дружка с другою подругою невесты и опять два шафера с своими дамами. Этим кончились так называемые церемониальные танцы, о которых считаю не лишним сказать здесь несколько слов. Дамы, как и в английских танцах, становятся по одну, а кавалеры по другую сторону; музыканты играют сначала род погребального марша, в продолжение которого кавалер и дама первой пары сперва кланяются (делают реверансы) своим соседям и друг другу, потом берутся за руки, делают круг влево и становятся опять на свое место. Такта они не соблюдают при том никакого, а только, как сказано, ходят и отвешивают зрителям поклоны. Прочие пары, одна за другою, делают то же самое. Но когда эти туры оканчиваются, начинают играть польский, и тогда уже все танцуют как следует и тем кончают. После шести церемониальных танцев маршал ударил несколько раз своим жезлом и провозгласил, что теперь предоставляется танцевать всем и каждому. Поэтому его высочество немного погодя подошел к императрице и пригласил ее на польский. Ее величество тотчас же охотно согласилась. Вместе с ними танцевал князь Меншиков с г-жою Балк. После того камер-юнкер Балк танцевал менуэт с старшею Головкиною, которая затем выбрала его высочество, а его высочество потом невесту, танцевавшую весьма неловко: казалось, она боялась

потерять что-нибудь из своих украшений и потому постоянно держалась очень прямо. На голове у нее было что-то вроде короны и еще много драгоценных камней, которые при свечах ярко горели и очень шли к ней, потому что она брюнетка и довольно бела лицом. Ее величество императрица была одета необыкновенно великолепно; но особенно был хорош головной ее убор, в котором сияла императорская корона. Когда дочь вдовствующей царицы вышла в ближайшую комнату, государыня просила его высочество сесть на ее место и много с ним разговаривала. Герцога очень часто приглашали на танцы; но всякий раз, когда они оканчивались, ее величество снова подзывала его, и он опять садился возле нее. Император во все это время сидел недалеко от входных дверей, но так, что мог видеть танцевавших; около него сидели все вельможи, но его величество большею частью разговаривал с генерал-фельдцейхмейстером Брюсом, сидевшим подле него с левой стороны. Покамест его высочество танцевал два раза сряду англез, дочь вдовствующей царицы возвратилась и села на прежнее свое место. Но лишь только танец кончился, императрица опять подозвала к себе герцога; тогда невеста должна была встать из-под балдахина, где сидела на право от государыни, и уступить свое место его высочеству, а сама сесть дальше. Это обстоятельство немало обратило на себя внимание русских, которые вообще замечают все мелочи в отношениях императора и императрицы к его высочеству. Вскоре после того камер-юнкер Балк пригласил принцессу на польский. Все дамы встали, когда она начала танцевать, а когда поравнялась с местом, где сидела государыня, и сделала поклон, его высочество также встал и уже не садился до самого окончания танца. В 8 часов государыня подошла к государю и, лаская, поцеловала его несколько раз в лоб. Его величество встал, и затем тотчас начался обыкновенный прощальный танец, который от прежде упомянутых танцев отличается тем, что танцуют, во-первых, не три, а пять пар; во-вторых, что маршал с

своим жезлом танцует впереди, и все должны следовать за ним, и, наконец, в-третьих, тем, что польский начинается тотчас же. Во время этого танца все шаферы держат в руках восковые свечи, с которыми обыкновенно провожают танцующих в спальню невесты; но так как жених жил не в этом доме, а в доме своего отца, то они проводили таким образом молодых только до кареты, за которою поехали и все свадебные чины. Его высочество при последнем танце пригласил на эту прогулку г-жу Лопухину и хотел было вместе с нею следовать за обществом в дом жениха, но она не согласилась, и герцог, по представлению камергера Нарышкина, решился отправиться домой. По-настоящему государыне, как посаженной матери, следовало отвезти домой жениха и невесту; но ее величество отказалась от этого, потому что ехать было слишком далеко (от дворца до дома жениха около полумили). Государь, однако ж, кажется, поехал туда вместе с другими. Вероятно, у жениха не обошлось без нового угощения, тем более что новобрачный, как я уже говорил прежде, должен лечь в постель вполне навеселе. У выхода его высочество простился с императрицей и уехал домой.

Замечательно было сегодня еще вот что: император приказал собраться в здании Сената всем маскам, которые почему-либо не явились туда в прошедшее воскресенье, чтобы исполнить не исполненное ими, т. е. выпить столько же, сколько выпили другие. Для этого были назначены два особых маршала — обер-полицеймейстер и денщик Татищев, которым было поручено смотреть, чтобы ни один из гостей, кто бы он ни был, не возвратился домой трезвым, о чем эти господа, говорят, и позаботились как нельзя лучше. Рассказывают, что там было до тридцати дам, которые потом не могли стоять более на ногах и в этом виде отосланы были домой. Многим из них это удовольствие не обошлось без головной боли и других неприятностей. Приказание императора было так строго, что ни одна дама не осмелилась остаться дома. Некото-

рые хотели отговориться болезнью и в самом деле были больны как сегодня, так и в прошедшее воскресенье; но это ничего не помогло: они должны были явиться. Хуже всего притом было то, что им наперед объявили, что их собирают единственно только для того, чтоб напоить за неявку в прошедшее воскресенье. Они очень хорошо знали, что вина будут дурные и еще, пожалуй, по здешнему обыкновению, с примесью водки, не говоря уже о больших порциях чистой простой водки, которые им непременно предстояло выпить. Добрая маршальша Олсуфьева, родом немка³⁷, женщина очень милая и кроткая, до того приняла все это к сердцу, что сегодня утром преждевременно разрешилась от бремени. Когда ей накануне объявили приказание императора, она тотчас отправилась ко двору и всеподданнейше просила императрицу избавить ее от обязанности ехать в Сенат, но ее величество отвечала, что это не от нее зависит, что на то воля государя, от которой он ни за что не отступит. Маршальша, обливаясь горькими слезами, начала представлять, что она не из каприза оставалась в прошедшее воскресенье дома, что уже более недели не выходит со двора, что беременна в последнем периоде, и что ей крайне вредно пить и подвергаться дурным от того последствиям. Тогда императрица пошла к императору и умоляла его избавить маршальшу на этот раз от обязанности быть в Сенате. Он отвечал, что охотно сделал бы это для нее, но что никак не может по причине других знатных русских дам, которым немцы и без того уже так ненавистны, что такое снисхождение еще более усилило бы неприязнь к иностранцам. Императрица возвратилась с этим ответом, и бедная маршальша так терзалась во всю ночь, что на другое утро разрешилась мертвым младенцем, которого, говорят, прислала ко двору в спирту. Вот случай, мне известный; кто знает, сколько, может быть, было еще и других подобных? Зদেশние дамы готовятся к новому маскараду, который, говорят, будет в Москве, и поэтому сегодня рано утром соби-

рались в кофейне по ту сторону реки в своих новых костюмах для предварительного их осмотра. Один из наших людей встретил полковницу Кампенгаузен в полном параде; по его описанию она, должно быть, была очень смешна в сапогах со шпорами и с большим старомодным шарфом через плечо. Так как она очень мала ростом и ужасно толста, то я не могу вообразить себе ничего утомительнее ее фигуры в подобном костюме. Она также одна из бывших сегодня вечером в Сенате и, говорят, воротилась домой как нельзя более навеселе. Поедем ли мы в Москву и увидим ли тамошние увеселения, неизвестно: его высочество до сих пор не получал еще приглашения. Вот почему у нас и не делается никаких приготовлений к путешествию, между тем как другие уже давно отправили в Москву свои вина и разные вещи...

4-го, перед обедом, граф Кинский присылал к его высочеству своего советника (посольства) с приглашением на следующий день к обеду. По случаю тезоименитства императора римского, своего государя, он хотел было сделать этот обед сегодня; но император (Петр Великий), удостоивший также принять приглашение графа, просил его подождать до завтра. Императрица извинилась, что не может быть у него по случаю свадьбы князя Трубецкого, на которую обещалась приехать, но сказала, что оставляет себе удовольствие посетить его с своею свитою в другой день. После обеда приезжали к его высочеству два капитана гвардии с приглашением на свадьбу князя Трубецкого (на завтра к вечеру). Его высочество отвечал им, что обещался уже завтра обедать у императорского министра, графа Кинского, где будет также и государь, но что приедет на свадьбу вслед за его величеством. Вечером его высочество ужинал у Штенфлихта, где было только близкое общество. В этот день при нашем дворе совершилась перемена, именно велено впредь готовить на кухне кушанья только для герцогского стола, состоящего обыкновенно

из 16 блюд, а если его высочество накануне вечером объявит, что на другой день не будет кушать дома, то готовить только 7 блюд для придворных кавалеров. Вследствие того пажам, которые прежде имели стол при дворе, положены столовые деньги, по 12 рублей в месяц, а служанкам, камер-лакеям, обоим валторнистам и лакеям, также получавшим кушанья в продолжение недели, прибавлено жалованья, чем все они были очень довольны; герцог же сберегал этим способом значительную сумму. Прежде под предлогом, что нужно кормить столько людей, и что из дому посылаются кушанья больным кавалерам, выходило всего невероятно много. Так, например, возможно ли, чтобы на стол герцога, для которого готовилось по 16 блюд только раз в день, и на стол трех пажей, двух камер-лакеев, двух валторнистов, обедавших вместе, и двух-трех служанок (три дежурных лакея и остальные получали кушанье с герцогского стола) вышло в три месяца 75 каплунов, 97 гусей, 1569 кур, 372 утки, 84 тетерева, 435 рябчиков, не считая прочего мяса, рыбы и овощей? Дюваль получал 800 рублей в месяц, но этого, по его словам, было недостаточно, и он требовал вперед 1000, между тем как фунт говядины, говорят, стоит только две копейки. Вот почему и последовало помянутое распоряжение. Гофмейстер Дюваль был им очень недоволен и просил увольнения; однако ж до сих пор это еще ничем не кончилось. Вечером герцог кушал с своим обыкновенным обществом у Штамке. Общество это состоит из его высочества, из конференции советника, из Штенфлихта, Штамке и Бонде. Оно началось вскоре после кронштадтской поездки, когда заседания тост-коллегии были приостановлены, причем я потерял немало, потому что после того мне редко приходилось поужинать. Собираются они или у посланника Штамке, или у генерала Штенфлихта, а иногда и в доме герцога, в незанятых комнатах, в которых жил г. Клауссенгейм; впрочем, очень редко, потому что там нет печей. У Альфельда и Бонде не собираются по той причине, что

первый живет в гостинице (*im einem Weinhause*), а второй имеет только одну маленькую комнату в квартире генерала Штенфлихта. Собрания эти бывают всегда через день (если не препятствует тому праздник или что-нибудь другое), именно в те дни, когда дежурит полковник граф Бонде; тогда камер-юнкер и я должны оставаться дома, чтобы у них было более свободы веселью и шуткам с князем дуком (*Knes Duc*), как называют Альфельда...

5-го, около 11 часов утра, я отправился ко двору слушать проповедь, но поспел уже к концу ее, потому что его высочество тотчас после 11 часов собирался ехать к Кинскому; обыкновенно же богослужение редко начинается до 11 или половины 12-го. Когда проповедь кончилась, кто-то вошел в залу и сказал, что вода сильно поднимается. Я вышел на крыльцо и немало удивился, увидев, что она уже выступает из канала, находящегося перед нашим домом, и все более и более затопляет лежащий по ту сторону луг. Это тотчас возбудило опасения тех, которые уже испытали опасность от наводнения, в особенности генерал-майора Штенфлихта и полковника Бонде, живущих так низко, что вода при малейшем повышении всегда заливает их двор. Ближайший их сосед, посланник Штамке, также терпит немало от наводнений; в прошедшее лето по его двору не раз можно было ездить на лодках, на которых перевозили к нему и кушанья из кухни, находящейся на задней половине дома. Так как этим господам очень хотелось знать, что происходит у них дома, то и я последовал за ними; но уже не было возможности попасть на мост, через который им следовало идти; поэтому мы скоро воротились, и я отправился к камеррату Негелейну, не являвшемуся к проповеди, чтоб известить его о наводнении. Без того ему пришлось бы, может быть (как это случилось с г. Альфельдом), просидеть целый день на чердаке: он сначала не хотел выходить со двора, а после и не мог бы, потому что вскоре вода вдруг с необыкновенною силою стала

проникать в улицы и дома. От него я пошел немного далее к ближайшим каналам, чтобы посмотреть, как поднимается вода. На маленьком канале (между Почтовым домом и домом нашего герцога), где обыкновенно, до востребования, стоят небольшие суда, я увидел прекрасную барку, которую совершенно затопило: привязанная слишком коротко, она не могла от напора волн подняться вверх. Здесь в эту минуту старались вытащить из воды одного из слуг майора Румянцева, который, желая спасти судно своего господина, также слишком коротко привязанное, нечаянно упал в воду и утонул. Это было для меня первое печальное зрелище, следствие несчастного наводнения.

Пройдя еще несколько далее, я был поражен опасностью, какую увидел по ту сторону реки; там вода доходила уже до окон кофейного дома, стоящего близко от берега. С ужасом смотрел я на разные суда, оторванные ветром и уносимые бурными волнами. Однако ж мне нельзя было долго оставаться: вода, как скоро выступила из каналов, начала преследовать меня со всех сторон и принудила сойти с улицы, откуда я поспешил опять в дом герцога, чтобы взглянуть, что там делается. К счастью, я утром надел сапоги (что делаю весьма редко), иначе не дошел бы, не промочивши ног. При входе на герцогский двор я нашел всех людей за работой: вытаскивали из погребов все, что было можно, потому что вода уже лилась туда со всею силою; но скоро она поднялась до того, что никто из боязни утонуть не решался более спускаться в погреба. В подземных комнатах в то же время начало поднимать вверх полы; а как все лакеи, кухонный писец, мундшенк и многие другие имели свои комнаты под землею, откуда большею частью не успели вынести своего имущества, то всюду раздавались вопли и жалобы. Несмотря на все это, его королевское высочество все-таки приказал закладывать лошадей (ехать водою по причине сильной бури не было возможности), чтобы отправиться, по обещанию, к Кинскому. Все представления, что туда доехать невозможно

при наводнении, когда и в хорошую погоду дорога к графу дурна как нельзя больше, что если и доедешь, то воротиться оттуда можно только при скором понижении воды, что его высочество, в противном случае, рискует остаться у Кинского и довольствоваться на ночь плохой постелью, что обстоятельства достаточно извиняют его высочество, — все это ничего не помогло: герцог отвечал, что если не доедет, то воротится, и отправился с тайным советником Геспеном, полковником Лорхом и подполковником Сальдерном в своей большой карете шестернею. Тайный советник Бассевич был дома, предуведомив герцога еще до наводнения, что будет ожидать проезда его высочества мимо своей квартиры и тогда последует за ним, что и исполнил. Его высочество, однако ж, скоро принужден был воротиться, потому что на проспекте снесло уже небольшие мосты; но так как он не мог опять доехать до своего дома, то отправился вместе с голландским резидентом Вильде, которого встретил на дороге, к тайному советнику Бассевичу, где они решились ждать уменьшения воды. Между тем, покамест его высочество находился у тайного советника, с женою голландского резидента случилось странное происшествие. Когда муж ее уехал к Кинскому, она стояла у окна и смотрела, как поднимается вода; в это время вдруг возле их дома обрушился забор. Бедная женщина, увидев это, вообразила, что тотчас развалится и весь дом; в испуге она начала звать своего кучера и кричать, чтоб он подвел одну из каретных ее лошадей, на которую и спустилась из окна. Так как дом их очень близко от нашего, то тайный советник Бассевич видел издали весь этот процесс, но не мог хорошенько разглядеть, кто именно выходил из окна; наконец бригадир Ранцау первый узнал резидентшу, побежал ей навстречу, снял ее с лошади и полумертвую от страха и холода принес в дом тайного советника, откуда она потом послала за чистым бельем, чтоб переодеться. Презабавно рассказывала она на своем голландском языке, как решилась выйти из дому, каким

образом очутилась на лошади и как глубоко была в воде. За несколько дней перед тем она имела несчастье лишиться единственного сына, грудного младенца, которого сама кормила, поэтому надобно было опасаться, что это холодное купанье ей очень повредит; однако ж до сих пор она как ни в чем не бывало, весела и здорова. Г-жа Вильде — молодая веселая женщина и недурна собою.

Но возвращаясь к воде, чтобы рассказать вкратце, что еще случилось замечательного в этот день. После отъезда его высочества в половине двенадцатого вода все продолжала подниматься, и мы немало беспокоились о герцоге, пока наконец не получили известия, что он у тайного советника Бассевича. Между тем, так как вода проникла в конюшни, и опасались, что она еще более поднимется (что и случилось), отчего обе остальные каретные и три верховые лошади его высочества могли утонуть в стойлах, мы, хоть и не без труда, поспешили провезти их наверх, сделав наскоро из двух комнат конюшню. Из дома его высочества можно было видеть все, что происходило на реке. Невозможно описать, какое страшное зрелище представляло множество оторванных судов, частью пустых, частью наполненных людьми; они неслись по воде, гонимые бурей, навстречу почти неминуемой гибели. Со всех сторон плыло такое огромное количество дров, что можно было бы в один этот день наловить их на целую зиму; вероятно, многие и сделали это, потому что, сколько я знаю, русские не щадят ничего, если идет дело о какой-нибудь прибыли. На дворе герцога вода при самом большом ее возвышении доходила лошадям по брюхо; на улицах же почти везде можно было ездить на лодках. Ветер был так силен, что срывал черепицы с крыш, отчего мундшенк Кей Сивере едва не лишился жизни. Когда он стоял около двери в квартире камеррата Негелейна, одна из таких черепиц упала ему прямо на голову и непременно убила бы его до смерти, если б на нем не было большой меховой шапки; однако ж ему все-таки пробило на голове большую

дыру, от которой он упал без чувств. Около половины второго часа вода начала, наконец, уменьшаться, а в половине третьего его королевское высочество благополучно возвратился домой, но чтобы попасть в свою комнату, должен был пройти через новоустроенную конюшню. С герцогом приехали тайный советник Геспен, подполковник Сальдерн, полковник Лорх, ассессор Сурланд и поручик Бассевич; но ассессор тотчас опять уехал к тайному советнику, вероятно, только потому, что там была молодая резидентша (которая осталась обедать у тайного советника). После я узнал, что для этого обеда им приносили кушанья из трех домов, именно от двора³⁸, от резидентши и от тайного советника, и что все-таки ничего не осталось. Камеррат Негелейн также наконец возвратился в карете тайного советника Геспена, которую остановил перед своею квартирою: он только на минуту ездил верхом домой, чтобы взглянуть, хорошо ли его Мардефельд (так зовут его писца) сберег все от воды, и по возвращении рассказывал, что в его комнате весь пол был поднят водою. Часа в три его высочество сел за стол, за которым пробыл необыкновенно долго, заставив нас, несчастных, целый день почти ничего не евших, ждать до шести часов. После обеда, часов в семь, я отправился с тайным советником Геспеном, камерратом Негелейном и поручиком Бассевичем домой и дошел, с обоими последними, почти не замочивши ног. Мы застали у тайного советника голландского резидента с женою, бригадира Ранцау и конференции советника Альфельда, который целый день просидел на своем чердаке, терпя голод и жажду. Вскоре после моего прихода оба тайных советника от имени его высочества послали меня в дом императора узнать, возвратился ли его величество, или, по крайней мере, нет ли о нем какого-нибудь известия. Говорили, что он, еще до большого наводнения, поехал к Кинскому, и что императрица во весь день не имела о нем никаких известий, хотя и разослала трех курьеров, из которых один, как меня уверяли,

утонул в длинной аллее³⁹, не заметив, что там снесло мост. В доме императора мне стоило немало труда отыскать человека, говорящего по-немецки, и когда мне наконец удалось это, я получил в ответ, что его величество уже с час как воротился от Кинского и почивает. Довольный этим ответом, я поспешил назад и очень обрадовал им наших тайных советников. Около 9 часов я проводил домой резидентшу и, возвратясь, лег спать ранее обыкновенного. Для тайного советника Геспена приготовили постель в одной из комнат тайного советника (Бассевича), потому что он не мог отправиться к себе. Посланник Штамке, генерал Штенфлихт и граф Бонде ночевали при дворе, в порожних комнатах тайного советника Клауссенгейма, точно так же не имев возможности, по причине наводнения, попасть на свои квартиры. Его высочество вечером ходил к ним наверх и оставался там довольно долго...

7-го, после обеда, его королевское высочество был на свадьбе князя Трубецкого⁴⁰, человека уже пожилого и имеющего внучат 8 и 9 лет. Невеста же его, одна из красивейших и приятнейших женщин в Петербурге, не старше двадцати лет: она урожденная Головина, родная дочь старика Ивана Михайловича. Когда герцог в первый раз подъезжал к дому князя, жених только что поехал за невестой, поэтому его высочество остался несколько времени в длинной аллее, которая недалеко оттуда, и уж подъезжая к нему во второй раз, встретил жениха и невесту, ехавших в сопровождении множества экипажей в карете императрицы шестернею. Перед ними ехал маршал с своим жезлом, в открытом четырехколесном кабриолете в шесть лошадей, а перед ним — двенадцать шаферов верхом при звуках труб и литавр. Его королевское высочество был принят там по обыкновению и провел время очень весело. Все вообще было гораздо порядочнее и лучше, нежели на обеих предшествовавших свадьбах. Этому, вероятно, много способствовала дочь хозяина дома, княгиня Черкасская, которая живет в Петербурге не только

богаче всех других, но и сообразнее своему званию. У нее свой оркестр, состоящий из десяти довольно хороших музыкантов, немецкий кухмистер, готовящий для ее стола немецкие кушанья, и все остальное в доме устроено соответственно тому. Собою она необыкновенно хороша и имеет множество превосходнейших драгоценных камней, которые стоит посмотреть. Муж ее губернатором в Сибири, где находится и теперь; человек он также уже довольно пожилой, почему и надобно полагать, что его отсутствие ей не очень чувствительно. В этот день начало собираться общество, основанное бароном Мардефельдом, графом Кинским, Кампредоном и тайным советником Бассевичем, которые положили сходиться друг у друга четыре раза в неделю, начиная с обеда, а именно: по вторникам у Мардефельда, по средам у Кинского, по четвергам у Кампредона, по воскресеньям у Бассевича...

8-го после обеда его высочество опять ездил к князю Трубецкому, куда был снова приглашен вчера вечером. Он был принят по обыкновению, при звуках труб, маршалом (должность которого исправлял опять князь Голицын). Их величества император и императрица были уже там до нас. Молодая новобрачная из первых бросилась мне в глаза. На ней были великолепное вышитое золотом и серебром штофное платье беловатого цвета и большой бриллиантовый убор на голове и груди. Впрочем, лучшие из этих драгоценностей, кажется, принадлежали ее падчерице, княгине Черкасской, которая на сей раз была одета весьма просто и на голове имела только несколько бриллиантов. Новобрачная была в этот день необыкновенно хороша: казалось, она очень покойно провела первую ночь со своим старым князем. Молодой был одет просто; говорят, он большой брюзга, и я, как многие, сердечно сожалею об этой хорошенькой женщине, которая должна проводить свои молодые годы таким странным образом; да и брак этот, как рассказывают, состоялся совершенно против ее воли. У старого князя, сколько я знаю, только

трое детей, именно княгиня Черкасская, потом еще другая, очень милая незамужняя дочь и сын, который, говорят, женится в Москве на младшей Головкиной, как скоро приедет туда царская фамилия. Этот молодой человек покамест только денщиком при императоре, но пользуется его расположением; он говорит по-немецки и вообще довольно хорошо образован⁴¹. Отец его имеет польский орден Белого Орла. Император и здесь, как всегда, был посаженным отцом жениха, а императрица — посаженною матерью невесты. В этот второй свадебный день я не заметил ничего особенного против первого дня, кроме разве того, что в первый при начале обеда было только два выхода — обеих подруг невесты и дружки, а тут прибавился еще один, по порядку первый — выход новобрачного. Он вошел, подобно тем, предшествуемый трубачами, шаферами и маршалом; до его появления против его места сняли несколько блюд и поставили поперек стола ряд опрокинутых тарелок, а у стола стул, на который молодой потом стал и по тарелкам прошел на свое место. Подойдя под венок, висевший над невестою, он сорвал его и, сев на место, подержал несколько над ее головою, потом поцеловал молодую и снова держал его ей перед глазами и над головою (на все это она смотрела очень насмешливо); в последний раз, держа венок, он опустил его так низко, что стрелка, воткнутая в косу новобрачной, запуталась в нем; его с трудом наконец отпутали и передали одному из шаферов. Тосты за здоровье были обыкновенные. За обедом много смеялись, частью над тем поручиком гвардии, который может так страшно хохотать, и о котором я уже упоминал как-то, частью над старым Иваном Михайловичем, отцом невесты, сидевшим против императора, который все с ним шутил. Кто не видал, тот не может представить себе, какое огромное количество желе съедает этот старик с величайшею поспешностью. Он взял себе (я не лгу) большое блюдо, уставленное стаканами и блюдечками. Император, уже знавший его слабость, тотчас заметил это и велел ему открыть рот, а сам встал с своего мес-

та, взял стакан с желе и, отделив его ножом, влил одним разом тому в горло, что повторял несколько раз и даже своими руками открывал Ивану Михайловичу рот, когда он разевал его не довольно широко. Бедный дружка (молодой князь Трубецкой) также терпел немало за столом императрицы: лишь только государыня подавала знак, сестра его, княгиня Черкасская, прислуживавшая за обедом и стоявшая позади брата, начинала щекотать ему под шеей, а он всякий раз принимался реветь как теленок, которого режут, что гостей очень потешало. После обеда начались танцы, сперва церемониальные, точь-в-точь как в первый свадебный день, без всякой перемены. По окончании их его высочество пригласил императрицу на польский, который продолжался довольно долго; потом его высочество танцевал с новобрачною менуэт, а затем еще со многими дамами, потому что его часто выбирали. Ее величество императрица во все это время сидела под тем же балдахинном, под которым сидела и за обедом. Император ходил взад и вперед или сидел то с своими министрами, то с императрицею; он обыкновенно помещался возле нее с правой стороны, а его королевское высочество, когда не танцевал, постоянно с левой, и ее величество (как почти всегда) много с ним разговаривала. Император был в очень хорошем расположении духа: когда танцевал какой-то граф (делавший сильные движения руками и всем телом), он начал сперва сидя подражать ему, чему императрица от души смеялась; потом, когда тот стал танцевать во второй раз, он встал, подошел к его высочеству и, показывая пальцами на танцевавшего, повторял все его телодвижения. Его высочество много смеялся этому. Так как меня, между прочим, пригласила на менуэт младшая Шафирова, то я потом, с своей стороны, выбрал внучку новобрачного князя (дочь княгини Черкасской, лет двенадцати, с которою я уже познакомился, когда мы были в первый раз у князя Валашского); это, кажется, очень понравилось императрице, потому что она начала смеяться, потом долго говорила с его королевским высочеством. По причи-

не тесноты в комнате мне часто приходилось танцевать близко от них, и я очень хорошо слышал, что ее величество говорила обо мне; герцог несколько раз назвал мою фамилию, из чего я заключил, что императрица до тех пор не знала меня хорошенько по имени. Все были в восторге от моей маленькой хорошенькой дамы, которая хоть и участвовала в первых церемониальных танцах, но менуэта в этот вечер еще не танцевала. Она и в самом деле заслуживает похвал и удивления, потому что для своих лет танцует как нельзя лучше; у нее, как и у матери, черные волосы, прекрасное правильное лицо и чудная фигура; манеры ее чрезвычайно милы⁴². После нескольких часов танцеванья император начал со всеми стариками один танец, которого я не могу назвать. Их было 8 или 9 пар, а именно император с императрицею, великий адмирал, новобрачный, вице-канцлер, князь Валашский, генерал князь Голицын и другой князь Голицын, брат его, который исправлял должность маршала. Все они должны были танцевать с молодыми дамами. Старый генерал-майор Бутурлин и генерал-майорша Балк составляли девятую пару. Император, будучи очень весел, делал, одну за другою, каприоли обеими ногами. Так как старики сначала путались, и танец поэтому всякий раз должно было начинать снова, то государь сказал наконец, что выучит их весьма скоро, и затем, протанцевав им его, объявил, что если кто теперь собьется, тот выпьет большой штрафной стакан. Тогда дело пошло отлично на лад; но лишь только танец кончился, и бедные старики, запыхавшиеся и едва стоявшие на ногах от усталости, сели отдыхать, как император снова начал танцевать польский, в котором они, не успев даже порядочно усесться, опять должны были участвовать, чем наконец утомил их до того, что они, наверное, не оправились и на другой день. Вслед за тем его величество хотел начать менуэт с императрицею, но так как она отказалась, боясь, может быть, чтобы это ему не повредило и, вероятно, сама чувствуя усталость, то он взял ее под руку, пожелал всем спокойной ночи и уехал с величайшею поспешностью. За

ними, простясь с новобрачными и детьми князя, уехал и его высочество. Было около половины десятого, когда он возвратился домой. В 11 часов тайный советник Бассевич приехал от Кинского (у которого в тот день в первый раз собиралось новоучрежденное общество) и только что разделся, как к нему пришли Ягужинский, майор Румянцев и Татищев, которые просидели у него до трех часов утра. Они проводили время за картами и бутылкой вина. Тайный советник выиграл наконец один червонец, потому что игра была небольшая. Признаюсь, когда явились карты, мне стало страшно: я опасался высокой игры, тем более что гости сами непременно хотели играть и прилежно переговаривались между собою по-русски...

10-го, после обеда, вода опять начала подниматься, и хотя около шести часов вечера получено было от посланника Штамке (у которого его высочество хотел ужинать) известие, что канал у его дома почти полон, и что весь город (по причине предсказания некоторых крестьян, что вода вскоре поднимется еще на три локтя) принимает, как в прошедшее воскресенье, все возможные меры против наводнения, однако ж его королевское высочество все-таки в половине седьмого отправился в своей карете к Штамке, взяв с собою графа Бонде и меня, потому что камер-юнкер был не совсем здоров. Когда мы приехали к посланнику, вода уже проникла в его двор и потом стала так сильно подниматься, что его высочество принужден был карету и лошадей (которых сначала думал оставить) отослать домой и приказать привести себе барку. Посланник всячески старался убедить герцога уехать как можно скорее, представляя, что вода поднимается более обыкновенного, и что в его доме, если она еще прибавится, для его высочества будет небезопасно, потому что, как скоро погреб наполняется ею, полы начинает подымать вверх, и тогда уже никто не может оставаться в комнатах. Он испытал это в прошедшее воскресенье, когда вода во всех его комнатах стояла фута на два. В этот день один из слуг соседа его,

генерал-майора Штенфлихта, едва не утонул в квартире своего господина: выходя из спальни, откуда ему хотелось что-то спасти, он чуть-чуть не упал в погреб, над которым вода подняла пол; пройти ему не было никакой возможности, так что наконец товарищи должны были с чердака вынуть несколько потолочных досок и втащить его туда на веревках. Посланник прибегал ко всем возможным доводам: то говорил, что вечером не будет в состоянии позаботиться об ужине для его высочества, потому что не имеет сообщения с своею кухнею, находящеюся на другом конце двора и уже залитою водой; то сожалел, что единственная в его доме комната наверху, куда в крайнем случае можно было бы удалиться, не имеет печи; то рассказывал, с каким трудом в прошедшее воскресенье во время самого разлива проехал под мостом на своей верейке. Но его высочество отвечал все одно: что вода еще далеко не так высока, как в прошлый раз, и что пока она дойдет до той степени, он успеет еще уехать домой. Делать нечего, посланник Штамке должен был хлопотать о переноске кушаний из кухни. Люди высоко поднимали их и ходили в воде выше колен. Мы преспокойно уселись ужинать; но посланник беспрестанно спрашивал, перестала ли вода подниматься. Наконец спустя несколько времени пришло отрадное известие, что она начала уменьшаться, почему мы с час или с полтора просидели за столом долее, нежели предполагали. За ужином я уверял герцога, что сегодня свадьба камергера Нарышкина (который, по приказанию императора, состоит при особе его высочества); его высочество никак не хотел этому верить, потому что камергер не сказал ему о том ни слова, напротив, на вопросы герцога, когда будет его свадьба, всегда отвечал, что еще не так скоро, даже, вероятно, после переезда в Москву. Я заметил, что невеста его, должно быть, старуха, и что верно поэтому он не делает пышной свадьбы, в чем его высочество со мною согласился, а на другой день и убедился в самом деле. Однако ж герцогу было неприятно, что камергер не сказал ему правды или по крайней мере не из-

винился перед ним. Почтенный господин остался в этом случае, как и всегда, чудачком. Около 11 часов вечера его высочество, простившись с посланником, который был порядочно навеселе, уехал домой на барке.

11-го. Прошедшею ночью, часа в два, был сильный ветер, и вода начинала опять очень подниматься. Поэтому вследствие недавно обнародованного императорского указа многие из жителей удалились с своею скотиною в лес, куда отвели также всех лошадей из императорской конюшни, а за ними и лошадей его высочества и тайного советника Бассевича. Однако ж сегодня в 9 часов утра их привели назад, потому что вода уменьшилась, и опасности уже не было. Легко себе вообразить, сколько тревоги наделало жителям города это вторичное наводнение, тем более что среди ночи вдруг ударили еще в набат (по причине пожара, вспыхнувшего недалеко от графа Кинского), который многие приняли за сигнал спасти всеми мерами домашнюю скотину. Его высочество обедал опять у себя в комнате, а вечером было обыкновенное общество в комнатах тайного советника Клауссенгейма, остававшееся до поздней ночи. В этот день его высочество через двух гвардейских офицеров получил приглашение пожаловать завтра на свадьбу майора гвардии Матюшкина. Граф Бонде переехал в дом герцога и занял комнаты тайного советника Клауссенгейма.

12-го. Ночью вода опять поднялась необыкновенно высоко, однако ж скоро спала, потому что начавшаяся сильная буря свирепствовала недолго. Его высочество обедал у себя в комнате и после обеда, в 4 часа, поехал на свадьбу, которая праздновалась в Почтовом доме. Мы приехали туда прежде императорской фамилии, что его высочеству было очень приятно. По прибытии императора и императрицы сели за стол, и его высочеству и иностранным министрам пришлось опять сидеть против его величества императора, который в этот раз был особенно милостив к

нашему герцогу. Свадебные лица были следующие: жених, как я уже говорил, — гвардии майор Матюшкин, невеста — вдова гвардии же майора Яковлева, женщина чрезвычайно любезная и хорошо говорящая по-немецки; посаженный отец жениха — император, брат жениха — брат генеральши Голицыной, полковник Семеновского полка; посаженный отец невесты — великий адмирал Апраксин; брат невесты — старый генерал-лейтенант Бутурлин, гвардии подполковник; посаженная мать невесты — императрица; сестра невесты — генеральша Балк; посаженная мать жениха, если не ошибаюсь, — супруга великого канцлера Головкина; сестры жениха я не знал. Подругами невесты были княжна Ромодановская, единственная дочь князя-кесаря, и старшая графиня Головкина; дружкой — камер-юнкер Балк, маршалом — князь Голицын, генерал-майор и подполковник полка своего брата⁴³, шаферами — офицеры гвардии. После обеда, за которым были провозглашены только обыкновенные заздравные тосты, начали танцевать. По окончании церемониальных танцев его высочество первый начал с императрицею польский, в котором участвовали камер-юнкер Балк и старшая Головкина. После того его высочество танцевал опять польский с дочерью вдовствующей царицы, которая также была на свадьбе, и, окончив его, сел, по желанию императрицы, подле ее величества. Затем камер-юнкер Балк танцевал менуэт с старшею Головкиною; потом она танцевала с его высочеством, а камер-юнкер с невестою; после этого невеста выбрала графа Кинского, а он опять царевну, дочь вдовствующей царицы; потом еще танцевали: царевна с его высочеством, его высочество с дочерью князя-кесаря, она с молодым Балком и т. д. Когда император, находившийся в другой комнате, узнал, что танцует эта последняя пара, он, желая напоить хорошенько молодого Балка, поспешно прибежал в залу и приказал принести самый большой бокал венгерского вина, который по окончании танца взял и поднес камер-юнкеру. Тот никак не мог понять, за что должен выпить его. «Это за то, — сказал государь, —

что ты не отдал княжне решпекту и после танца не поцеловал ей руки». Императрица и все гости начали от души смеяться и одобрили мысль императора, очень хорошо поняв его намерение. Камер-юнкер, выпив бокал, страшно опьянел; он и без того едва держался на ногах, потому что из-за той же подружки невесты получил уже штрафной стакан за то, что поцеловал ее, по обыкновению, в губы, когда она в начале обеда привязала ему на руку бант: император в насмешку утверждал, что ему, из уважения к дочери князя-кесаря, следовало поцеловать ей руку. Так как сначала для царской фамилии было поставлено особо только два стула, на которые сели справа — императрица, а слева — дочь вдовствующей царицы, то государыня приказала поставить подле себя еще третий, на который пригласила сесть его высочество. Ее величество почти постоянно говорила с герцогом и вообще была с ним необыкновенно ласкова. Как дежурный, я все время стоял за стулом его высочества и слышал, что они говорили обо мне; императрица, между прочим, спросила, не сын ли я генерал-лейтенанта Берхгольца, находившегося в русской службе, и на утвердительный ответ его высочества воскликнула: «Э, так я уже прежде его здесь видела!». Но при этих словах вошел в комнату генерал Ягужинский, и ее величество начала с ним английский танец, который состоял из 8 или 9 пар и продолжался очень долго. Императрица и царица всякий раз, когда не им приходилось танцевать, садились отдыхать. Между тем пришел император и, будучи очень весел, начал потом другой танец, похожий на так называемый в Германии цепной танец (*Kettentanz*), в котором, по его приказанию, должны были принять участие все наличные старики. Те, конечно, не могли отказаться и взяли себе все молодых дам. Сам император танцевал с императрицею; остальные танцоры были: великий адмирал, великий канцлер, вице-канцлер, Толстой, Бутурлин, генерал Голицын, князь Долгоруков и еще два-три старика. По окончании этого танца император тотчас начал польский,

в котором опять должны были участвовать вышеозначенные господа; но когда кончился и он, императрице показалось, что старики еще не довольно устали, и она снова начала танцевать с Ягужинским, приказав и им не отставать, что те и исполнили. В половине танца к ним присоединился император и, взяв императрицу за руку, танцевал с нею до тех пор, пока почтенные старцы едва могли передвигать ноги. Скоро после того начался обыкновенный на всех здешних свадьбах прощальный танец, и все общество разъехалось. Будучи уже дома, я услышал вдали звуки труб и вышел за ворота; это отвозили домой жениха и невесту, и именно в следующем порядке: впереди ехали три трубы, за ними двенадцать шаферов, верхом; потом следовал маршал с своим жезлом, в открытом четырехколесном кабриолете; за ним ехали невеста и жених в карете шестерней и, наконец, множество карет шестерней и парой, в которых сопровождали молодых свадебные чины...

15-го обедал при дворе генерал Аллар, а вечером его высочество ужинал у посланника Штамке. В этот день было рождение асессора Сурланда, который пригласил к себе большую часть наших: Негелейна, Геклау, поручика Бассевича, Шульца, придворного проповедника, Дюваля и меня вместе с некоторыми другими хорошими приятелями. Мы провели время тем веселее, что тайного советника Бассевича, нашего домового хозяина, не было дома. Случайно к нам попал и австрийский секретарь посольства, который до того напился, что в другой комнате повалился на мою постель. Не было никакой возможности выжить его оттуда, и я поневоле должен был искать себе другой постели. Меня наконец приютил у себя поручик Бассевич. С этим старым моим другом мне пришлось в третий раз спать на одной кровати; у покойного герцога Мекленбургского мы вместе были пажами, потом у брата его, теперешнего герцога, служили офицерами и наконец опять сошлись здесь у его королевского высочества.

16-го его высочество кушал у себя в комнате, а вечером ужинал у генерала Штенфлихта, где не было никого, кроме Альфельда, Штамке, Бонде, самого хозяина и меня. Мы разошлись довольно поздно. Вместо вина, к которому обыкновенно прибегают, чтобы повеселиться, в этот раз служили пиво, вода и водка. Некоторым такой замен крепко не нравился, тем более что его высочество начал все заздравные тосты водою и надобно было следовать его примеру; другого сначала ничего не подавали, и только граф Бонде пил вместо воды пиво. Когда же наконец гости стали жаловаться на слабый напиток и просить рюмки водки, дали и водки, только более, чем нам хотелось; впрочем, пили не все поровну, а сколько кому было по силам. В этот вечер мы увидели большое пламя и, послав спросить, где пожар, узнали, что на реке, недалеко от крепости, загорелся от неосторожности корабль...

19-го. В продолжение ночи холод до того усилился, что маленькие каналы, находящиеся в разных местах города, покрылись льдом. Утром тайный советник сообщил мне по секрету, что я, вероятно, отправлюсь в Москву с лошадьми, которых его высочество намерен туда послать. Так как нынче был очередной день тайного советника Бассевича для приема у себя министров, а барону Мардефельду вместе с камергером Лефортом и генералом Минихом хотелось послушать нашего придворного проповедника, то они приехали с ним ко двору и уже по окончании богослужения уехали с тайным советником, у которого, однако ж, после обеда собралось многочисленное общество. Некоторые приехали туда уж порядочно навеселе, как, например, генерал Ягужинский, гвардии майор Румянцев, известный поручик-хохотун и другие; а как для таких гостей нет отказа, то сильно пили. Поэтому правила вновь учрежденного общества были несколько нарушены, но нечего было делать! В этот день у тайного советника собрались почти все иностранцы и немцы,

живущие в Петербурге. Его высочество утром не выходил в церковь и обедал дома, потому что был день его поста; вечером, однако ж, ездил к посланнику Штамке, от которого, в первый раз в нынешнем году, возвратился в санях. В тот же вечер стала река, почему так называемый виташий, или тайный кнутмейстер, поздно ночью ездил с барабаном, и несколько человек ходило по набережным с музыкою в знак того, что река стала, и что еще никому не дозволяется ходить через нее. По здешнему обычаю, он с своими людьми и сам император должны первые пройти по льду, потому что иначе его величество, вероятно, не решился бы на это, не уверившись наперед, что лед достаточно крепок. Если б у реки не ставили стражи, и не было этого запрещения, то какой-нибудь сорванец легко мог бы поплатиться жизнью, что и случалось.

20-го, рано утром, виташий опять прошел с церемониею мимо нашего дома. На нем был какой-то полотняный балахон, весь исписанный черными буквами, изображавшими название «виташий» на всех возможных языках; на голове он имел шляпу с четырьмя огромными рогами, а в руке держал машину, сделанную в виде колбасы. Зачем он называется виташием и откуда получил это название — было бы слишком грязно рассказывать, и притом достаточно известно. За ним шел один из тех людей, у которых на голове и на всем теле нет ни одного волоса, и которых император держит только как редкость. Он нес большое полотняное знамя. Позади его шли два барабанщика, а за ними, наконец, четырнадцать человек с лопатами, веревками и ломami. Они выстроились против Почтового дома, и один из них, с своим ломом, стоял там на карауле до тех пор, пока лед окреп и они могли приступить к прорубке и расчистке на нем главной дороги. В этом состоит их должность, за что они получают и жалованье. В этот день у его высочества болела голова; однако ж вечером он ходил наверх к графу Бонде, у которого пил чай и потом часа два играл с нами в карты.

21-го, вечером, сверх всякого ожидания, начало сильно таять.

22-го. Во всю ночь была такая оттепель, что на льду показалось уже много воды, почему и фейерверк, который в день тезоименитства императрицы хотели было устроить на реке, против Почтового дома, поставили на лугу, прямо перед домом нашего герцога. В этот день вышло повеление его высочества о том, кому из нас ехать с ним в Москву, и кому оставаться здесь. В числе последних были генерал-майор Штенфлихт, бригадир Ранцау, посланник Штамке, камер-юнкер Геклау, Дюваль и я. Хотя это известие было всем нам весьма неприятно, однако ж надобно было казаться довольными и повиноваться воле герцога. Больше всех сокрушался посланник Штамке, потому что все иностранные министры при здешнем дворе, к которым он все еще покамест принадлежал, отправлялись в Москву, а ему не хотелось быть в этом случае единственным исключением. Его высочество обедал с обоими полковниками и с нами, потому что из прочих никто не остался при дворе обедать. После обеда приехал к его высочеству адъютант князя Меншикова с приглашением на завтрашний вечер по случаю именин князя; он же имел приказание пригласить на этот праздник как наших тайных советников, так и иностранных министров. Вскоре после адъютанта приехал к его высочеству с визитом молодой польский граф Сапега; с ним был один старый французский капитан, человек очень приятный, вероятно его гувернер. Он уверял, что от первого наводнения князь Меншиков понес убытку с лишком на 20 000 рублей, что я уж слышал и от других. Легко поэтому вообразить себе, сколько бед наделали повсюду последствия наводнения, если князь один пострадал так много. Вечером его высочество ужинал у графа Бонде (к которому кушанья всегда носят из герцогской кухни), где были также Альфельд, Штенфлихт, Лорх и мы, дежурные. Но так как

герцог, против своего обыкновения, после обеда немного соснул и оттого чувствовал себя не совсем хорошо, то мы оставались там только до 10 часов...

26-го граф Бонде велел меня просить к себе, и когда я пришел, у него был бандурщик (так называются молодые и немолодые казаки из Украины, играющие на бандуре и вместе с тем поющие) княгини Черкасской, которого он призвал, чтобы заучить несколько веселых русских песен. Но так как голос этого молодца был не из лучших, а граф не может легко усвоить себе мелодию, то он просил меня пропеть с ним и затвердить напев избранной им песни. Он написал мне русский текст латинскими буквами, и мы все трое, т. е. граф, бандурщик и я, принялись весело распевать и продолжали до тех пор, пока, наконец, вполне затвердили мелодию. Его королевское высочество (живущий под графом Бонде), слыша внизу наши голоса и хорошо запомнив слово люли, очень часто повторявшееся в песне, прислал наверх камер-лакея с запиской, в которой стояло: *bonjour, messieurs les Luillis*, и это только для того, чтобы тот посмотрел, кто там поет. В этот день были у майора Румянцева крестины, при которых присутствовали император и императрица. Начались также обыкновенные здесь зимние собрания; но так как, по ошибке полицеймейстера, нашему герцогу не было о том дано знать, то он провел весь вечер до поздней ночи у посланника Штамке...

28-го было собрание у великого адмирала Апраксина. Его королевское высочество также отправился туда в 5 часов и застал там императора и множество гостей. Дам ни одной не было, потому что великий адмирал не женат; если же собрание бывает у женатого, и жена его налицо, то съезжаются все здешние дамы, и тогда танцуют. Что касается до меня, я нашел это общество без дам неприятным; мужчины только разговаривают, играют в шахматы, курят табак и пьют. Мне показалось, что и его высочест-

во несколько скучал; однако ж он не давал этого заметить и оставался там до тех пор, пока не уехал император. Его величество был в этот вечер очень задумчив и постоянно вел серьезный разговор с несколькими старыми господами; впрочем, когда приехал его высочество, он принял его весьма милостиво, поцеловал и просил сесть возле себя. Герцог просидел на этом месте до тех пор, пока наконец пришел великий адмирал и попросил его кушать в другую комнату, куда он и отправился с князем Валашским и некоторыми другими. Там стоял отлично убранный, но, по здешнему обычаю, чересчур заставленный кушаньями (в особенности разного рода жареным) стол, за который они сели и кушали с большим аппетитом. Когда императору доложили, что уже 11 часов (по закону собрания не могут продолжаться долее), он встал и, посмеясь несколько времени с старым шутком адмирала, болтавшим всякий вздор (его величество все еще охотно слушает шутов, чтобы рассеяться после серьезных занятий), простился и уехал. Его высочество и прочие гости также скоро последовали его примеру. Герцог только на минуту заехал домой, чтобы приказать заложить сани. Когда они были готовы, он сел в них с графом Бонде, а мне велел стать назади, и мы отправились к генералу Штенфлихту, который был уже в постели. Он должен был встать и ехать с нами к посланнику Штамке, которого мы точно так же намеревались поднять: его высочеству не хотелось еще ложиться спать. Но Штамке, проведав как-то о нашем визите, поставил у ворот всех своих людей с большими палками, а сам, в панталонах и чулках, лег в постель, держа в каждой руке по пистолету. При нашем появлении он хотел вскочить, но мы удержали его. На вопрос его высочества, что все это значит, он отвечал, что слышал в соседстве необыкновенный шум (генерал Штенфлихт живет рядом с ним) и, полагая, что там напали разбойники, которые могли добраться и до него, принял у себя меры против подобного нападения, но что теперь, имея неожиданное счастье видеть так

поздно в своем доме его высочество, он чрезвычайно рад и забывает страх. Его высочество сказал на это, что мы сами слышали шум, как нам показалось, у него, посланника, и поспешили сюда на помощь, но, к удивлению, не нашли никого посторонних людей. Между тем его высочество приказал нам брать потихоньку все, что попадет под руку, чтобы в самом деле исполнить то, чего притворно вздумал бояться посланник. Собрав поспешно порядочную добычу, мы ушли и возвратились к генералу, у которого пробыли еще несколько времени и пили чай. Вслед за нами явился туда и Штамке с жалобами, что разбойники посетили-таки и обокрали его. Мы отвечали, что встретили некоторых из них на улице и отняли покраденное, что если это его вещи, то он может взять их. Он начал высчитывать, что именно украдено, и, разумеется, тотчас же получил все назад; не упомянул только о золотых часах, которые его высочество незаметно снял у его постели и отсутствия которых, вероятно, не подозревал; поэтому его высочество оставил их у себя и только на другой день послал к нему в дом с совершенно незнакомым ему человеком, как бы для продажи, сняв с них золотую цепочку и заменив ее ленточкой, какую обыкновенно привязывают к новым часам. Но так как просили за них слишком дорого, то посланник, который не узнавал их и совершенно забыл о вчерашнем происшествии, отвечал незнакомцу, что сам имеет такие часы, и что других ему не нужно. Только когда тот уже уходил, ему пришло в голову, что часы-то, пожалуй, его собственные, и он велел воротить его. Не найдя своих часов на месте, он оставил у себя принесенные, и тем дело кончилось. Так наконец обнаружилась истина, и посланник был рад, что часы воротились к нему; но проделка эта очень забавила его высочество, который на другой день немало над ним смеялся...

29-го приезжал шурин князя Меншикова (молодой человек, еще нигде не служащий), приглашал его высочество на завтрашний день на обед к князю, у которого назна-

чено было празднование дня св. Андрея. Герцог дал слово приехать. Вечером его высочество был у Штамке, где и ужинал; я же, по убеждению асессора Сурланда, решился вместе с ним отправиться в баню, именно в баню нашего дома. Здесь почти при каждом доме есть баня, потому что большая часть русских прибегает к ней по крайней мере раз, если не два в неделю. Я хоть и в первый раз побывал в бане после трех или четырех лет (прежде, когда я был в Швеции и здесь, я нередко пользовался ею, но потом совсем оставил), однако ж нашел, что она мне очень полезна, и положил себе впредь почаще прибегать к ней.

Русские и чухонские женщины, прислуживающие там, превосходно знают свое дело. Они, во-первых, умеют дать воде, которую льют на раскаленные печные кирпичи, ту степень теплоты или холода, какую вы сами желаете, и, во-вторых, мастерски ухаживают за вами. Сначала, когда лежишь немного на соломе, которая кладется на полке и накрывается чистою простынею, они являются и прячут вас на этом ложе березовыми вениками, сколько вы сами хотите, что необыкновенно приятно, потому что открывает поры и усиливает испарину. После того они начинают царапать везде пальцами, чтобы отделить от тела нечистоту, что также очень приятно; затем берут мыло и натирают им все тело так, что нигде не останется ни малейшей нечистоты; наконец, в заключение всего, окачивают вас, по желанию, теплою или холодною водою и обтирают чистыми полотенцами. По окончании всех этих операций чувствуешь себя как бы вновь рожденным. Непривычные к бане и не выносящие большого жара после того страшно ослабевают; поэтому выходя из бани, надобно очень тепло одеваться, чтобы не простудиться. Но русские бросаются, совершенно нагие (даже в начале зимы, когда вода еще не замерзла), из самых жарких бань в самую холодную воду и чувствуют себя очень хорошо, потому что с детства привыкли к этому; я, однако ж, не посоветовал бы никакому иностранцу пробовать подражать им.

30-го, в день св. Андрея, в 10 часов утра, его величество император отправился со всеми наличными кавалерами ордена св. Андрея в церковь для слушания Божественной литургии. Его величество сам учредил этот орден, который в большом уважении и дается только лицам не ниже генеральского чина. В 11 часов, когда пушечная пальба в крепости и Адмиралтействе дала нам знать, что богослужение кончилось (пальба из пушек при всех здешних празднествах возвещает об окончании обедни), его королевское высочество тотчас же поехал к князю, зная, что обед у него начнется немедленно по приезде кавалеров из церкви. Мы застали все общество уже за столом (гости не мешкали, да и не имели притом надобности ехать так далеко, как мы); поэтому князь тогда только увидел герцога, когда мы вошли уже в комнату; но он тотчас вскочил с своего места, побежал его высочеству навстречу и приветствовал его, потом посадил против императора, который, с своей стороны, когда герцог подошел к столу, также встал и поклонился ему весьма милостиво. Орденских кавалеров было налицо только десять, и хотя число гостей было вообще велико, однако ж почти половина большого стола оставалась незанятою. Стол этот, по здешнему обычаю, был убран великолепно. Тосты, провозглашенные при мне, были следующие: во-первых, св. Андрею, патрону ордена, и во-вторых — за здоровье семейства Ивана Михайловича (Головина), т. е. флота; этот тост никогда не забывается, и император, говорят, обещал Ла-Косте 100 000 рублей, если кто-нибудь за обедом его пропустит; но зато и денщики, находящиеся при государе, должны ему постоянно напоминать о нем. При первом тосте пили из огромного стакана; но князь Меншиков весьма ловко помогал нашему герцогу, для которого порция была слишком велика: налили ему почти столько же, сколько и другим, но лишь только его высочество выпил половину, князь (стоявший позади герцога) взял стакан и отдал его далее. Император легко мог все это заметить, если б хотел. Второй

тост сошел для его высочества еще лучше: его предлагали ему два раза — сперва князь Валашский, потом генерал Аллар, но стакан, по милости князя (который наливал его сам), оба раза переходил к другим под предлогом, что его высочеству подадут другого вина, о чем, разумеется, потом и забыли. Должно быть, до нашего приезда был еще какой-нибудь тост, потому что император сказал герцогу, что его высочеству необходимо несколько щадить себя, что кроме трех стаканов, уже выпитых, ему предстоит сегодня выпить еще 27, а именно у каждого кавалера по три, и что тогда только он будет свободен. За обедом император вынул бумагу, в которую было завернуто около тридцати старых копеек, величиною ровно втрое против нынешних; по его словам, они были принесены последним наводнением к его увеселительному дворцу Монплезиру и там найдены, когда вода спала. Его величество показывал их всему обществу как большую редкость, и когда его высочество, внимательно рассмотрев находившуюся у него в руках копейку, хотел, по примеру других, возвратить ее по принадлежности, государь сказал: «*Bebaut jy dat man, ick sau ju noch en Paar dartu geben*» (оставь ее себе, я прибавлю к ней еще пару); после чего он с большим тщанием отобрал еще две копейки из самых крупных и подал его высочеству, который принял их с благодарностью. Вскоре потом император встал, простился и уехал. Примеру его последовали и прочие кавалеры. По здешнему обычаю, в этот день ездят ко всем кавалерам ордена и у каждого обедают или ужинают и пьют известные общие тосты, что продолжается до поздней ночи. Говорят, барон Шафиров между прочим спрашивал сегодня у императора, не будет ли орден св. Андрея пожалован его королевскому высочеству. На что его величество будто бы отвечал, что об этом следовало напомнить прежде; что надобно осведомиться у наших министров, приятен ли будет орден, и тогда пожаловать его в празднование мира. Поговорив несколько времени с князем, его высочество также простился и уе-

хал. Князь, провожая герцога до крыльца своего дома, увидел наши большие сани, на которых поместилось одиннадцать человек (4-ро внутри, 2 пажа спереди, 4 лакея сзади и кучер), и немало дивился, что его высочество решает-ся так смело ехать по льду, еще весьма некрепкому; но его высочество не обратил на это никакого внимания, равно как и на все наши просьбы взять с собою в сани поменьше людей. Когда лед под нами трещал, он уверял, что это признак сильного мороза, и никак не хотел допустить, что причиною тому тяжесть саней. Так как обед у князя начался очень рано и продолжался недолго, то мы застали наших кавалеров еще за столом, что Геклау и мне было чрезвычайно приятно, потому что мы двое еще ничего не ели.

После обеда его высочество посетил молодой граф Сапега; но его, под благовидным предлогом и с помощью маленькой лжи, скоро выпроводили от нас: его высочество не хотел в этот день иметь у себя посторонних, потому что намеревался отпраздновать хорошенько именины посланника Штамке, для чего и приказал, чтобы на кухне готовили к вечеру ужин на 10 человек. Вечером герцог велел пригласить в комнаты графа Бонде, где назначался праздник, следующих особ: конференции советника Альфельда, генерал-майора Штенфлихта, полковника Лорха, подполковника Сальдерна, майора Эдера и нас троих, дежурных, т. е. Бонде, Геклау и меня. Когда посланник Штамке вошел в комнату графа Бонде (куда его высочество сам лично пригласил его), валторнисты, которые рано утром от имени герцога давали ему серенаду, приветствовали его веселою музыкою, чтобы показать нашу радость по случаю прибытия именинника. После того его высочество вручил ему поздравительные стихи и весьма удачное сравнение (своего собственного сочинения) между ним, посланником, и одним господином, которого терпеть не может, где последнему страшно достается, посланнику же, напротив, делается много похвал. Это сочинение в особенности возбуждало в посланнике неописуемый восторг. Заметив, что

герцог и все общество в отличном расположении духа, он воспользовался благоприятным случаем и предложил, с позволения и одобрения его высочества, подписку в пользу одного бедного голштинского чиновника по имени Гросс, который был прежде капитаном и приезжал сюда просить о чем-то его высочество, но на обратном пути между Петербургом и Ревелем пострадал от кораблекрушения и только с штурманом и двумя-тремя матросами остался в живых. В бедствии своем он написал трогательное письмо к посланнику, прося или дать ему взаймы сколько нужно для его путешествия, или сделать для него сбор у придворных кавалеров его высочества. До своего отъезда из Петербурга он получил от герцога порядочную сумму на путевые издержки и потому не имел смелости еще раз прямо обратиться к его высочеству. Посланник собрал для него довольно много; сам его высочество дал еще 12 рублей. По окончании сбора его высочество кушал чай, а потом, около 10 часов, сел за ужин. Когда мы пробыли несколько времени за столом, его высочество встал, перевязал себе через плечо салфетку (в знак того, что сам хочет быть маршалом общества) и начал провозглашать тосты. Сначала он собственноручно передавал всем бокалы, потом взял в шаферы майора Эдера; но так как последний не мог один справиться за усилием веселого распиванья, то я также должен был встать и занять место шафера, повязав себе тотчас же, для отличия, салфетку на руку. Его высочество, когда много уже было выпито, приказал подать самый большой бокал, какой только могли найти во всем доме, наполнил его доверху и сам предложил посланнику Штамке тост за здоровье имени одинакового начала и окончания, подразумевая под этим здоровье старшей императорской принцессы Анны, потому что имя ее начинается и оканчивается одною и тою же буквою. Перед тем, однако ж, его высочество приказал несколько бутылок вина побольше перемешать с водою, и я должен был незаметно наливать его самому герцогу, полковнику Лорху

и графу Бонде: его высочество в подобных случаях всегда щадит этих двух господ, потому что граф Бонде начинает харкать кровью, когда выпьет лишнее, а полковнику Лорху вино противно, особенно же в больших стаканах, из которых пить против воли его не может принудить никто на свете. Но все остальные гости, даже мы, шаферы, должны были пить это здоровье чистым вином и полным бокалом. Г. Альфельд, который был не совсем здоров вследствие многих сильных, хоть и не всегда добровольных, попок и потому имел позволение во весь вечер пить Tisane (род легкой настойки), на сей раз также должен был вместе с нами пить за упомянутое здоровье крепкое бургонское вино. Его высочество сам обходил гостей, каждому подавал бокал и всякий раз пробовал наперед, не подмешано ли туда воды; а чтобы тост этот шел живее, он приказал у большого бокала отбить ножку, отчего его нельзя было выпустить из рук, не выпив дочиста. После того Альфельд предложил его высочеству тост — как мне удалось услышать, за здоровье г-на Р.; он хотел предложить его потихоньку и не заметил, что я все-таки слышал его слова. Его высочество покачал головою и отвечал ему громко, что это здоровье сюда не идет; но Альфельд возразил, что пили же за здоровье его и его семейства, на что его высочество сказал, что то совсем другое дело. Кончилось, однако ж, тем, что за здоровье это таки пили, назвав его здоровьем в мыслях, почему немногие только поняли, что под ним разумелось. После ужина мы принялись весело распевать обе наши русские песни *Stopotski postolisku* (Стопочки по столику) и *Pobora godilla* (По бору ходила), при чем много прыгали и, стоя на столе, распили не один стакан. Так провели мы время до половины второго часа ночи и были очень веселы. Когда его королевское высочество удалился, отправился и я домой вместе с конференции советником, квартира которого недалеко от моей. Дорогой он начал уговаривать меня зайти с ним на минутку к посланнику Штамке, на что я и согласился. Про-

ходя мимо дома тайного советника Толстого, мы увидели, что император со всеми андреевскими кавалерами у него и очень веселится; это еще более поощрило нас исполнить свое намерение. Когда мы пришли к посланнику, его даже не было еще дома, потому что он завозил домой генерал-майора Штенфлихта. По возвращении к себе он очень удивился, увидя нас. Если г. Альфельд начнет пить, то уж до окончательного опьянения перестать не может, и заставить его отправиться домой нет возможности. Он послал одного из своих людей к генерал-майору Штенфлихту с приказанием разбудить его и привести, в халате, к посланнику, его ближайшему соседу (он видел, что сам посланник уже слишком много пил и не в состоянии еще раз состязаться с ним). Генерал-майор рассердился, что ему помешали спать; но зная, что во всю ночь не будет иметь покоя от Альфельда, если не пойдет к посланнику, он пришел и принес свой огромный стакан (подаренный ему бароном Мардефельдом), в который входит более полутора бутылок и который он называет *Causa* (причина). Уверенный, что им всего скорее можно споить и сбить с шеи Альфельда, он велел наполнить его почти доверху и приветствовал конференции советника. Генерал-майор, который только в Риге, по убеждению императора, опять принялся за вино, не пробовав его 16 лет, может так ужасно пить, что всем и каждому делается страшно; он выпил свой стакан с величайшею поспешностью. Посланник между тем незаметно скрылся и лег спать; но генерал-майор добрался до его спальни и велел своим людям во все время, пока пили, трубить в рожки (которые те постоянно должны иметь при себе, когда господин их навеселе), что производило невыносимый шум в такой маленькой комнате, какова спальня посланника. Конференции советник Альфельд выпил большой стакан, однако ж с расстановкой, потому что вообще пьет очень медленно, когда бывает уже пьян. Я еще довольно хорошо отделался, наперед уговорившись с людьми, чтоб они наливали мне вино на-

половину с водой. После полуночи, часа в три, я наконец потихоньку убрался; но Штенфлихт и Альфельд оставались у посланника для упражнения его в терпении до шести часов утра.

Декабрь

1-го. Его высочество, узнав о попойке прошедшей ночи, приказал, через Бонде, сделать замечание Альфельду и обоим другим господам...

4-го. Приказано было вечером, по получении лошадей, отправить поклажу, с которою поедет вперед капитан Шульц. До молитвы был у его высочества французский посланник Кампредон и передал ему письмо от регента Франции. После него приезжал граф Полус, чтоб еще раз проститься с его высочеством: он, сверх чаяния, промешкал здесь долее, чем ожидал. В этот день камер-лакей Мидцельбург сообщил мне по секрету, что узнал кое-что и думает, что я также поеду в Москву.

5-го, утром, камергер Нарышкин приехал к тайному советнику и сказал, что теперь, пока царская фамилия еще здесь, лошадей дать не могут, и что вообще по случаю отъезда всего двора и всех министров для его высочества невозможно достать столько лошадей, сколько он требует, а только по крайней мере 75 или 80. Потому из повозок опять все вынули, и все думали, что многим из наших придется здесь остаться, что последует другое назначение, и что даже те, которые поедут, должны будут уменьшить свою поклажу, так как лошадей каждый получит менее, нежели сколько сначала определено было по расписанию. Тайный советник спрашивал у его высочества, позволит ли он ехать в Москву тем из своих придворных, которые вздумали бы отправиться туда на свой счет, и, получив утвердительный ответ, сказал мне в тот же день, чтобы я не горевал и готовился к путешествию, что его высочество

позволяет ехать в Москву желающим на своих издержках, которые вовсе незначительны, и что для меня в свое время будут лошади. Он просил меня, однако ж, держать это покамест про себя, потому что иначе многие захотят искать такого позволения, и тогда легко может случиться, что его высочество не даст его никому. Мне очень хотелось видеть Москву, и потому новость эта немало меня обрадовала. Вечером его высочество был на ассамблее у великого канцлера Головкина, куда я, как не дежурный, опять не попал.

6-го были именины конференции советника Альфельда, и его высочество очень на них веселился...

8-го, утром, шталмейстер императрицы доставил его высочеству подарок ее императорского величества — большие двухместные, превосходно сделанные дорожные сани, очень удобные для путешествия и устроенные как карета (с окнами по обеим сторонам), так что могут вместить в себя и хороший запас съестного. Но здешних маленьких почтовых лошадей для них нужно не менее 6 или 8. Его королевское высочество, из предусмотрительности, уже заказал себе подобные сани и потому приказал узнать, готовы ли они. Получив в ответ, что к ним еще многого недостает, он велел передать каретнику, чтобы тот оставил их себе вместе со взятым им задатком...

Текст печатается по: Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. 1721-1725. — Ч. 1, 2 // Неистовый реформатор. — М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. — С. 105-502.

РАССКАЗЫ О РОССИЙСКОМ ДВОРЕ

**I. Рассказы о подлинной причине смерти царя Петра I
и о всешутейшем и всепьянейшем Соборе,
учрежденном этим государем при дворе**

Царь Петр Алексеевич, известный под именем Петра I и под прозванием Петра Великого, умер в Санкт-Петербурге в ночь с 7 на 8 февраля 1725 года. Он страдал от задержания мочи, причиной чего была язва с воспалением шейки мочевого пузыря.

В течение трех или четырех последних лет, которые предшествовали его смерти, он страдал гонореей, которой, как он открыто заявлял об этом⁴⁴, его наградила генеральша Чернышева. Эта последняя защищалась лишь путем ответных обвинений⁴⁵. Отношения царя с этой дамой были исполнены злобы и упреков⁴⁶.

Все средства, к которым прибегал государь, так и не смогли излечить его от этой болезни, потому что его несдержанность, будучи сильнее его рассудка и предостережений врачей, сделала все их усилия и все их искусство бесполезными.

Достоверность этого факта опровергает все, что было высказано предположительно и ложно некоторыми современными, плохо осведомленными авторами. Одни из них утверждали, что государь был отравлен, а другие — что он умер от сильного насморка или катара, вызванного чрезмерным охлаждением во время церемонии освящения вод или Крещения. В действительности его смерть была вызвана застаревшей язвой на шейке мочевого пузыря, где произошло воспаление, вызванное несколькими стака-

ми водки, которые он выпил, несмотря на увещевания его врачей и его фаворита Ягужинского, не столько для своего удовольствия, сколько для того, чтобы воодушевить своим примером всех присутствующих на шутовском празднике, который он давал в конце января месяца. Этот праздник давался как для того, чтобы рассеять домашние неприятности, которые его снедали⁴⁷, так и для того, чтобы скрыть эти неприятности от окружающих, которых он не считал так хорошо осведомленными, как он сам.

Этот комический праздник назывался Собором. Царь учредил его несколько лет тому назад по различным политическим соображениям и находил удовольствие в том, чтобы время от времени отмечать этот праздник. На празднике в виде гротеска изображалось то, что происходит в Риме в конклаве при провозглашении папы римского. Цели этого праздника сводились к одному. Первая и главная состояла в том, чтобы представить в смешном свете патриарха и вызвать презрение у народа к сану патриарха, уничтожить который в своей стране этот государь имел веские причины. Другая состояла в том, чтобы внушить своим подданным неблагоприятное впечатление о папизме и об основных положениях римского духовенства и тем самым подорвать авторитет папы с тем, чтобы высмеять тем самым и патриарха московского. Это вытекало из стремления этого умного и смелого государя подорвать влияние старого русского духовенства, уменьшить это влияние до разумных пределов и самому стать во главе русской церкви⁴⁸, а затем устранить многие прежние обычаи, которые он заменил новыми, более соответствующими его политике.

Этих нововведений не смог бы оценить народ невежественный, суеверный и дикий, поэтому ему нужно было постепенно внушить отвращение к старым привычкам народа. И наилучший способ для достижения этой цели состоял в том, чтобы ловко представить народу в ложном свете некоторые стороны католической религии, так, что-

бы она показалась ему смешной, и показать сходство ее с той религией, которой так скрупулезно поклонялись их отцы и они сами. Вот почему царь отмечал как можно чаще этот праздник, называвшийся Собором. Ниже будет дано описание этого праздника после небольшого введения, необходимого для того, чтобы показать читателю, чем могло быть вызвано учреждение праздника и его комической церемонии.

Царь Петр I имел обычай держать при дворе несколько дураков или шутов, которые часто сопровождали его не столько для удовольствия, которое он получал от их выходок, сколько для того, чтобы с их помощью сказать придворным вельможам, а иногда и иностранным министрам, ту горькую правду, которую монарху не подобает произносить самому. Среди этих многочисленных шутов был один старый русский, которого звали Зотов. Все достоинства его сводились к умению хорошенько выпить, а царю он услужил тем, что научил его в детстве грамоте. Его глупость, которую царь в нем поддерживал, состояла в том, что он считал эту услугу столь значительной, что полагал, что за нее ему должны были давать титулы, звания и власть. Он уже устал этого ждать и все время жаловался царю, который имел привычку одобрительно с серьезным видом выслушивать все разглагольствования своих шутов и часто обнадеживал его, обещая сделать для него больше, чем для других своих подданных.

Однажды, когда Зотов после обильного обеда настаивал, чтобы царь сдержал свое слово, тот ответил ему: «Твоя жалоба справедлива, но, несмотря на такое долгое ожидание, ты ничего не потеряешь. Я делаю тебя князь-папой». Этот пьяница не был настолько лишен разума, чтобы не понять, кто такой папа. Он сообщал всем окружающим все, что он мог узнать о звании папы из множества пасквилей и брошюр, напечатанных в Голландии, откуда они попадали к русскому двору, где имели обычай делать из них выдержки, чтобы выпускать их в фор-

ме приложений к газетам каждую неделю. О впечатлении, которое подобные чтения произвели в помутившемся разуме этого шута, можно судить по вопросам, которые он задал царю. Он сказал ему: «Значит, ты меня делаешь Римским патриархом и князем князей? Но ведь все иностранцы и даже русские будут смеяться надо мной! Они будут называть меня извергом, тираном и обманщиком». «Что за важность, — ответил царь, — лишь бы у тебя был хороший дворец, много денег и подвалы, всегда полные вина и водки, пива и меда. Ты будешь назначать кардиналов, которые будут князьями, обязанными восхищаться всем, что ты скажешь, и подчиняться этому».

Поразмыслив, что совсем не свойственно шуту, Зотов спросил, кто ему даст этот дворец, эти деньги, и этот погреб полный вина. «Я, — ответил царь, — и в исполнение этих слов я даю тебе отныне такой дворец». Этот дворец находился на Сенном острове, который делит Неву на два рукава и является частью города Санкт-Петербурга. Дворец был расположен в квартале, называемом Татарским. «К этому я добавляю пансион в две тысячи рублей (10 тыс. франков) и за первые шесть месяцев заплачу тебе вперед, утверждая тебя в твоей новой должности». Одновременно государь приказал, чтобы Зотов был провозглашен и признан в качестве князь-папы. Это провозглашение и признание произошло со стаканом в руке. Царь подал пример и заставил всех, кто присутствовал, выпить за здоровье нового князя. Каждый должен был подходить по очереди и приветствовать его. По мере того как все подходили, он благодарил каждого стаканом вина. Естественно, что так называемый патриарх лег спать, основательно напившись, и это было для него обычным делом. На другой день царь в сопровождении всего двора, великолепно одетый, с помпой и триумфом отвел этого шута в новый дворец, который он ему накануне пожаловал.

Есть основания полагать, что все эти комические церемонии содержали намек на какую-то из церемоний, ко-

торую хотели высмеять, соблюдавшихся при возведении в сан русского патриарха.

Новый князь-папа был встречен у входа в первый вестибюль полудюжиной шутов, смешно одетых, которые ему преподнесли на пороге стакан водки и провели его в большой зал, где находились бочки, полные пива, меда, вина и водки, поставленные рядом так, что могли служить сидениями. При входе в этот зал он был с шумом встречен другой группой шутов, которые вручили ему 1000 рублей медными деньгами (больше, чем такая же сумма во французских грошах). Это составляло его жалованье за первые шесть месяцев. Затем его провели в третий зал, где был приготовлен большой обед за длинными столами со стоящими около них скамьями для приглашенных.

Князь-папа сидел один на возвышении, устроенном в виде кресла, которое было очень похоже на палатку перекупщика, какие можно увидеть в Париже на углах улиц. Обед был очень обильным. В конце обеда князь-папе предложили приступить к назначению своих кардиналов. Царь помог ему выбрать соответствующих лиц, которые смогли бы занять эту должность. Вернее сказать, он сам сделал это назначение от имени князь-папы. Он заполнил этот список именами людей, самых различных по своему положению. Большинство из них были известны или какой-либо выходкой, или чертами. В этот список были с умыслом включены некоторые лица не столько из-за их склонности к дебошам, сколько потому, что они казались подозрительными царю либо которых он ненавидел. Он надеялся, что благодаря чрезмерно выпитому вину у одних развяжется язык и они скажут то⁴⁹, что ему нужно знать, а других он таким образом отправит в лучший мир⁵⁰.

Поскольку я не ставил себе целью входить здесь в детали политических принципов царя Петра, а лишь хотел подробно рассказать о том, что происходило во время шутовских церемоний Собора, я вновь возвращаюсь к уже назначенным кардиналам. Им сообщили, что, поскольку

князь-папа пожаловал им кардинальский сан, они должны прийти к нему в папский дворец на другой день, чтобы поблагодарить за это назначение. А чтобы они не уклонились от этого визита; были выбраны для этого приглашения 4 человека, сильно заикающиеся, которых сопровождал слуга царя. И в то время как они с трудом бормотали, выражая свою благодарность, он умело видоизменял их речи, когда в них нельзя было ничего разобрать. Все они направились в папский дворец в назначенный час. Никто не посмел отказаться, потому что они знали, что это приглашение исходит от царя и, по существу, является приказом, которому нельзя противиться.

По мере того как кардиналы прибывали, шуты, представленные для их встречи у входа во дворец, проводили их в первую приемную, где им подавали от имени князь-папы колпак из толстого темно-красного сукна, сделанный в форме скуфьи, и широкое платье из той же материи. Все это их заставляли надеть и затем отводили в зал, называемый консисторией. Здесь находились два ряда винных бочек вдоль стен, служивших сидениями. Тут же находилось что-то вроде трона из винных бочек, на котором восседал князь-папа. Трон этот был со всех сторон окружен бутылками и стаканами. Вошедшего кардинала подводили к подножью трона, чтобы он отвесил низкий поклон, на который князь-папа отвечал величественным кивком головы, а рукой делал знак кардиналу приблизиться. Подавая кардиналу кубок с водкой, он говорил: «Преподобнейший, открой рот и проглоти, и это развяжет тебе язык». Наверное, это был намек на церемонию, которая проводилась в Риме, чтобы заставить кардиналов говорить. Как только кардинал выпивал свой кубок, его проводили на правую или левую сторону и заставляли занять место на одной из бочек.

Когда церемония заканчивалась, подавали сигнал идти в Собор. Хотя Собор и дворец находились на одном и том же острове, нужно было пересечь несколько улиц, чтобы попасть из одного в другой. Кардиналы проделы-

вали этот путь пешком в виде процессии. Шествие открывали несколько человек, бьющих в барабаны. Их сопровождала большая вереница саней, нагруженных пивом, вином, водкой и всевозможными съестными припасами. Затем следовало множество поваров и поваренков, каждый из которых имел какую-нибудь кухонную утварь. Все это производило страшный шум. За ними следовало много труб, гобоев, охотничьих рожков, скрипок и других музыкальных инструментов. Наконец шли кардиналы попарно, в одеждах, о которых уже говорилось. Каждый из них имел справа и слева двух смешно одетых прислужников.

Князь-папа сидел верхом на винной бочке, поставленной на сани, которые тащили четыре быка. Он был окружен со всех сторон группой людей, одетых францисканскими⁵¹ монахами и державших в руках стаканы и бутылки. Эта группа замыкала шествие.

Царь, обряженный шкипером или голландским матросом, появлялся с большой группой придворных в маскарадных костюмах и масках⁵² то сбоку, то во главе, то в хвосте процессии.

Когда весь этот кортеж в таком порядке прибывал во дворец, где должен был происходить Собор, каждому подносили стакан водки и вводили в просторный зал, построенный в виде галереи. Здесь было несколько кушеток по числу кардиналов. Эти кушетки были отделены друг от друга проходами, где стояли распиленные пополам бочки. Одна половина бочки назначалась для съестных припасов, а другая — для облегчения тела каждого члена Собора.

После того как каждому кардиналу было указано его место, всем им было приказано никуда не отлучаться в течение всего Собора, который должен был продолжаться до тех пор, пока все они не придут к единому мнению по вопросам, предложенным им князем-папой, или когда Его Преосвященству будет угодно прервать Собор. Обязанность конклавистов, приставленных к каждому кардиналу, состояла в том, чтобы не давать ему уходить со своего

места, заставляя его много есть и особенно пить и носить послания от одного кардинала к другому. Те, кто выполнял эти обязанности, были в большинстве своем молодыми повесами, путешественниками и скитальцами. Они так хорошо делали свое дело во всех отношениях, что многие кардиналы еще долго продолжали страдать от этого, а некоторые даже умерли к концу Собора.

Есть подозрение, что они были доведены до такого состояния по прямому указанию царя, приходившего время от времени наблюдать и слушать, что происходило и говорилось в зале.

Я только что сказал, что эти конклависты прекрасно выполняли свои обязанности. Это относится и к тем посланиям, которые они передавали от одного кардинала другому. Они возбуждали этими шутовскими донесениям людей, разгоряченных вином, и заставляли их говорить друг другу самые грубые непристойности. В своих посланиях кардиналы высказывали самое оскорбительное не только в отношении друг друга, но и в отношении их семей. Если в этой перепалке у кого-нибудь вырывалось что-то особенно интересное, факт, на который надо было обратить внимание, царь записывал это на дощечки, которыми он постоянно пользовался. В результате не было такой непристойности, какая бы не совершалась в этой асамблее. Чтобы покончить с этим описанием, достаточно сказать, что эта вакхическая церемония длилась три дня и три ночи подряд. Затем открывали двери Собора и уже с меньшей помпой отводили папу в его дворец. Папу и кардиналов доставляли домой в бессознательном состоянии на извозчиках, на которых их загружали, как туши животных. Извозчики — это очень плохие наемные экипажи, повозки и сани, которые можно найти на площадях Москвы и Санкт-Петербурга, и которыми простые люди пользуются примерно так же, как фиакрами в Париже.

Из всех вопросов, которые разбирались на этой асамблее, пока там был какой-то порядок и видимость здра-

вого смысла, я приведу лишь один, которого будет достаточно, чтобы судить о других подобных. Один из кардиналов пожаловался, что вино, которое ему подали, было плохим. Об этом доложили князь-папе, и он, посоветовавшись с кардиналами, приказал, чтобы эта бочка вина была изъята, и чтобы навели справки, каким иностранным купцом она была продана. Затем он сказал, что этого человека нужно привести в Собор, запереть его там и во искупление его вины заставить его пить только то вино, которое он продал, до тех пор, пока он не поставит две бочки лучшего. Один из конклавистов, заметив в числе любопытных, которые приблизились к дверям Собора, чтобы посмотреть, что там происходит, одного английского купца, на которого он был зол, выдал его, заявив, что это он продал упомянутую бочку вина. Этого человека привели в Собор, и все кардиналы осыпали его оскорблениями. В наказание за его «преступление» его заставили выпить несколько полных стаканов этого плохого вина. Он понял, что эта травля не прекратится до тех пор, пока он не даст им две бочки лучшего вина. Он быстро послал за двумя бочками портвейна и таким образом скоро освободился.

В заключение описания этого праздника, учрежденного царем Петром I, нелишне будет заметить, что, когда он праздновал его в третий раз, его настигла смерть, до которой он прежде довел столько других людей. С тех пор об этом празднике при русском дворе больше уже не было речи.

II. Стрельцы. Восстание и подавление стрельцов в царствование Петра I Великого

Чтобы дать правильное представление о том, кто такие были стрельцы в России, достаточно сказать, что они составляли корпус регулярной пехоты подобно корпусу янычар в Турции: такая же дисциплина, такие же привилегии, такой же мятежный и непокорный дух. Эта парал-

лель позволяет понять, что стрелецкий корпус был страшен даже для царей. Во многих случаях последние были вынуждены скрывать свое недовольство, когда это своевольное войско посягало на их власть. В этих случаях цари применяли в отношениях со стрельцами правило монархов, которые не могут наказать без риска для себя, т. е. чтобы не показывать свое бессилие заставить стрельцов выполнить царскую волю, они делали вид, что находят справедливыми мотивы их мятежей, когда те под предлогом борьбы против злоупотреблений требовали смещения, удаления или казни министров или фаворитов этих государей.

Можно написать целую книгу о волнениях стрельцов в России в разное время. Здесь не идет речь о том, чтобы описывать эти бунты. Автор намерен лишь рассказать о трагическом конце стрельцов. Мы ограничимся тем, что скажем следующее: во времена Петра I, который мог избавиться от их опеки только путем полного их истребления, стрельцы принимали участие во всех заговорах, направленных против этого государя. Они пять раз поднимали восстания, учиняли беспорядки и многочисленные убийства в Москве, а однажды дошли до того, что убили во дворце у ног юного царя его первого министра Артамона Матвеева. Ни слезы, ни просьбы малолетнего Петра не смогли вырвать Матвеева у разъяренных мятежников.

Нетрудно понять, какое впечатление произвело это преступление на царя. И хотя ему было тогда всего 10 лет, у него хватило здравого смысла, чтобы скрывать свои чувства до подходящего случая, чтобы затем вынести свой приговор и отомстить. В этих тайных намерениях его осторожно направляли советы умных людей. Благодаря своей рано проявившейся способности распознавать людей он целиком положился на этих своих приближенных. Среди них был один иностранный офицер по имени Лефорт, который под предлогом развлечения царя невинными играми собрал вокруг молодого государя иностранных офи-

церов в количестве, достаточном, чтобы создать роту. Эта рота казалась не столь сильной, чтобы стоять на страже безопасности царя, а служила якобы лишь для его развлечения. Она ни у кого не вызывала опасений.

Господин Лефорт, основная цель которого в поисках развлечений для царя состояла в том, чтобы научить его искусству управлять и вести войну, часто проводил учения этой роты в присутствии царя. Петру это так понравилось, что он сам захотел вступить в эту роту и начать с самых низших чинов, таких как барабанщик, солдат, капрал и т. д., чтобы узнать на собственном опыте, как проходит службу военный человек во всех этих рангах. Для московских вельмож и простых горожан это было интересное зрелище: царь в иностранном мундире на строевых занятиях на иностранный манер. Любопытство привлекало на этот спектакль даже стрельцов, которые выражали такое же удовольствие, как и другие зрители, не подозревая, что они наблюдают за рождением орудия их собственной гибели. У них не открылись глаза даже тогда, когда царь, пройдя через все низшие ранги, достиг звания капитана этой роты, независимой от их корпуса. Через некоторое время рота эта выросла до батальона, потом до двух, трех и четырех. В эти батальоны вступили многие русские дворяне, семьи которых подверглись грубому обращению со стороны стрельцов, и поэтому они питали естественное отвращение и неприязнь к стрельцам. Вслед за ними последовали многие их соотечественники, так что в течение семи или восьми лет эти войска, созданные по иностранному образцу, выросли до 12 тысяч человек. Они находились в Москве для охраны этого города. А в это время стрельцы, занятые войной, которую Россия вела против турок, были рассеяны и удерживались на границах.

По мере того как численность войск, созданных по иностранному образцу, возрастала, численность стрельцов уменьшалась. Это происходило потому, что их намеренно безжалостно использовали в самых опасных операциях, а также потому, что закрывали глаза на жадность их

командиров и офицеров, которых не заставляли заменять умерших, и жалование последних поступало в их пользу. Это войско с 35-40 тысяч вначале сократилось за несколько лет до 17 тысяч человек. Благодаря этому царь сразу же по достижении совершеннолетия мог противопоставить стрельцам новое войско, способное усмирить их, если бы они вновь начали восстание.

Как только царь почувствовал себя в безопасности с этой стороны, он осуществил свое давнее намерение отправиться в заграничное путешествие, чтобы убедиться в том, что он знал из рассказов о других странах, их нравах, политике, торговле, богатствах. Довольный теми наблюдениями, которые он сделал в различных государствах, он предполагал поехать в Италию и был уже в дороге, когда узнал, что стрельцы, возбуждаемые тайными агентами царевны Софьи, его сестры, которая хотела воспользоваться его отсутствием и овладеть короной, покинули без приказа зимние квартиры на Украине и шли к Москве, чтобы захватить ее.

Это известие заставило царя прервать свое путешествие, чтобы спешно вернуться домой. Он прибыл с небольшой свитой в Москву, где его не ждали, и нашел все в спокойствии благодаря предусмотрительности генерала Гордона, командовавшего войсками иноземного строя. Этот последний узнал, что стрельцы, желая ускорить свое продвижение и не мешать друг другу, разделились на два отряда и пошли по разным дорогам. Тогда Гордон во главе 12-тысячного войска иноземного строя направился навстречу первому из этих отрядов, состоявшему из 10 тысяч человек, и наголову разбил его. Семь тысяч человек остались на поле брани, а три тысячи были рассеяны и спаслись бегством.

Гордон не успокоился, одержав эту первую победу. Не теряя времени, он направился навстречу отряду стрельцов, состоявшему из 7 тысяч человек. Этот отряд уже знал о разгроме своих товарищей и поэтому окопался на острове, окруженном болотами. Гордон блокировал их ла-

герь и принудил к сдаче. Как только их разоружили, был казнен каждый десятый. Те, на которых пал жребий, были расстреляны тотчас, а остальные приведены пленниками в Москву. Когда они входили в город через одни ворота, царь, возвращавшийся из-за границы, въезжал в другие.

Царь нашел, что военная казнь, проведенная генералом Гордоном, была слишком почетным наказанием и не соответствовала нынешним и прежним преступлениям стрельцов. Он приказал, чтобы их судили как воров и убийц, и чтобы они были наказаны как таковые. Так и было сделано. Их вывели из различных тюрем, куда их посадили по прибытии в Москву, собрали в количестве 7 тысяч человек в одном месте, окруженном частоколом, и прочитали приговор. Две тысячи из них были приговорены к повешению, а другие 5 тысяч — к отсечению головы. Это было выполнено в один день следующим образом.

Их выводили по 10 человек из огороженного места, о котором только что говорилось, на площадь, где были установлены виселицы, чтобы повесить там 2 тысячи человек. Они были связаны по 10 человек в присутствии царя, который их считал, и в присутствии всех придворных, которым он приказал быть свидетелями этой казни. Царь хотел, чтобы во время казни солдаты его гвардии показали, как они несут свою службу.

После казни этих 2 тысяч стрельцов приступили к расправе с теми 5-ю тысячами, которым следовало отрубить головы. Их выводили также по 10 человек из огороженного места и приводили на площадь. Здесь между виселицами положили большое количество брусьев, которые служили плахой для 5 тысяч осужденных. По мере того как они прибывали, их заставляли ложиться в ряд во всю длину и класть шею на плаху, сразу по 50 человек. Затем отрубали головы сразу всему ряду.

Царь не удовлетворился лишь услугами солдат своей гвардии для выполнения этой экзекуции. Взяв топор, он начал собственной рукой рубить головы. Он зарубил около 100 этих несчастных, после чего роздал топоры всем

своим вельможам и офицерам своей свиты и приказал последовать его примеру.

Никто из этих вельмож, а среди них были такие как известный адмирал Апраксин, великий канцлер, князь Меншиков, Долгорукий и другие, не осмелился ослушаться, слишком хорошо зная характер царя и понимая, что малейшее непослушание поставит под угрозу их собственную жизнь, и что они сами могут оказаться на месте мятежников.

Головы всех казненных были перевезены на двухколесных телегах в город, насажены на железные колья, вделанные в бойницы кремлевских стен, где они оставались выставленными, пока был жив царь.

Что касается главарей стрельцов, то они были повешены на городских стенах напротив и на высоте окна с решеткой, за которым сидела в тюрьме царевна Софья. И это зрелище она всегда имела перед своими глазами в течение тех пяти или шести лет, на которые она пережила этих несчастных.

Мне остается лишь рассказать о судьбе тех стрельцов, которым удалось разбежаться после поражения, нанесенного им генералом Гордоном. Во всей Российской империи было запрещено под страхом смерти не только давать им убежище в домах, но даже снабжать их пищей или водой. Жены и дети этих стрельцов были вывезены в пустые и бесплодные места, где им было выделено некоторое количество земли и приказано им и их потомкам никогда не покидать этих мест.

На всех больших дорогах были поставлены каменные столбы, на которых были выгравированы описания их преступлений и их смертный приговор, для того чтобы это осталось в памяти, и чтобы само воспоминание о них было ненавистно для будущих поколений.

Пояснения.

Барон Левиссон, который под вымышленным именем барона Ивана Нестезураноя опубликовал книгу, озагла-

ленную «Мемуары об истории Петра Великого», так бегло коснулся там темы стрельцов, что его нужно отнести к историкам недостоверным и находящимся на содержании. Он действительно находился на содержании у царя и описывал его деятельность. Этот автор сделал все, что он мог, чтобы доказать, что Петра несправедливо называют варваром после этой казни. Я соглашусь с ним в том, что всякий человек, хорошо знакомый с теми преступлениями, которые совершили стрельцы, будет видеть лишь справедливое возмездие в том, как царь поступил с ними. Но нельзя оправдать то, что он утолял свою ненависть с топором в руках и в крови этих преступников. Поэтому барон Левиссон счел нужным высказаться очень сдержанно по этому поводу. Так же он поступал в ряде других случаев. Этим он справедливо заслужил славу пристрастного и недостоверного историка, так как он не мог не знать всех обстоятельств.

Когда однажды я вступил с ним в объяснение по поводу труда, который он опубликовал, он сам мне признался, что знал эти обстоятельства. Мне было сделать это очень просто, потому что у меня были два свидетеля, которые могли подтвердить те упреки, которые я ему адресовал.

Эти свидетели находились в свите царя в день казни, и они ему подтвердили, что их заставили обезглавить нескольких из этих стрельцов. Опираясь на рассказ этих двух свидетелей, я и написал все, что было изложено выше об этой казни. Один из них был беглый француз, его звали Авэ. Он сопровождал царя в качестве хирурга в его поездках. Другой был офицером гвардейского Преображенского полка и денщиком царя во время казни. В обязанности человека на должности денщика входят те же функции, что у первого камердинера при других дворах. Эти обязанности имеют нечто общее с обязанностями простых дворян.

К тому, что я уже сказал, дабы ввести читателя в тему о мемуарах Левиссона, опубликованных под вымышлен-

ным именем барона Ивана Нестезураноя, нелишним будет добавить, что господин барон, немец по происхождению, не владел достаточно хорошим французским языком, чтобы писать по-французски, не придавая своим выражениям и фразам древнегерманские или немецкие обороты. Голландский издатель, который взялся за второе издание этих мемуаров, решил изложить их на более правильном французском языке. Этим занялся один писатель, француз по национальности, нашедший убежище в Голландии. Он превзошел по своему изложению автора, язык которого он решил улучшить. Но, к несчастью, желая улучшить оригинал, он не потрудился проверить, были ли факты, приводимые автором, справедливыми и точными. Вместо того, чтобы добавить к этому значительное количество деталей, которые там отсутствовали, и которые намеренно замалчивались в оригинале, он удовольствовался тем, что передал нам, далеко не совершенно, мысли барона Левиссона в более цветистом стиле, с еще большей лестью, чем та, которой уже был наполнен оригинал. Но хуже всего то, что, желая улучшить порядок изложения и установить связи между фактами, приведенными в мемуарах, издатель так их запутал, что почти невозможно установить их хронологическую последовательность. Что касается добавлений, которые он якобы сделал к этим мемуарам, то они не стоили ему большого труда. Он лишь включил несколько довольно плохо переведенных кусков сообщений, которые были опубликованы во многих немецких газетах и в «*Mercure de France*». Таковы сведения, касающиеся процесса над царевичем. Было бы лучше, если бы он раскрыл нам действия царевича, дав представление о тех интригах, которые имели место в это время при дворе царя Петра I. Несмотря на то, что мемуары, которые он нам дает, очень подробны и написаны хорошим французским языком, они стоят не больше первого их издания, которое само по себе не заслуживает того, чтобы люди, знакомые с историей России, верили им.

III. Короткие рассказы о жизни царицы Евдокии Федоровны, первой жены царя Петра I

Евдокия Федоровна, первая жена⁵³ царя Петра, прозванного Великим⁵⁴, несомненно, была самой несчастной государыней своего времени. Даже в самой глубокой древности найдется мало примеров такой несчастной судьбы.

Ее жизнь со времени замужества была сплошной цепью событий, одно трагичнее другого.

Родилась она в Москве 8 июня 1670 года. Ее отец, Федор Абрамович Лопухин, очень богатый человек, происходил из одной из самых старинных фамилий Новгородского княжества. Евдокия Лопухина была очень красива и поэтому была выбрана в жены Петру I из многих сотен девушек дворянских семей, представленных царю, когда совет этого государя решил, что ему можно жениться⁵⁵. Поскольку выбор царя, павший на Евдокию Федоровну Лопухину, не встретил никаких препятствий, брачная церемония проходила со всей торжественностью, принятой в России⁵⁶.

Меньше чем за два года у нее родилось двое мальчиков. Одного звали Александром. Он умер естественной смертью в раннем возрасте. Но некоторые злонамеренные личности, не забывшие историю царевича Дмитрия, хотели воскресить его во время правления царицы Екатерины. Однако она сумела ловко предотвратить все неприятные последствия, которые этот обман мог иметь, если бы она проявила меньше твердости⁵⁷.

Другого сына звали Алексеем Петровичем. Он был женат на принцессе из Вольфенбюттельского дома. От нее у него было двое детей: сын и дочь. Впоследствии он был приговорен к смертной казни за мятеж против отца и погиб в тюрьме на 29-м году жизни, через несколько часов после того, как ему объявили о помиловании⁵⁸.

Доброе согласие между царем и его женой не было длительным. Царица была ревливой, властолюбивой ин-

триганкой. Царь был непостоянен, влюбчив, подозрителен, резок в своих решениях и непримирим, когда он питал к кому-нибудь неприязнь.

На третьем году своей женитьбы он без памяти влюбился в молодую, красивую девицу Анну Монс, родившуюся в Москве⁵⁹. Отец и мать ее были немцами. Царица Евдокия, после бесполезных преследований этой соперницы, устроила сцену ревности своему мужу, запретив ему являться к ней в спальню и поссорившись со вдовствующей царицей, своей свекровью. Царю только этого и было нужно. Поощряемый как господином Лефортом, так и прекрасной иностранкой, в которую он был влюблен, он решил выполнить то, что уже давно замышлял: развестись с женой и заключить ее в женский монастырь, где эта несчастная государыня была вынуждена постричься в монахини. Всеми забытая, она провела там много лет. А в это время ее муж предавался своим страстям, беспрестанно меняя любовниц.

Так продолжалось до тех пор, пока он не был пленен чарами одной ливонской пленницы, которую ему уступил князь Меншиков. Он не только женился на ней, но даже, в ущерб правам царевича Алексея Петровича, передал наследование российской короны детям, которых он имел от этой пленницы, ставшей царицею и известной с тех пор под именем Екатерины. С нею он отправился путешествовать по различным европейским дворам⁶⁰. Все это восставило против него многих членов его семьи, а также семьи царицы Евдокии⁶¹.

Эта последняя, будучи насильно постриженной в монахини и заточенной в монастырь, не была настолько мертва для дел мирских, чтобы не завести тайной любовной интрижки с дворянином из Ростовской губернии Глебовым. Его брат, архиепископ той же губернии, поощрял эту страсть и подстрекал, как только мог, заговор царевича, направленный на то, чтобы в отсутствие отца свергнуть его с престола. Но этот заговор был раскрыт прежде,

чем заговорщики приняли необходимые меры его осуществления. Петр I вернулся в свое государство при первых же подозрениях, которые у него возникли, и наказал, не взирая на лица, всех, кто участвовал в заговоре, в том числе царицу Евдокию.

Ее уличили письма, написанные ее рукой, свидетели и ее собственное признание не только в государственной измене, но также в супружеской неверности, в ее связи с боярином⁶² Глебовым.

Она была заключена в четырех стенах Шлиссельбургской крепости, после того как ей пришлось пережить осуждение и гибель в тюрьме ее единственного сына Алексея Петровича, смерть своего брата Абрама Лопухина, которому отрубили голову на большой московской площади, а также смерть своего любовника Глебова, который был посажен на кол на той же площади по обвинению в измене.

Глебов вынес эту пытку с героическим мужеством, отстаивая до последнего вздоха невиновность царицы Евдокии и защищая ее честь. Между тем он знал, что она сама признала себя виновной вследствие естественной слабости, свойственной ее полу, и под угрозой тех пыток, которые ей готовили, чтобы заставить ее признать себя виновной⁶³.

Она пробыла в этой тюрьме с 1719 до мая 1727 года. И единственным ее обществом и единственной помощницей была старая карлица, которую посадили в тюрьму вместе с ней, чтобы она готовила пищу и стирала белье. Это была слишком слабая помощь и часто бесполезная. Иногда она была даже в тягость, так как несколько раз царица была вынуждена в свою очередь сама ухаживать за карлицей, когда недуги этого несчастного создания не позволяли ей ничего делать.

Облегчение ее страданиям наступило лишь после смерти Екатерины — второй жены Петра I, которой она nasledовала и которую пережила на два года с небольшим.

Когда Петр II, сын несчастного царевича Алексея, был возведен на русский престол, благодаря интригам Менши-

кова и Венского двора, Евдокия Федоровна, бабушка этого молодого монарха, была освобождена из тюрьмы, где она сохранила свой властолюбивый дух и стремление к интригам. Едва она вышла оттуда, как тотчас начала проделывать всякие махинации, чтобы снять с себя постриг и освободиться от обета в надежде быть провозглашенной регентшею или, по крайней мере, надеясь принимать самое активное участие в управлении делами в пору правления малолетнего внука.

Однако министры этого юного государя, зная честолюбие и беспокойный характер этой женщины, сумели так повернуть дело, что заставили ее продолжать вести прежний образ жизни и оставаться монахиней в одном из московских монастырей, откуда она могла выходить лишь время от времени, чтобы нанести церемониальный визит своему внуку. Для расходов ей назначили пенсию в 60 тысяч рублей, которая тщательно выплачивалась вплоть до ее смерти. Она недолго пользовалась этими деньгами, так как Петр II, ее внук, заболел оспой и умер в начале третьего года своего царствования⁶⁴. Прожила она после этого мало вследствие той огромной боли, которую причинила ей потеря внука. Она, казалось, переживала это горе сильнее, чем все прежние свои несчастья, и умерла от тоски 10 сентября 1731 года⁶⁵.

IV. Короткие рассказы из жизни Екатерины, русской императрицы, второй жены царя Петра I

Если когда-либо в истории была жизнь столь необычная и так наполненная событиями, что она заслуживала бы того, чтобы быть рассказанной грядущим поколениям, так это жизнь царицы Екатерины, жены царя Петра I⁶⁶, которому она наследовала после его смерти.

Доказательство этого читатели найдут в этих мемуарах, написанных не для того, чтобы быть опубликованны-

ми, а только для личного удовлетворения человеком, длительное время находившимся в свите российского двора. Его обязанности требовали, чтобы он точно знал все то, что там происходило, даже самое важное и самое тайное. Обо всем этом он вел нечто вроде дневника, из которого взяты нижеследующие рассказы, на правдивость которых можно положиться, хотя они должны показаться невероятными всякому человеку, который не имеет точного представления о том, что происходило на Севере во время царствования Петра I — государя, единственного в своем роде и необыкновенного как в своих добродетелях, так и в своих недостатках.

Все так необычно, так ново, все так удивительно с самого начала и до самого конца дней Екатерины, что я не удивляюсь, если многие не поверят в точность этих рассказов. Я это им охотно прощаю. И хотя имеются еще тысячи свидетелей тех фактов, которые здесь изложены, я понимаю, что нужно было самому быть очевидцем, чтобы поверить всем этим фактам, как они того заслуживают. Я думаю, что не будет преувеличения сказать, что своими деяниями Екатерина равна (если не превосходит ее) Семирамиде и Тамаре, а в отношении любовных приключений она превосходит невесту короля Гарба, которая, однако, является лишь плодом фантазии, в то время как Екатерина осуществила все это в действительности.

Столь смелые сравнения обещают неслыханный пример капризов и милостей судьбы. Едва ли во всей истории, как древней, так и современной, можно было бы найти такой пример, который позволил бы лучше почувствовать, как то непостижимое, которое одни называют судьбой, а другие — провидением, потешается по своей прихоти над правилами людского благоразумия, чтобы из ничего сделать нечто самое великое среди людей и чтобы поднять из ничтожества до вершин славы тех, кого оно захочет облагодетельствовать. Мы увидим здесь бедного подкидыша, извлеченного из бездны ничтожества и поднятого до вер-

шин почестей такими средствами, которые другим принесли бы лишь презрение.

Будет показано, как вопреки всякому здравому смыслу, вопреки законам страны, законам естественного права она вступит на трон в ущерб правам законных наследников, которым он принадлежал, и будет править чрезвычайно отважными народами, которые до этого никогда не управлялись женщинами. Эти народы были, естественно, обеспокоены, так как они испытывали сильную привязанность к роду своих господ и подлинных государей, потомки которых по прямой линии еще существовали. Наконец, мы увидим, как она спокойно умрет неограниченной самодержицей⁶⁷ огромной империи, грозной для всех государств Севера и Азии.

Но так как эти рассказы являются лишь секретным добавлением к общеизвестным историческим фактам, то, в соответствии с названием этого сочинения, следует ожидать найти не полную историю жизни Екатерины, а лишь отдельные неизвестные факты, опущенные по незнанию или преднамеренно тем, кто опубликовал упомянутые мемуары. К ним могут обратиться все те, кто захочет быть лучше осведомленными. Что касается меня, то я ограничусь тем, что лишь бегло коснусь всех различных этапов жизни, через которые прошла эта государыня, и проследую за ней по скрытым путям, которые привели ее к тому высокому положению, которое она заняла.

Начнем с ее происхождения и ее рождения, которые были абсолютно неизвестными для всех и (если этому захотят поверить) даже для нее самой в течение всей ее жизни и жизни ее мужа. Несмотря на поиски и расследования, которые этот государь проводил в течение свыше 20-ти лет, он не смог получить никаких сведений по этому поводу. И до сих пор это оставалось бы непроницаемой тайной для всех, если бы за три месяца до смерти Петра I и за два года до смерти государыни необычайное приключение, о котором будет рассказано в конце этих анекдо-

тов, не раскрыло бы с полной несомненностью, что ее звали Скавронская, что родилась она в Дерпте в 1686 году⁶⁸, и что крестили ее в том же году в католическом костеле.

К этой религии принадлежали ее отец и мать (крестьяне-беженцы из Польши), которые, несомненно, были крепостными, или рабами, как и все крестьяне в Польше. Оттуда они переехали в Дерпт, маленький городок в Ливонии. Здесь нужда заставила их поступить в услужение, чтобы зарабатывать на жизнь. Они жили поденной работой до того времени, когда из-за чумы, охватившей Ливонию, решили уехать, чтобы избежать этой страшной напасти. Они переселились в окрестности Мариенбурга, где вскоре оба умерли от чумы, несмотря на все предосторожности.

После них осталось на воле божьей двое малолетних детей: мальчик, которому едва исполнилось пять лет, и трехлетняя девочка. Другая их дочь осталась в Дерпте. Мальчик был отдан на воспитание одному крестьянину, а девочка — на попечение кюре, местному священнику. Вскоре этот священник и все члены его семьи умерли, бросив это несчастное создание и не успев оставить никаких сведений ни о ее рождении, ни о том, как они взяли ее к себе.

Когда Его Высокопреосвященство господин Глюк, суперинтендант⁶⁹, или архипастырь этой провинции, узнал о том бедствии, которое постигло город Мариенбург, он отправился туда, чтобы оказать пастве, оставшейся без пастыря, всяческую помощь и духовное утешение, которые ей были так необходимы в этом бедственном положении. Этот архипастырь начал свою поездку с дома покойного кюре и нашел там несчастную девочку, которая, увидев его, побежала ему навстречу, называя его отцом и прося есть. Она теребила его за платье до тех пор, пока ее не накормили. Тронутый состраданием, он спросил, чей это ребенок, но никто ему не мог сказать это. Он навел справки во всей округе, спрашивал всех, не знает ли кто ее

родителей, чтобы отдать ее им. Но, поскольку никто ничего о ней не знал, и никто ее не требовал, он был вынужден взять на себя заботу о ребенке. Она сопровождала его в течение всей его поездки, и в конце концов они прибыли в Ригу, основную его резиденцию. Правда, во время чумы и войны, которые наносили большие опустошения, эта резиденция не была столь постоянной, так как он был вынужден часто переезжать из одного места в своем округе в другое, гонимый страхом или по велению своего долга.

Вернувшись в свою главную резиденцию, он отдал своей жене (лютеранские священники могли жениться) эту несчастную девочку, чтобы она о ней позаботилась. И эта добродетельная дама охотно приняла ее и воспитала вместе со своими двумя дочерьми примерно того же возраста. Она оставила ее у себя в качестве служанки, пока той не исполнилось 16 лет. Когда та достигла этого возраста, хозяйка решила, судя по поведению девушки, что ей скоро наскучит ее положение⁷⁰. Вот почему ее хозяева, боясь, что, несмотря на хорошее воспитание, которое они ей дали, природа может в самый неожиданный момент взять верх над рассудком, решили, что пришла пора быстро выдать ее замуж за одного молодого брабанта⁷¹ — солдата, который находился в Мариенбургском гарнизоне. Девушка показалась ему приятной, и он попросил ее руки. Не существовало никаких препятствий для выполнения церемониальных формальностей совершения брака, и если они не были выполнены с большой пышностью, то, тем не менее, было большое стечение народа, любопытствующего увидеть новобрачных.

Можно найти не одного свидетеля, заслуживающего доверия, который помнит эту свадьбу. Следовательно, напрасны попытки некоторых людей убедить публику, что все сказанное об этой свадьбе является чистой фикцией⁷². Тем, кто отрицает эту свадьбу, остается единственное средство против стольких свидетелей — предположить (без всяких к тому оснований), что, поскольку союз

этих двух людей был очень непродолжителен, а официального акта скрепления этого союза не имелось, следовательно, брак этот следует рассматривать как недействительный. Говорят, будто молодые люди якобы не успели найти за три дня момент, необходимый для того, чтобы поставить последнюю печать на своем союзе. Это тем менее вероятно (пусть не прогневаются те, кто не верит), что хозяева дома, где и благодаря кому проходила свадьба, казалось, имели причины, чтобы новобрачные придерживались не только простых формальностей церкви.

Довольно об этом предмете. Чем дальше идешь вперед, тем труднее углубляться в него, так как время, которое хранит воспоминания даже о самых известных вещах, должно, естественно, скрыть этот факт в глубоком забвении, принимая во внимание, что уважение к людям, которых он особенно интересуется (Елизавету, теперешнюю русскую императрицу, и герцога Гольштейнского, который должен был стать шведским королем и русским императором, оба они считают эту женитьбу чистой фикцией), положит предел любопытству тех, кто хотел бы провести расследование надлежащим образом. Такой важный факт вполне заслуживает этого отступления.

Вернемся теперь к Екатерине, героине этих рассказов, и посмотрим, что стало с ней после этой свадьбы с выше-названным брабантом. Этот человек, поступив на службу к шведскому королю Карлу XII в качестве простого кавалериста, был вынужден через два дня после свадьбы покинуть свою жену, чтобы уйти со своим отрядом догонять войска шведского короля. Он прибыл в Польшу, где этот король вел войну с польским королем Августом. Екатерина в ожидании мужа осталась у Глюков, где продолжала находиться на положении служанки до того момента, когда превратности войны, которую русские вели в Ливонии, открыли ей путь, вначале тернистый, который, однако, привел ее к блестящей судьбе.

Выше было сказано, что суперинтендант, у которого она жила, переезжал с места на место, в зависимости

от своих дел. Он находился в Мариенбурге, когда этот город был неожиданно осажден главноначальствующим русских войск фельдмаршалом Шереметевым. Хотя город был довольно хорошо укреплен, гарнизон его был настолько слаб, что не смог оказать достойное сопротивление и сдался на милость победителя. Жители города, чтобы снискать милосердие Шереметева, решили послать к нему пастора своей церкви. Монсеньор Глюк в сопровождении своей семьи и в роли скорее просителя, чем парламентаря, отправился к этому генералу в его лагерь. Под словами «со своей семьей» нужно понимать «со своей женой, детьми и слугами». Он был очень хорошо принят русским генералом, который нарисовал великолепную картину счастья народов, живущих под властью такого великого монарха, каким был Петр I, а затем похвалил жителей Мариенбурга за их решение покориться. Он многое им обещал и выполнил из этого то, что пожелал.

Я не буду подробно описывать, что он сделал, когда овладел городом. Эта тема не относится к моему рассказу. Скажу только, что он поступил, как тиран, воспользовавшись своим правом победителя, и взял Екатерину в качестве военнопленной, чтобы включить ее в число своей челяди. Она выделялась своей красотой и своей пышной фигурой, поэтому он и выделил ее среди других членов семьи священника во время своей торжественной речи. Неудивительно, что, узнав, что она была служанкой, он решил взять ее себе против ее воли и невзирая на укоры монсеньора. Таким образом, она перешла из дома господина Глюка в дом фельдмаршала Шереметева. Позднее она признавалась, что это расставание, являвшееся первой ступенькой ее возвышения, причинило ей в тот момент много огорчений. Она не только переходила из положения свободной служанки в положение крепостной у того народа, которого она не знала, что было вполне естественно, но и, кроме того, испытывала привязанность к семье, в которой она выросла, и ей было тяжело расстаться с нею навсегда.

В дальнейшем она недвусмысленно доказала свою чрезвычайную привязанность к этой семье, и можно сказать, что в этом отношении ее нельзя упрекнуть в том, в чем слишком часто упрекают сильных мира сего, которым оказали услугу в трудную минуту; имею в виду упрек в неблагодарности. Ее первой заботой было, как только она смогла выразить свою признательность суперинтенданту, призвать его детей к русскому двору, где она их щедро одарила всякими благами и почестями. Хотя задачей моего изложения является доказательство благородства чувств Екатерины, дальше распространяться на эту тему не следует.

Последуем за Екатериной в ее новом положении. Всем известна власть господ над их рабами. В России эта власть была столь сильна в то время, что они имела право распоряжаться жизнью и смертью своих рабов⁷³ безо всякого. Легко догадаться, что фельдмаршал взял к себе Екатерину не для того, чтобы ее убивать. Она это заметила в первые же дни своего пребывания в его доме. Прекрасные чувства почти неизвестны в тех странах, где имеются рабы. Любовь там говорит языком хозяина, который хочет, чтобы ему подчинялись. И раб вынужден делать из страха и в силу своего подчиненного положения то, что в свободной стране он делал бы под воздействием сильной страсти. Екатерина примирилась со своей участью. Будучи женщиной ловкой и далекой от того, чтобы выражать отвращение к своему положению, она охотно была готова пойти на это.

Прошло шесть или семь месяцев с тех пор, как она появилась в том доме, когда в Ливонию приехал князь Меншиков, чтобы принять командование русской армией вместо Шереметева, который получил приказ срочно прибыть к царю в Польшу. В спешке он вынужден был оставить в Ливонии всех тех своих слуг, без которых мог обойтись. В их числе была и Екатерина. Меншиков видел ее несколько раз в доме Шереметева и нашел ее полно-

стью отвечающей его вкусу. Меншиков предложил Шереметеву уступить ему ее. Фельдмаршал согласился, и таким образом она перешла в распоряжение князя Меншикова, который в течение всего времени, проведенного ею в его доме, использовал ее так же, как тот, от кого он ее получил, то есть для своих удовольствий. Но с этим последним ей было приятнее, чем с первым. Меншиков был моложе и не такой серьезный. Она находила даже некоторое удовольствие от подчинения, в котором она пребывала.

В этом плену она сумела так завладеть своим хозяином, что через несколько дней после ее появления в доме уже нельзя было сказать, кто из них двоих был рабом. Так обстояли дела, когда царь, проезжая на почтовых из Петербурга, который назывался тогда Ниеншанцем, или Нотебургом⁷⁴, в Ливонию, чтобы ехать дальше, остановился у своего фаворита Меншикова, где и заметил Екатерину в числе слуг, которые прислуживали за столом. Он спросил, откуда она, и как тот ее приобрел. И, поговорив тихо на ухо с этим фаворитом, который ответил ему лишь кивком головы, он долго смотрел на Екатерину и, поддразнивая ее, сказал, что она умная, а закончил свою шутливую речь тем, что велел ей, когда она пойдет спать, отнести свечу в его комнату. Это был приказ, сказанный в шутовском тоне, но не терпящий никаких возражений. Меншиков принял это как должное, и красавица, преданная своему хозяину, провела ночь в комнате царя.

Нет необходимости говорить, что это трио не страдало деликатностью. На следующий день царь уезжал утром, чтобы продолжить свой путь. Он возвратил своему фавориту то, что тот ему одолжил. Об удовлетворении царя, которое он получил от своей ночной беседы с Екатериной, нельзя судить по той щедрости, которую он проявил. Она ограничилась лишь одним дукатом, что равно по стоимости половине одного луидора (10 франков), который он сунул по-военному ей в руку при расставании. Однако он не проявил по отношению к ней меньше обхо-

дительности, чем ко всем персонам ее пола, которых он встречал на своем пути⁷⁵, так как известно (и он сам об этом говорил), что, хотя он установил эту таксу как плату за свои любовные наслаждения, данная статья его расходов к концу года становилась значительной.

Надеюсь, что мне простят это маленькое отступление во имя истины и необычности этого рассказа, который одним этим штрихом дает нам представление о характере и темпераменте этого государя. Я не боюсь быть заподозренным в чрезмерном снисхождении к Екатерине, говоря, что нельзя рассматривать проявление минутной нежности с ее стороны по отношению к царю как ее неверность по отношению к Меншикову. Ее благосклонность в этом случае была результатом благосклонности ее господина или, скорее, результатом его приказа, которому она не могла не подчиниться, будучи человеком зависимым. Но как только царь уехал, она обрушила на Меншикова град упреков за то, что он так с нею поступил. Хочу верить, что она не играла комедию, если же она ее играла, то вполне очевидно, что Меншиков ей поверил, так как его любовь после этого события не только не стала меньше, а, наоборот, усилилась до такой степени, что он ничего не делал не только в своем доме, но и во всей армии без одобрения Екатерины.

Так обстояли дела, когда царь вернулся из Польши в Ливонию. Причем он вернулся быстрее, чем предполагал. Он бы этого не сделал, если бы ему не намекнули, что его присутствие было там совершенно необходимо, потому что жители этой области покидали свои земли целыми группами, чтобы укрыться в соседних странах не столько от чумы, сколько из-за тяжелых поборов Меншикова. Последний, хотя его часто хвалят, был по своей сущности ненасытным скифом в своем стремлении к богатству. В докладах, присланных царю, было слишком много правды. Прибыв в Ливонию, царь холодно обошелся со своим фаворитом. Мотивы этого он ему объяснил в грубых вы-

ражениях⁷⁶. Фаворит оправдывался путем всяких измышлений и нелепых доводов, и все это было признано приемлемым именно потому, что он был фаворитом.

Так как царь намеревался остаться на некоторое время в Ливонии, то не стал жить у Меншикова, а поселился в отдельном доме, который был для него приготовлен. Но это не мешало тому, что он постоянно находился в обществе Меншикова, у которого он обедал несколько раз, во все не думая о Екатерине, которая делала вид, что она не хочет появляться, когда он приходил.

Однажды вечером, когда он там ужинал, он спросил, что с нею случилось, и почему он ее не видит. Ее позвали. Она появилась со своей естественной грациозностью. Это было ей свойственно во всех ее поступках, каковы бы они ни были, но замешательство было так явно написано на ее лице, что Меншиков был смущен, а царь, так сказать, озадачен, что было редким явлением для человека его характера. Это продолжалось лишь одно мгновение, однако это было замечено теми, кто присутствовал при этой сцене. Царь пришел в себя, стал шутить с Екатериной, задал ей несколько вопросов, но, заметив в ее ответах больше почтительности, чем игривости, был задет этим и заговорил с другими присутствующими. Он оставался задумчивым в течение всего остального времени, пока длился ужин.

Русские обычно начинают и кончают свои трапезы стаканом ликера, который им подносят на тарелке перед едою и после нее. Екатерина подошла с блюдом, на котором стояло несколько маленьких стаканов. Царь, посмотрев на нее, сказал: «Екатерина, мне кажется, что мы оба смутились, но я рассчитываю, что мы разберемся этой ночью». И, повернувшись к Меншикову, он ему сказал: «Я ее забираю с собой». Сказано — сделано. И без всяких формальностей он взял ее под руку и увел в свой дворец. На другой день и на третий он видел Меншикова, но не говорил с ним о том, чтобы прислать ему ее обратно. Однако на четвертый день, поговорив со своим фаворитом

о разных делах, которые не имели никакого отношения к любовным делам, когда тот уже уходил, он его вернул и сказал ему, как бы размышляя: «Послушай, я тебе не возвращу Екатерину, она мне нравится и останется у меня. Ты должен мне ее уступить». Меншиков дал свое согласие кивком головы с поклоном и удалился, но царь позвал его во второй раз и сказал: «Ты, конечно, и не подумал о том, что эта несчастная совсем раздета. Немедленно пришли ей что-нибудь из одежды. Она должна быть хорошо экипирована». Фаворит понял, что это значило, и даже больше. Он знал лучше кого бы то ни было характер своего господина и то, каким способом ему угодить.

Когда он вернулся к себе, первой его заботой было собрать все пожитки этой женщины, в которые он вложил ларчик с бриллиантами, так как никогда ни один человек не имел столько драгоценных камней, как Меншиков. В описи, которая была сделана во время его опалы и ссылки в Сибирь, значилось одних лишь бриллиантовых пуговиц для одежды три полных комплекта. Уже по этому можно судить об остальном. Меншиков отослал одежду с двумя служанками, которые обычно прислуживали Екатерине в его доме, и которым он приказал оставаться подле нее до тех пор, пока она сочтет это нужным. Ее не было в комнате, когда этот багаж прибыл, она находилась в комнате у царя, который преднамеренно или случайно ничего не сообщил ей о своем разговоре с Меншиковым. Вернувшись в свою комнату, она была удивлена, увидев там все свои пожитки, которых она не просила. Она возвратилась в комнату царя и сказала в шутовском тоне, который очень ей шел: «Я была довольно долго в Ваших апартаментах, и теперь Ваша очередь совершить прогулку в мои. У меня есть нечто весьма любопытное, чтобы показать Вам». И, взяв его за руку, она его повела туда.

Показав вещи, присланные Меншиковым, она сказала ему более серьезным тоном: «То, что я вижу, говорит о том, что я буду здесь до тех пор, как Вы этого пожелае-

те, а поэтому будет неплохо, если Вы посмотрите на все эти богатства, которые я принесла». Тотчас она распаковала свои свертки и сказала: «Вот вещи служанки Меншикова», но, заметив ларец, который она приняла за футляр для зубочисток, воскликнула: «Здесь произошла ошибка, вот вещь, которая мне не принадлежит, и которой я совсем не знаю». Она его открыла и, увидав там очень красивое кольцо и другие драгоценности стоимостью в 20 тысяч рублей, или 100 тысяч франков, она посмотрела в упор на царя и сказала ему: «Это от моего прежнего хозяина или от нового? Если от прежнего, то он щедро вознаграждает своих слуг». Она немного поплакала и некоторое время молчала. Затем, подняв глаза на царя, который внимательно смотрел на нее, сказала: «Вы мне ничего не говорите? Я жду Вашего ответа».

Царь продолжал смотреть на нее, ничего не говоря. Она еще раз взглянула на бриллианты и продолжала: «Если это от моего прежнего господина, то я, не колеблясь, отошлю их ему обратно». И затем добавила, показав маленькое кольцо, не очень дорогое: «Я сохраню лишь это, которого более чем достаточно, чтобы оставить воспоминание о том добре, что он сделал для меня. Но если это мне дарит мой новый хозяин, я их ему возвращаю, мне не нужны его богатые подарки. Я хочу от него нечто более ценное». И в этот момент, залившись слезами, она упала в обморок, так что пришлось давать ей воду «Королева Венгрии». Когда она пришла в себя, царь сказал ей, что эти драгоценности были не от него, а от Меншикова, который сделал ей прощальный подарок. Он же признателен ему за это и хочет, чтобы она приняла этот подарок. Благодарить за подарок он станет сам.

Эта сцена происходила в присутствии двух слуг, которых прислал Меншиков, и одного капитана Преображенского полка, которого царь, не предвидя, что могло произойти, позвал, чтобы дать ему приказания. Она надела много шуму в обществе, и вскоре только и говорили,

что о знаках внимания и уважения со стороны царя к этой женщине. Все были удивлены его утонченной галантностью обхождения с ней. И это было тем более необычно, что до тех пор все его манеры обхождения с прекрасным полом были крайне бесцеремонны, даже с дамами самого высокого положения. По одному этому уже можно было судить, что он питал к ней настоящую страсть, и в том не было ошибки.

Меншиков первый это заметил и почувствовал, насколько эта женщина, которая позднее была ему очень полезна, будет иметь влияние на царя. Можно предположить, что в прекрасном подарке, который он сделал Екатерине, было больше политики, чем щедрости. Любовь, когда она завладевает серьезно сердцем мужчины, меняет весь его характер.

Никогда еще смертный не был столь мало щепетилен в области скромности и постоянства, как Петр I. Его страсть к Екатерине была первой и, может быть, единственной, и он старался ее скрыть от посторонних глаз. В течение его недолгого пребывания в Ливонии все заметили, что, хотя эта женщина находилась в его дворце, в маленькой смежной комнате (и об этом знали все), он никогда никому не проговаривался о ней, даже своим ближайшим доверенным лицам. Когда Петр I покинул эту область и отправился в Москву, он поручил одному гвардейскому капитану отвезти ее туда самым секретнейшим образом. Он приказал оказывать ей в дороге всяческое внимание и поселить ее у одной женщины, к которой он дал ему письмо. Он приказал капитану непременно в течение всей дороги посылать ему регулярно известия о ней. Это последнее обстоятельство приоткрыло капитану, насколько серьезной и сильной была любовь царя к этой женщине: он достаточно хорошо знал царя и его способность забывать, чуть ли не на другой день, обо всех тех, которым он оказывал внимание.

Екатерина, приехав в Москву, жила там очень скромно, если не сказать замкнуто, в течение двух или трех лет.

Она жила в малонаселенном районе, вдали от света, у одной небогатой женщины из хорошей семьи. Дом был невзрачным снаружи, но очень комфортабельным внутри. Именно от этой женщины я получил большую часть тех сведений, которыми поделюсь с читателями. Поселив Екатерину в этом доме, царь преследовал единственную цель: сохранить свой роман в глубокой тайне. Он не хотел, чтобы она принимала у себя людей и сама наносила визиты. Этот приказ Петра, по-видимому, отвечал желаниям Екатерины. Ее ум был направлен на более высокие цели, чем обычная женская болтовня.

Первое время царь, превратившийся сразу из несдержанного в скрытного, видел ее лишь украдкой, хотя не пропускал ни одного дня или, точнее, ночи, не повидав ее. Он выбирал именно ночное время для своих тайных визитов и действовал с такой осторожностью, что, опасаясь быть узнанным по пути к ней, брал с собою только одного гренадера, который вез его на санях.

О силе его любви можно судить по чрезмерной стеснительности его поведения. Этот государь был очень трудолюбив, и у него было много дел. Необходимость прерывать их не только днем, но и ночью, заставила его снять немного покрывало таинственности со своих ночных отлучек. Он назначал аудиенции своим министрам и обсуждал с ними в присутствии Екатерины самые важные и самые секретные дела. Но вот во что трудно поверить: этот государь, отношение которого к женщинам было хорошо известно (он считал их пригодными лишь для той роли, которую он им отводил до тех пор), не только признал эту женщину способной участвовать в качестве третьего лица в беседах с его министрами, но даже хотел, чтобы она высказывала при этом свое мнение, которое часто оказывалось решающим или компромиссным между мнением царя и мнением тех, с кем он работал.

Это установленный факт. И хотя я лично в этом нисколько не сомневаюсь, я бы никогда не осмелился вклю-

читать его сюда, если бы он не подтверждался свидетельствами многих уважаемых людей, которые принимали участие в совещаниях у Петра I. Они утверждали, что эта женщина, благодаря своей проницательности и природному здравому смыслу, подсказывала им, когда они обсуждали с государем самые сложные и самые важные дела, такие методы и решения, до которых они сами никогда бы не додумались, и которые позволяли им выйти из многих больших затруднений и решить срочные дела. Следовательно, неудивительно, что наслаждение, которое называют алтарем любви, послужило лишь тому, что изо дня в день любовь царя усиливалась, так как в ласках и удовольствиях он находил чудесный источник, благотворный для его дел. Это было так благотворно, что, видя в ней все более и более ангела-хранителя, он ничего не скрывал от нее и ей первой сообщал свои самые великие и тайные намерения.

Именно в этот период, когда она жила в полном уединении, общаясь лишь с царем и его министрами в его присутствии, у нее родились две дочери: цесаревна Анна, ставшая затем герцогинею Гольштейн-Готторпской, и цесаревна Елизавета, теперешняя русская императрица. Именно тогда, слушая рассуждения царя и его министров, она вошла в курс различных интересов виднейших семей России, а также интересов соседних монархов. Здесь она познакомилась с главными принципами государственной власти и правительства, которые в дальнейшем она так успешно осуществляла на практике. Здесь же начал развиваться зародыш тех хороших качеств, которыми ее наградила природа, и которые в дальнейшем проявились во всем своем блеске.

Однако, отдавая справедливость ее большим талантам, в которых нельзя ей отказать, я не пытаюсь оправдать те злоупотребления, которые она, возможно, допустила. Меня можно было бы заподозрить в пристрастности по отношению к ней, если бы я не упомянул, что именно в тот период жизни в уединении она, чувствуя ту власть, ко-

торую имеет над разумом и сердцем своего господина, задумала стать его женой. Чтобы осуществить свое намерение, она сумела воспользоваться тем разладом, который почувствовала в царской семье. Под видом человека, который стремится лишь потушить огонь противоречий между мужем и женой, между отцом и сыном, она в значительной мере способствовала раздуванию этого огня до такой степени, что все это увидели. Всем было известно недостойное обращение царя с первой женой Евдокией, с которой он развелся, заставив ее постричься в монахини, и заточил в ужасную тюрьму, а также его отношение к ее сыну Алексею Петровичу, которого он предал суду, и который умер в тюрьме.

Я не буду вдаваться в детали этих двух трагических историй, которые наделали столько шума в обществе, но я должен сказать, что роль Екатерины в этих интригах, которые привели к гибели матери и сына, была немалой. Она ловко сумела стать главной пружиной этих интриг, делая вид, что в этом не участвует. И она извлекла из всего такую выгоду, на которую могла только надеяться. Публично заняв в кровати Петра место несчастной государыни, она заменила сына этой последней при таких обстоятельствах, которым не хочется давать определение, так как боюсь оскорбить лиц⁷⁷, которых все должны уважать, и которым сегодня способствует фортуна, умножая их заслуги и добродетели, после того как фортуна заставила их, так сказать, искупить путем невзгод ошибки их родителей.

Я посчитал бы себя виновным в умолчании, если бы, рассказывая о времени, когда родились цесаревны Анна и Елизавета, не упомянул о событии, косвенно касающемся их рождения. В частности, о судьбе брабанта, за которого их мать вышла замуж в Ливонии. Как мы уже видели, этот человек был в свите шведского короля Карла XII. Он участвовал в Полтавской битве и имел несчастье попасть там в плен, как и 14 тысяч его соотечественников, вместе с которыми он был привезен в Москву, чтобы служить

там украшением при триумфальном вступлении 1 января 1710 года⁷⁸ Петра I — победителя шведов — в главный город своей империи. Эта церемония, столь же блестящая, сколь и таинственная, была широко описана в мемуарах барона Ивана Нестезураной. Я отсылаю к ней тех, кому будет любопытно узнать подробности, потому что я совсем не ставлю себе главной целью излагать то, что всем известно. Хочу лишь сказать об этом мимоходом, добавив только то, что окажется неизвестным.

Теперь мне хочется проследить судьбу брабанта, который после падения Ливонии последовал за шведским королем в походе на Россию и в конечном счете попал под Полтаву, где, как я уже сказал, этот брабант был взят в плен и затем отправлен в Москву. Посмотрим, что с ним стало. Этот несчастный воин узнал там, по-видимому, что происходило между его женой Екатериной и царем. Но он, не ведая разницы между рогоносцем — простым смертным⁷⁹ и венценосным рогоносцем, решил, что его положение может принести ему какое-то облегчение в его трудностях. И он попросту сообщил обо всем русскому военному комиссару, ведавшему делами пленных. Точно не известно, доложил ли комиссар царю об этом обстоятельстве. Одни это подтверждают, другие отрицают. Как бы то ни было, откровенность бедного брабанта несколько не облегчила его участи, как он того ожидал.

Безжалостный комиссар, то ли по своей воле, то ли по высшему приказу, немедленно отправил его, как и других пленников, в Сибирь. Если и было какое-либо различие в обращении с ним, так оно состояло лишь в том, что он был послан в самое отдаленное место Сибири. Как говорят некоторые из его соотечественников, которые там его видели, он прожил несколько лет и умер за три года до заключения мира между Ливонией и Россией, в конце 1721 года⁸⁰. Согласно этому расчету невозможно не прийти к выводу, что упрек сторонников царевича Петра II в адрес герцога Гольштейнского был в их споре вполне

обоснован: все дети Петра I от Екатерины родились еще при жизни этого брабанта, о котором более в этих мемуарах не будет упоминаться.

Вскоре после своего триумфального вступления в Москву жадный до трофеев Петр стал замышлять большой поход против турок, которые, казалось, хотели действовать вместе с Карлом XII. Петр I считал их, несмотря на их большую численность, не очень опасными врагами в сравнении с теми, которых он только что победил под Полтавой.

Именно тогда, окрыленный славою, он захотел увенчать свою любовь тайным браком с Екатериной. Вероятно, ей было нужно переменить религию. Ведь она родилась в семье римско-католической веры, но не знала этого, а воспитывалась в лютеранской вере, которую исповедовал архипастырь, в доме которого она оказалась с малых лет. Считая себя достаточно образованной, чтобы отдать предпочтение греко-русской (православной) церкви перед всеми другими, она отреклась от двух прежних, от первой — бессознательно, по неведению, а от второй — по доброй воле. После этого ее снова крестили, как будто бы она никогда не была крещена, потому что православная церковь считает недействительными все крещения, совершенные в других христианских религиях⁸¹.

Когда эта церемония была закончена, тот же поп приступил сразу, без всякого шума, к церемонии благословения ее брака с Петром I. Я слышал, как некоторые люди, любители двусмысленных намеков и каламбуров, говорили по поводу различных религий, которые исповедовала Екатерина, что эта государыня поимела много религий. Что касается меня, то я никогда не питал вкуса к подобным каламбурам. Я сказал бы скорее, что частое изменение веры является почти верным признаком того, что у данного лица нет вообще никакой веры.

Утверждают, что цесаревна Марта (иные называют ее Марией; у нее было два имени), любимая сестра царя,

немало способствовала этой женитьбе. И в этом нет ничего невероятного. Она не только страстно любила своего брата, но и знала все достоинства иностранки, к которой он питал такую привязанность. Она никогда не симпатизировала Евдокии, несчастной первой жене царя. Она боялась ее возвращения ко двору и старалась найти этому непреодолимое препятствие и отомстить за все неприятности, которые причинила ей та высокомерная женщина. Известно, каким сильным может быть желание одной женщины отомстить другой. Одно лишь это соображение оказалось более чем достаточным, чтобы она охотно одобрила женитьбу своего брата на Екатерине.

Я вынужден в дальнейшем, вследствие ее нового положения, называть Екатерину не иначе, как высокими титулами: государыня, царица, императрица, тем более что тайна ее брака, как только он был осуществлен, существовала лишь в воображении ее мужа. Через три-четыре месяца даже он не придавал этому браку былой таинственности.

Я уже говорил выше, что этот государь строил большие планы по организации кампании против турок. Способ, который он избрал для осуществления этих планов, показывает, что большие успехи часто вредят победителям. Гордый своею победой, которую он только что одержал над Карлом XII, во главе своих отборных войск он выступил против турок, проявляя более самоуверенности, чем осторожности. Желая опередить турок, он устремился вперед, по теснине, опасность которой понял лишь тогда, когда ему было уже невозможно оттуда выбраться.

В тот момент, когда он меньше всего об этом думал, он оказался окруженным турецкой армией со всех сторон на маленьком пространстве. Турецкая армия состояла из 150 тысяч человек, у него же было лишь 30 тысяч человек, безмерно уставших от длинных переходов, которые он заставил их совершить по безводным и пустынным местам, где они испытывали во всем недостаток. В течение трех

дней у его солдат не было ни хлеба, ни других продуктов. Усталость солдат была такова, что, лежа на своих ружьях, они не могли пошевелиться. Сам царь, видя, что оказался без всяких источников снабжения, и не надеясь получить их откуда-либо, в отчаянье удалился в свою палатку, где, подавленный горем и упавший духом, растянулся на кровати и предавался своему унынию, не желая никого видеть и ни с кем разговаривать.

В то время Екатерина, которая его сопровождала в этом походе, нарушив его запрет никого не впускать к нему в палатку, пришла туда и внушила ему, что необходимо проявить больше твердости. Она доказала ему, что еще есть выход и нужно постараться что-то сделать, а не предаваться отчаянию.

Этот выход состоял в том, чтобы попытаться заключить наименее выгодный мир путем подкупа Каймакама и Великого везира. Она с большой долей уверенности отвечала за успех этой операции, так как у нее имелись сведения о характере этих двух оттоманских министров благодаря описаниям графа Толстого, сделанным в его многочисленных депешах, которые она слышала, когда их читали. В то же время она указала ему на человека, находящегося при армии, которого она достаточно знала, чтобы быть уверенной, что он справится с этим делом. Она сказала, что нужно, не теряя ни минуты, направить его к Каймакаму, чтобы прощупать его. После чего она вышла из палатки, не дав царю времени ни вздохнуть, ни ответить, и вернулась туда через мгновение с человеком, о котором шла речь. Она сама дала ему инструкции в присутствии царя, который, благодаря предложению о мирном урегулировании, сделанному этой женщиной, уже начал приходить в себя и, одоблив все, что она сказала, срочно отправил этого человека.

Когда тот вышел из палатки, царь, оставшись с глазу на глаз со своей женой, посмотрел на нее пристально и сказал с восхищением: «Екатерина, этот выход чудесен,

но где найдем мы все то золото, которое нужно бросить к ногам этих двух людей? Ведь они не удовлетворятся только обещаниями». «У меня есть драгоценности, — ответила она, — и до возвращения нашего посланника я соберу в нашем лагере все деньги, вплоть до последнего гроша. А Вас я прошу не предаваться унынию и поднять Вашим присутствием дух бедных солдат. Пойдемте, покажитесь им. Впрочем, позвольте мне действовать, и я Вам ручаюсь, что до возвращения Вашего посланца я буду в состоянии выполнить обещания, которые он даст министрам, будь они даже еще более жадными, чем есть на самом деле!»

Царь ее обнял и последовал ее совету, вышел из палатки, показался солдатам и направился в штаб фельд-маршала Шереметева. За это время она верхом на лошади объехала все палатки офицеров, говоря им: «Друзья мои, мы находимся здесь в таких обстоятельствах, что можем либо спасти свою свободу, либо пожертвовать жизнью, либо сделать нашему врагу мост из золота. Если мы примем первое решение, то есть погибнем, защищаясь, то все наше золото и наши драгоценности будут нам не нужны. Давайте же используем их для того, чтобы ослепить наших врагов и заставить их выпустить нас. Мы уже собрали кое-какие средства: я отдала часть своих драгоценностей и денег и готова отдать все остальное, как только вернется наш посланный, если, как я надеюсь, он преуспеет в своей миссии. Но этого не хватит, чтобы удовлетворить жадность людей, с которыми мы имеем дело. Нужно, чтобы каждый из вас внес свою лепту». И так она говорила каждому офицеру в отдельности: «Что ты можешь мне дать, дай мне это теперь же. Если мы выйдем отсюда, ты будешь иметь в 100 раз больше, и я похлопочу о тебе перед царем, вашим отцом».

Все были очарованы ее обходительностью, твердостью и здравомыслием, и каждый, вплоть до самого простого солдата, принес ей все, что мог. И в тот же момент в лагере воцарилось спокойствие, все воспрянули духом.

Их уверенность возросла еще больше, когда вернулся человек, которого она тайно посылала к Каймакаму. Он принес ответ, что можно посылать к Великому везиру русского комиссара, имеющего полномочия вести мирные переговоры. Дело было вскоре завершено, несмотря на угрозы и интриги шведского короля, который, узнав о положении русских войск, самолично приехал в турецкий лагерь. Он говорил везиру во всеуслышание: «Противника нужно лишь бить камнями. Я требую от тебя только этого. Чтобы тебе выдали царя со всем войском, вплоть до последнего солдата, живыми или мертвыми».

С этого дня в русский лагерь стало поступать достаточное количество продовольствия. На следующий день хорошо снабженная армия отправилась в путь к русской границе, куда она прибыла в достаточно хорошем состоянии, чтобы окончательно выбить шведов с Балтийского моря. Тот, кто захочет быть более осведомленным об условиях договора, заключенного между царем и Портой, могут обратиться к барону Нестезураной, который излагает все происшедшее при Пруте скорее как газетчик, которому за это заплатили, чем как объективный историк.

Можно представить, какое впечатление произвело поведение Екатерины на умы и сердца солдат! Вся русская империя воздавала должное ее достоинствам и заслугам. Царь, бывший все более и более очарованным ее качествами, не мог их замалчивать и всенародно воздавал ей должное. Когда он вернулся в свои владения, то вознаграждал ее, объявив о своей женитьбе на ней, несмотря на ее усилия, искренние или притворные, удержать его от этого намерения. И, чтобы оставить будущим поколениям память о той славе, которую она завоевала на берегах Прута, он учредил в ее честь орден святой Екатерины, сделав ее покровительницей этого ордена.

Начиная с этого времени он хотел, чтобы она сопровождала его повсюду, как во время военных походов, так и во время различных путешествий за пределы его владе-

ний. Вернувшись из поездки в Германию, где они вместе посетили несколько дворов, царь начал войну с Персией, и Екатерина следовала за ним повсюду. Она оказала ему столько значительных услуг, что, не зная, как ее отблагодарить за это, он не нашел иного способа, кроме как разделить с ней свою империю и свою власть, заставив весь мир признать ее императрицей всея Руси.

Он заставил всех своих подданных присягнуть ей в верности как своей государыне и неограниченной властительнице, которая будет править ими в случае его смерти. И в этой присяге было сказано, что она, равно как Петр Великий, ее муж, имеет право назначать наследника, какого ей заблагорассудится. В мемуарах так называемого барона Нестезураной можно найти довольно точное описание этой великолепной церемонии. Она была совершена 26 мая 1724 года в Москве, столице Российской империи. После чего император и новая императрица отправились в Петербург, где по существу возобновилась церемония коронования. Это выражалось в празднествах по поводу их приезда. Все провозглашали славу Екатерине. Ее мужу воздавали хвалу за то, что он поднял ее на вершину человеческого величия и могущества.

Именно в это время, через три месяца после коронования, один непредвиденный случай открыл и установил происхождение этой государыни. Вот как это произошло. Некий крестьянин, конюх на одном из постоянных дворов в Курляндии, будучи пьяным, поссорился с другими подобными ему людьми, такими же пьяными. На этом постоялом дворе находился в то время чрезвычайный польский посланник, который ехал из Москвы в Дрезден и оказался свидетелем этой ссоры. Он слышал, как один из этих пьяниц, переругиваясь с другими, бормотал сквозь зубы, что, если бы он захотел сказать лишь одно слово, у него были бы достаточно могущественные родственники, чтобы заставить их раскаяться в своей дерзости. Посланник, удивленный речами этого пьяницы, справился о

его имени и о том, кем он мог быть. Ему ответили, что это польский крестьянин, конюх, и что зовут его Карл Скавронский. Он посмотрел внимательно на этого мужлана, и по мере того, как его рассматривал, находил в его грубых чертах сходство с чертами императрицы Екатерины, хотя ее черты были такими изящными, что ни один художник не мог бы их схватить.

Пораженный таким сходством, а также речами этого крестьянина, он написал о нем письмо не то в шутливой, не то насмешливой форме тут же, на месте, и отправил это письмо одному из своих друзей при русском дворе. Не знаю, каким путем, но это письмо попало в руки царя. Он нашел необходимые сведения о царице на своих записных дощечках, послал их губернатору Риги князю Репнину и приказал ему, не говоря, с какою целью, разыскать человека по имени Карл Скавронский, придумать какой-нибудь предлог, чтобы заставить его приехать в Ригу, схватить его, не причиняя, однако, ему никакого зла, и послать его с надежной охраной в полицейское отделение при суде в качестве ответчика по судебному делу, начатому против него в Риге. Князь Репнин в точности исполнил приказание царя. К нему привели Карла Скавронского. Он сделал вид, что составляет против него судебный акт по обвинению его в том, что он затеял спор, и послал его в суд под хорошей охраной, якобы имея обвиняющие его сведения.

Прибыв в суд, этот человек предстал перед полицейским генерал-лейтенантом, который, согласно указанию царя, затягивал его дело, откладывая со дня на день, чтобы иметь время получше рассмотреть этого человека и дать точный отчет о тех наблюдениях, которые сделает. Этот несчастный приходил в отчаяние, не видя конца своему делу. Он не подозревал о том, что около него находились специально подготовленные люди, которые старались заставить его побольше рассказать о себе, чтобы потом на основании этих сведений провести тайное расследование в Курляндии.

Благодаря этому было установлено совершенно точно, что этот человек являлся братом императрицы Екатерины. Когда царь в этом совершенно убедился, то Карлу Скавронскому внушили, что, поскольку он не смог добиться справедливости от генерал-лейтенанта, то должен подать ходатайство самому царю. Ему обещали для этой цели заручиться протекцией таких людей, которые не только найдут для него способ поговорить с царем, но подтвердят также справедливость его дела.

Те, кто осуществлял эту маленькую интригу, спросили у царя, когда и где хочет он увидеть этого человека. Он ответил, что в такой-то день он будет обедать инкогнито у одного из своих дворецких по имени Шепелев, и приказал, чтобы Карл Скавронский оказался там к концу обеда. Это было исполнено. Когда наступило время, этот человек украдкой был введен в комнату, где находился царь. Царь принял его просьбу, и у него было достаточно времени, чтобы рассмотреть просителя, пока ему как будто бы объясняли суть дела. Государь воспользовался этим случаем, чтобы задать Скавронскому ряд вопросов. Его ответы, хотя и несколько запутанные, показали царю довольно ясно, что этот человек был, несомненно, братом Екатерины. Когда его любопытство на этот счет было полностью удовлетворено, царь внезапно покинул этого крестьянина, сказав ему, что посмотрит, что можно для него сделать, и чтобы он явился на другой день в тот же час.

Царь, убедившись в этом факте, захотел устроить сцену в своем экстравагантном вкусе. Ужиная вечером с Екатериной, он сказал ей: «Я обедал сегодня у Шепелева⁸², нашего дворецкого. Там был очень вкусный обед. Этот кум хорошо угощает. Я поведу тебя туда как-нибудь. Сходим туда завтра?». Екатерина ответила, что она согласна. «Но, — сказал царь, — нужно сделать так, как я это сделал сегодня: застать его в тот момент, когда он будет садиться за стол. Мы должны пойти туда одни». Так было решено вечером и исполнено на другой день. Они отправи-

лись к Шепелеву и там обедали. После обеда, как и в предыдущий раз, в комнату, где находились царь и Екатерина, впустили Карла Скавронского. Он подошел, дрожа и заикаясь, к царю, который сделал вид, будто забыл все то, что тот ему уже говорил, и задал ему прежние вопросы.

Эта беседа происходила у амбразуры окна, где царица, сидя в кресле, слышала все, что говорилось. Царь, по мере того как бедный Скавронский отвечал, старался привлечь внимание государыни, говоря ей с видом притворной доброты: «Екатерина, послушай-ка это! Ну как, тебе это ни о чем не говорит?». Она ответила, изменившись в лице и заикаясь: «Но...». Царь перебил ее: «Но если ты этого не понимаешь, то я хорошо понял, что этот человек — твой брат». «Ну, — сказал он Карлу, — целуй сейчас же подол ее платья и руку как императрице, а затем обними ее как сестру».

При этих словах Екатерина, глубоко пораженная, вся блеее полотно, упала в обморок. Принесли соль и одеколон, чтобы привести ее в чувство; и царь был предупредителен более всех, стараясь принести ей облегчение. Он сделал все, что мог, чтобы успокоить ее. Когда он увидел, что она постепенно приходит в себя, то сказал ей: «Что может быть плохого в этом событии? Итак, это — мой шурин. Если он порядочный человек, и если у него есть какой-нибудь талант, мы сделаем из него что-нибудь значительное. Успокойся, я не вижу во всем этом ничего такого, от чего нужно было бы огорчаться. Теперь мы осведомлены по вопросу, который стоил нам многих поисков». Царица, вставая, попросила разрешения обнять брата и, обращаясь к царю, добавила, что надеется и на дальнейшую его милость по отношению к ней и брату.

Скавронскому⁸³ приказали оставаться в том же доме, где он жил. Его заверили, что у него не будет ни в чем недостатка, и кроме того попросили не слишком показываться на людях и поступать во всем так, как ему скажет хозяин, у которого он находился. Утверждают, что все

прежнее царское величие Екатерины было уязвлено и оскорблено этим опознаванием, и что, конечно, она избрала бы себе другое происхождение, если бы только была на то ее воля.

Вот так, благодаря неожиданному приключению, о котором я рассказал, была раскрыта тайна рождения Екатерины в момент, когда все были менее всего готовы к этому. Так судьба беспрестанно играет бессильными противостоят ей смертными, то возвышая, то унижая их по своей прихоти. Кажется, что она укоряет в своих благодеяниях тех, кого она возвышает более всего, и что ей доставляет удовольствие нарушать их благополучие, внушая им мысль об их ничтожестве, несмотря на все их богатство. Таким образом она утешает людей, которым она уготовила посредственные условия жизни, показывая им, что если почести и высокие звания освобождают тех, кому она их посылает, от некоторых жизненных испытаний, то она не избавляет их ни от многих унижений, ни от слабостей, свойственных человеческой природе. Пример тому — жизнь Екатерины. Как только она оказалась на троне, ее сердце, не имея уже никаких других честолюбивых желаний, подчинилось любви. И вопреки священным законам брака, да еще с таким грозным государем, увлеченным ею до того, что он женился на ней, она ему изменила.

Эта интрига протекала так неосторожно⁸⁴, что в какой-то момент царица могла бы быть низвергнута с вершины величия в пропасть самого трагического бесчестия. Она отделалась лишь страхом и этим обязана в первую очередь графу Толстому и графу Остерману, министрам двора⁸⁵, которые успокоили первое движение, как я бы сказал, государева гнева⁸⁶, удержав его от мести, которую он замышлял против своей неверной жены, с которой он хотел поступить так, как поступил английский король Генрих VIII с Анной Болейн. Но, к счастью для Екатерины, два министра, во-первых, отразили этот удар, и, во-вторых, некоторое время спустя после этого ее счастли-

вая звезда освободила ее полностью от последствий, быть может, тайных, но все же ужасных, которые по всеобщему мнению должны были рано или поздно иметь место, если бы тем временем естественная смерть не унесла ее мстительного мужа. Такое мнение высказывали все те, кто прекрасно знал характер Петра I, и кто постоянно был приближен к его персоне. Однако он не отправился в другой мир, не осуществив, хотя бы частично, своей мести. Весь свой гнев он выместил на любовнике, которому публично отрубили голову, осудив за вымышленные преступления, а не за те настоящие, за которые он был казнен⁸⁷.

Что касается любовницы, то царь получил удовлетворение от того, что через 10 или 12 дней после казни, о которой только что говорилось, ей показали тело ее любовника и его голову, посаженную на кол посреди площади. Он заставил ее пересечь эту площадь по диагонали, чтобы перед ней предстало все это ужасное зрелище с эшафотом. Царь совсем не подготовил ее к такому зрелищу. Он ей предложил, выезжая из дворца на открытых санях, направиться в отдаленный квартал, куда они часто ездили вместе. Все время, пока они пересекали площадь, он пристально и злобно следил за ней. Но у нее хватило твердости сдержать слезы и не проявить никакого волнения. Я знаю, что это приключение дало повод как в России, так и в дальних странах, подозревать Екатерину в том, что она, как ловкая женщина, предупредила намерения своего мужа, отравив его. Никогда не было более ошибочного предположения, хотя оно и казалось правдоподобным. Этот государь умер от задержания мочи, вызванного воспалением язвы, которая с давних пор была у него на шейке мочевого пузыря. Он постоянно лечился от этой болезни, но все средства были безуспешными.

Короче говоря, после его естественной смерти его жена Екатерина наследовала ему, несмотря на все то, что произошло между ними. Главным документом, в силу которого она завладела троном, было завещание, оставлен-

ное ее мужем еще до их ссоры в архиве Сената. Однако в момент его смерти в Сенате не нашли завещания, потому что незадолго до смерти он забрал его и разорвал в приступе ярости. Когда же встал вопрос о провозглашении Екатерины царицей, удовлетворились лишь неопределенным упоминанием об этом акте, не дав себе труда поискать его, чтобы сделать подлинные копии. Это дело встретило бы, несомненно, со стороны народа больше сопротивления, чем это было на самом деле, если бы Меншиков, который в качестве фельдмаршала империи командовал всеми войсками, не дал бы соответствующих распоряжений и не уладил бы все таким образом, что призвал к уважению и заставил молчать всех тех, кто хотел отстаивать права Великого князя Московского, естественного и законного наследника трона (внука Петра I по прямой мужской линии). Но ни расположение народа в его пользу, ни законность его прав не помешали тому, что корона была возложена на голову Екатерины. Ее первой заботой было стремление не пренебрегать никакими внешними проявлениями чувств, чтобы показать ту боль, какую ей должна была причинить смерть ее мужа.

В течение 40 дней, пока его тело, согласно обычаю страны, было выставлено для обозрения публики, на парадном ложе, она приходила регулярно утром и вечером, чтобы провести полчаса около него. Она его обнимала, целовала руки, вздыхала, причитала и проливала всякий раз поток искренних или притворных слез. В этом выражении нет никакого преувеличения. Она проливала слезы в таком количестве, что все были этим удивлены и не могли понять, как в голове одной женщины мог поместиться такой резервуар воды. Она была одной из самых усердных плакальщиц, каких только можно видеть, и многие люди ходили специально в императорский дворец в те часы, когда она была там у тела своего мужа, чтобы посмотреть, как она плачет и причитает. Я знал двух англичан, которые не пропустили ни одного из 40 дней. И я сам, хотя и

знал, чего стоят эти слезы, всегда бывал так взволнован, как будто бы находился на представлении с Андромашой.

Она не только устроила ему пышные похороны, каких никогда не видели прежде, но и пожелала сопровождать кортеж пешком, несмотря на ужасный холод.

Она прошла пол-лье всего того пути от императорского дворца до церкви, где государь был похоронен. После того как она постоянно присутствовала на всех службах, которые длились очень долго, она почувствовала себя очень плохо. Одни говорят, что это в результате большого горя, другие считают, что от большой усталости.

Пусть те, кто прочтет эти мемуары, думают, что хотят. Я скажу только, что если ее царствование и не было долгим, то оно было чрезвычайно спокойным; что она управляла своим народом с большей мягкостью, чем ее муж, следуя, однако, правилам и максимам этого государя; что она имела такое мужество и силу, какие мало присущи лицам ее пола; что ей нравился звон оружия и походы армий, в которых она всегда сопровождала своего мужа. Немногие умели прищипорить лошадь с такой грациозностью, как она. Имея необыкновенную склонность к навигации и флоту, она устраивала почти каждое воскресенье и по праздникам летом представление с морским боем. Она часто посещала арсеналы и верфи своего адмиралтейства. В 1726 г. она намеревалась (если бы ей не помешал ее советник) отправиться во главе своего флота сражаться с английским и датским флотами, которые нахально подошли к ревельскому рейду под предлогом умиротворения северных дел. В правление Екатерины Российская империя нисколько не потеряла в своем величии. Именно ей обязан русский двор обычаями, приобщающими к цивилизации, и великолепием, которое там теперь можно увидеть. Не умея ни читать, ни писать ни на одном языке, она говорила свободно на четырех, а именно на русском, немецком, шведском, польском, и к этому можно добавить еще, что она понимала немного по-французски.

Ей не чуждо было чувство любви, и, казалось, она была создана для нее. Из-за своей красоты она пострадала от грубости морского офицера Вильбуа, анекдот о котором я уже рассказывал отдельно. Это был пьяный бретонец, забывший, кем она была. Он нанес большой ущерб ее чести через несколько месяцев после объявления о ее браке с царем. Последний, решив, что офицер в этот момент был так же неподвластен самому себе, как и оскорбленная им, выразил больше сострадания, чем гнева. У нее не было такого недостатка, чтобы похвалиться своим постоянством и обходиться плохо с теми, к кому она проявила свою нежность. Она делала своих любовников своими друзьями, и доказательством этого является Меншиков, граф Лёвенвольд и Сапега. Она любила одного, а потом другого из этих двух последних в короткий двухлетний период ее царствования. Она умела владеть своим сердцем и чувствами или, лучше сказать, своими поступками⁸⁸. Что касается суеверий, то она нисколько не уступала в этом своему мужу и верила в сны⁸⁹. Она была убеждена, что они нам посылаются, чтобы объявить о счастливых или ужасных событиях. Она рассказывала свои сны фрейлинам и требовала у них объяснений. Если они давали непонятные объяснения, то она говорила об этом за столом, чтобы все могли высказать свое мнение по этому вопросу.

Она умерла спокойно в своей кровати 5 мая 1727 года от слабости, которая длилась два месяца, и причин которой не знали и не искали. Говорили о ней, как и о ее муже, что она была отравлена. Подозрение, справедливо ли оно было или ложно, пало на князя Меншикова, потому что он тайно поддерживал сторону Великого князя Московского, которого решил сделать своим зятем. После смерти Екатерины он захватил бразды правления от имени этого цесаревича. Этот человек, великий и редкий в своем роде, вел себя как настоящий скиф и заставил всех очень сожалеть о царствовании Екатерины.

Конец рассказа о жизни Екатерины, русской императрицы, второй жены царя Петра I, или Великого.

Не следует рассчитывать на то, что читатель найдет здесь полный рассказ о всей деятельности князя Меншикова: это лишь очень краткое изложение главных событий его жизни, которые более подробно описаны в истории царствования Петра I. Те события, которые изложены здесь кратко, но более правдоподобно, чем они изложены в истории, о которой только что упоминалось, были туда включены лишь случайно, чтобы связать факты из рассказов о жизни этого князя во время его опалы.

V. Короткие рассказы о жизни князя Меншикова и его детей до 1734 года

В 1712 или 1713 г. в Амстердаме была издана брошюра, озаглавленная «Князь Cовschimen», что означает переведенное по слогам «Меншиков». Эта книжка является скорее романом, чем описанием жизни князя Меншикова, хотя в ней и встречаются кое-где некоторые подлинные факты из его жизни, но настолько искаженные, что трудно узнать в этом правду.

Князь Александр Данилович Меншиков родился в Москве⁹⁰. Его отец был крестьянин, который зарабатывал на жизнь тем, что продавал пироги на Кремлевской площади⁹¹, где он поставил ларек. Когда его сыну Александру исполнилось 13 или 14 лет, он стал посылать его по улицам с лотком и пирожками, чтобы продавать их. Большую часть времени тот проводил во дворцовом дворе, потому что там ему удавалось продавать больше своего товара, чем на других площадях и перекрестках города. Он был, как говорят, довольно красивым молодым человеком веселого нрава или, лучше сказать, был проказником и поэтому веселил стрельцов из охраны Петра I, который был еще только ребенком того же возраста, что и Меншиков⁹². Его шутки часто веселили молодого государя. Он видел его из окон своей комнаты, которые выходили на царский

двор, где молодой продавец пирожков постоянно шутил с солдатами охраны.

Однажды, когда он закричал от того, что один стрелец его слишком сильно потянул за ухо, царь велел сказать солдату, чтобы тот прекратил это, и приказал привести к себе торговца пирожками. Он появился перед царем без всякого смущения и, когда тот задал ему несколько вопросов, отвечал остроумными шутками, которые так понравились царю, что тот взял его к себе на службу в качестве пажа. Царь приказал сейчас же выдать ему одежду. Меншиков, переодетый в чистое платье, показался царю достаточно приятным, чтобы сделать его камердинером и своим фаворитом в итальянском вкусе⁹³.

Этот фаворит становится столь неразлучным со своим господином, что сопровождает его повсюду, даже в государственную Боярскую думу, где он иногда осмеливался высказать свое суждение в комической форме, которая всегда нравилась царю. Часто его министры, зная, какое влияние имеет паж на их государя, пользовались этим, чтобы внушить этому от природы недоверчивому и упрямому человеку все, что они хотели, но так, чтобы он считал, что решения, принимаемые в думе, принадлежат ему самому.

Хотя Меншиков был неграмотен⁹⁴, от природы он был наделен большим умом, вкусом к великим делам и особенно способностью к управлению, которое не всем дается. По мере того, как он слышал разговоры и рассуждения о самых различных делах, прекрасно зная нрав и характер своего государя, которыми можно было легко пользоваться, Меншиков сумел, пройдя через тот период, когда он привлекал царя такими чертами, которые способствовали его первому успеху и милостям, достичь самых высоких почестей и титулов Российской империи. Он стал князем, первым сенатором, фельдмаршалом и кавалером ордена святого Андрея. Он показал, что умел по примеру своего господина замышлять и выполнять самые грандиозные планы.

Высокое мнение царя о способностях Меншикова, соединенное с тем доверием, которое он ему оказывал, привели к тому, что государь назначил его регентом империи на тот случай, когда он сам уезжал по делам или путешествовать в различные страны.

Меншиков воспользовался этим назначением, чтобы собрать огромные богатства как в пределах своей страны, так и за рубежом. Он владел таким огромным количеством земель и поместий в Российской империи, что там обычно говорили, что он мог ехать от Риги в Ливонии до Дербента в Персии и всякий раз останавливаться на ночлег в каком-нибудь из своих владений. В них насчитывалось более 150 тысяч семей крестьян, или крепостных. Эти слова — синонимы в русском языке. Всякий крестьянин является там крепостным.

Меншиков приобрел богатства и почести не только в России. Благодаря влиянию, которое, как известно, он имел на своего господина, он получал подарки и почести от всех государей Германии и Севера, которые имели отношения или вели переговоры с русским двором. Император Карл VI сделал его князем Священной Римской империи и подарил ему герцогство в Силезии. Короли датский, прусский и польский сделали его кавалером их орденов⁹⁵, прибавив к этому значительные пенсии, которые они ему платили деньгами, не считая огромных подарков, полученных им от тех и других в виде золотых и серебряных сервизов, драгоценных камней в различных важных случаях, когда эти короли нуждались в его посредничестве для переговоров с царем.

Когда царь вернулся однажды из-за границы и захотел узнать, что же происходило в его государстве за время его отсутствия, то нашлось немало людей, которые постарались открыть глаза его величеству на то, до какой степени могущества он поднял Меншикова, и как последний этим злоупотреблял. Всем было известно, что доказательства этому можно было найти повсюду, и сам Меншиков, по-

нимая это, жил в постоянном страхе, свойственном всякому человеку, который знает, что по его делу ведется следствие, и что его ждет скорая гибель. Действительно, царь намеревался на примере своего фаворита дать блестящий пример справедливости и строгости. Но неожиданно неслыханный дебош, к счастью для Меншикова, свел монарха в могилу, не дав последнему времени ни в малейшей степени урегулировать вопрос о своем преемнике.

Меншиков, еще не будучи лишенным всех званий и почестей, воспрянул духом после смерти царя. Он имел звание фельдмаршала и возглавлял войска. Дом, где собирались сенаторы для обсуждения вопроса о том, кому отдать корону⁹⁶, был окружен солдатами. Войдя затем в эту ассамблею, где ранг первого министра давал ему значительные преимущества, он способствовал тому (скорее силой, чем разумными и справедливыми доводами), чтобы посадить на трон Екатерину, вторую жену царя (Евдокия Федоровна Лопухина, первая жена Петра I, была еще жива и находилась в монастыре), ту самую Екатерину, которая, прежде чем выйти замуж за царя, была наложницей Меншикова. Вначале она правила согласно советам Меншикова, не столько из благодарности, сколько в силу необходимости. Меншиков сразу заметил это, но сумел скрыть. Однако, опасаясь попасть в затруднительное положение, в котором он находился в конце царствования Петра I, он сразу же начал тайные переговоры с венским двором при посредничестве венского посла в России⁹⁷, чтобы после смерти царицы Екатерины возложить корону на голову Великого князя Московского, племянника римского императора, при условии, что тот женится на старшей дочери князя Меншикова.

Царица Екатерина вскоре умерла. Если верить гласу народному и некоторым свидетельствам, ее отравил⁹⁸ князь Меншиков, который раньше всех, предвидя эту смерть, позаботился о средствах, которые возвели бы на трон Великого князя Московского. Его происки имели та-

кой успех, на какой он только мог надеяться. Едва Екатерина закрыла глаза, как внук Петра I, о котором до этого и не вспоминали, был провозглашен императором под именем Петра II. Первое, что сделал Меншиков, как ловкий политик, было то, что он напомнил молодому царю о тех услугах, которые он ему оказал, и внушил недоверие ко всем, дав понять, что его величество может быть в безопасности в том случае, если предоставит ему полную власть в качестве главного управителя империи и генералиссимуса своих армий, о чем уже был составлен документ, который и был тотчас оформлен.

Вторая задача Меншикова состояла в том, чтобы немедленно приступить к бракосочетанию своей дочери с царем. Эта церемония была проведена без всякого открытого сопротивления со стороны сенаторов и других видных придворных чинов, которые были на нее приглашены. Они присутствовали там, не осмеливаясь показать ни малейшего внешнего признака своего внутреннего недовольства. Чтобы беспрепятственно достичь этой цели, он устранил от управления делами и двором многих русских вельмож, которые не очень старались скрыть все отвращение, какое у них вызывало это бракосочетание. Меншиков знал, что они в состоянии воспротивиться этому плану, когда речь пойдет о его реализации. Некоторых он заслал в Сибирь за предполагаемые преступления.

Но он ничего не предпринял против князей Долгоруких и графа Остермана, то ли потому, что плохо знал их намерения, то ли потому, что не считал их опасными противниками. Они, из страха или чтобы выиграть время, делали вид, что одобряют его замыслы. Можно предположить, что он их не боялся, так как разговаривал с ними только как господин, который не знает других законов, кроме своей воли. Он имел такой повелительный вид в обращении с царем, что тот, будучи еще очень молод, дрожал в его присутствии. Меншиков мешал ему в его невинных развлечениях и не позволял общаться с людьми, к ко-

торым тот питал наибольшее расположение, когда был Великим князем Московским.

Одним словом, Меншиков правил Российской империей как настоящий скиф, то есть с истинным деспотизмом, и таким тираническим, какого никогда не было ни у одного правителя в этих странах. Он полагал, что благодаря принятым им мерам и предосторожностям для укрепления своей власти ему нечего больше бояться со стороны людей. Он был занят лишь подготовкой свадьбы своей дочери с царем, когда вдруг опасно заболел, и было даже сомнительно, сумеет ли он выкарабкаться.

В течение этого времени те, кому он доверил следить за поведением своего подопечного, будущего зятя, дали немного больше свободы молодому цесаревичу. Они позволили цесаревне Елизавете и молодым князьям Долгоруким приходить иногда к нему, чтобы развлекать его. Поскольку все они были примерно одинакового возраста, ему было интереснее беседовать и шутить с ними, чем развлекаться более серьезным образом, как заставлял его делать это Меншиков, когда был здоров. Они настолько сблизились, что молодой царь не мог больше обходиться без их компании, а особенно без молодого Долгорукого.

Как только Меншиков оправился от своей болезни, он начал снова строго следить за поведением своего будущего зятя. Ему не понравилось, что цесаревне Елизавете разрешали часто навещать этого молодого монарха. Он положил этому конец, дав понять любезной тетушке, что ее слишком усердные посещения заставляли ее племянника терять попусту время, и что она должна ограничить свои визиты лишь днями церемоний. Но у него не вызвали никаких опасений чувства дружбы, которые питал царь к молодому Ивану Долгорукому, потому что он не предполагал, что отец последнего окажется достаточно смелым, чтобы предпринять что-либо, а сын — достаточно бойким, чтобы внушить царю, робкому от природы, решение избавиться от утеснения, в котором его держали.

Меншиков обманулся в своей проницательности и своих предположениях по этому поводу. Хотя действительно отец и сын сами по себе не были сильными личностями, но они имели все качества, требующиеся для того, чтобы удачно осуществить интригу, задуманную более ловкими людьми. Граф Остерман, министр, столь же смелый, сколь и просвещенный, считал их способными на это. Он ждал лишь удобного случая, чтобы внушить им мысль погубить Меншикова, которым он имел основания быть недовольным⁹⁹.

Граф выбрал время, когда князь находился в Петергофе¹⁰⁰, куда он привез царя под предлогом развлечь его на охоте. Остерман решил, что это как раз подходящий случай для выполнения его замысла. Он направился ко всем сенаторам и главным гвардейским офицерам, чтобы прозондировать почву, и, встретив в каждом из них готовность попытаться сделать все, чтобы избавиться от тирании Меншикова, познакомил их со своим планом и проинструктировал каждого в отдельности о том, что тот должен делать. Свои инструкции князьям Долгоруким, отцу и сыну, он начал с того, что намекнул им: если удастся расстроить брак молодого царя с дочерью Меншикова, то народ будет в восторге, если тот женится на одной из княжон Долгоруких. Этим самым он хотел вовлечь их во все те мероприятия, которые он замыслил с сенаторами и гвардейскими офицерами.

Речь шла лишь о том, чтобы заставить молодого царя тайно покинуть Петергоф без ведома Меншикова и присоединиться к сенату, который, благодаря интригам Остермана, должен был, хотя ни один из его членов не был об этом предупрежден, собраться на даче великого канцлера Головкина в двух лье от Петергофа. Молодой князь Долгорукий, побуждаемый своим отцом, взялся привезти к ним царя. Он спал всегда в комнате его величества и как только увидел, что все уснули, предложил царю одеться и прыгнуть в окно, которое находилось не очень высо-

ко, на первом этаже. Царь, не колеблясь, согласился и убежал, так что гвардейцы, стоявшие у его двери, ничего не заметили. Он пробежал через сад и достиг дороги, где его ждали все сенаторы и офицеры, которые проводили его с триумфом в Петербург.

Меншиков, предупрежденный слишком поздно о бегстве своего подопечного, посчитал своим долгом последовать за ним. Но, когда он прибыл туда, вся стража сменилась, а гарнизон был под ружьем, хотя он этого не приказывал. Он отправился прямо в свой дворец, чтобы подумать, какое принять решение. У входа он был остановлен отрядом гренадеров, которые окружили его дом. Он попросил разрешения войти и переговорить с царем, но ему объявили о приказе, согласно которому он должен был на следующий же день отправиться в свои владения в Раненбурге со всею семьей.

Офицеры, под охраной которых он находился, обращались с ним в этот день очень мягко. Они ему сказали, что он может взять с собой наиболее ценные вещи и увезти столько слуг, сколько пожелает. Он это сделал, хотя и подозревал, что это лишь ловушка, которую ему приготовили. Он выехал среди бела дня из Петербурга на своих самых роскошных колясках, с таким огромным багажом и такою свитой, что этот выезд был похож скорее на кортеж посла, чем на выезд пленника, которого отправляли в ссылку. Когда его арестовали от имени царя, он сказал офицеру, выполнявшему это поручение: «Я очень виноват, и признаюсь в этом¹⁰¹, и такое обращение я заслужил, но не со стороны царя». Проезжая по улицам Петербурга, он приветствовал всех направо и налево. Среди этой толпы народа, сбегавшейся со всех сторон, он обращался к тем, кого знал особенно близко, и прощался с ними таким образом, что было очевидно, что его дух не был сломлен.

Едва он отъехал на два лье от Петербурга, как появился другой отряд солдат. Офицер, который ими командовал, потребовал у него от имени царя вернуть ленты орде-

нов святого Александра¹⁰² и святого Андрея, Белого слона и Черного орла. «Я ожидал, — ответил он с большим хладнокровием этому офицеру, — что у меня их потребуют. Поэтому я их положил в маленькую шкатулку. Вот она. Вы там найдете эти внешние знаки ложного тщеславия, которое заставило меня их желать. Если вы, которому было поручено лишить меня их, когда-нибудь будете ими награждены, знайте на моем примере, как мало значения нужно им придавать». Ранее случалось, что в торжественные дни он носил сразу все эти ордена. Он был похож благодаря пестроте своих орденских лент, которые перекрещивались, на настоящую икону. Все кресты его лент были отделаны драгоценными бриллиантами. Трудно было найти человека, столь смешного в своем великолепии.

Офицер, взяв шкатулку, сказал, что его поручение не ограничивается только тем, чтобы потребовать у него ордена. Его миссия состояла еще и в том, чтобы отослать обратно весь его багаж и слуг, которые его сопровождали, и что он должен вместе с женою и детьми выйти из коляски и пересесть в маленькие повозки, на которых они поедут до Раненбурга. Он ответил офицеру: «Выполняйте ваши обязанности. Я готов ко всему. Чем больше вы заберете у меня, тем больше останется другим. Позаботьтесь только сказать от моего имени тем, в пользу кого пойдут эти богатства, что я их считаю гораздо больше достойными жалости, чем себя». Затем он вышел из своей коляски с непринужденным видом и, сев в крытую повозку, которую ему приготовили, сказал: «Я чувствую себя здесь гораздо лучше, чем в коляске».

Его отвезли в этом экипаже в Раненбург¹⁰³ вместе с женою и детьми, которые находились в отдельных повозках. Он их видел только изредка, и ему не позволяли свободно беседовать с ними всякий раз, когда он того хотел. Но, когда он находил нечаянный случай, он старался ободрить их речами, сколь христианскими, столь и героическими, говоря им, что нужно терпеливо, как христиане, перено-

свить свои несчастья, тяжесть которых, повторял он часто, вынести легче, чем бремя правления государством.

Хотя расстояние между Москвой, где находился в то время царь, и замком в Раненбурге, где находился в ссылке Меншиков, равно 150 милям, его враги считали, что он находится все еще слишком близко от царя, чтобы не опасаться его интриг. Поэтому они решили отправить его дальше, чем за 150 миль, в одно пустынное место, называемое Якутск (*в действительности Меншиков был сослан в Березов. — Ред.*), на краю Сибири. Он был туда перевезен с женою, детьми и восемью слугами, которых ему оставили, чтобы прислуживать им в ссылке.

Княгиня Меншикова¹⁰⁴ в расцвете своей молодости и своей фортуны всегда заслуживала уважение благодаря своим добродетелям, кротости, набожности и своему огромному милосердию к бедным. Она умерла по дороге между Раненбургом и Рязском, где и была похоронена. Во время ее агонии муж выполнял функции священника. Об этой потере он сожалел гораздо больше, чем о потере всего имущества, почестей и свободы. Однако он не пал духом и продолжал свой путь по воде до Тобольска, столицы Сибири, где все были предупреждены о его скором приезде и ждали с нетерпением момента, когда увидят человека, который заставлял дрожать всю Российскую империю.

Первое, что предстало его взору, когда он высадился на берег, были два господина, которых он сослал когда-то в Тобольск. Они осыпали его проклятиями. Он сказал одному по пути в тюрьму, куда его везли: «Поскольку у тебя нет другого способа, учитывая то положение, в котором я нахожусь, получить от меня удовлетворение, как лишь осыпая меня оскорбительными упреками, удовлетворишь этим. Я их выслушаю, не порицая твою злобу. Она справедлива, но недостойна человека, которого я принес в жертву своей политике лишь потому, что считал, что у тебя слишком много достоинства и слишком мало снисходительности, чтобы ты мог не противиться моим наме-

рениям». «Что касается тебя, — сказал он, поворачиваясь к другому, — я не знал, что ты здесь. Это не моя вина, что ты несчастен. Ты должен это приписать какому-то тайному врагу, которого ты мог иметь в моем доме или в канцелярии коллегии, и который под видом моего приказа сослал тебя в то время, когда я меньше всего об этом думал. Не зная причин твоего отсутствия и размышляя иногда над тем, почему я тебя не вижу, я испытывал тайное огорчение. Но если, для облегчения твоего неудовольствия, ты хочешь меня осыпать еще большим количеством проклятий, то продолжай. Я согласен на это».

Другой ссыльный, движимый таким же чувством мести, пробившись сквозь толпу и подняв ком грязи, бросил его в лицо молодого князя Меншикова и в его двух сестер. Отец сказал резко тому: «Этой грязью нужно бросать в меня, и если у тебя есть какая-нибудь жалоба, выскажи ее и оставь в покое этих бедных невинных детей».

В течение того недолгого времени, пока он пробыл в Тобольске, он был озабочен лишь тем, чтобы как-то обеспечить свою семью всем необходимым и смягчить нищету, в которой, как он знал, окажется семья в том ужасном крае, куда их должны были отправить. Вице-губернатор Сибири прислал ему в тюрьму 150 рублей. Эту сумму приказал выплачивать ему с семьею на пропитание царь. Меншиков заявил тому, кто принес эти деньги, что эта щедрость ему бесполезна в той местности, где он не мог ими воспользоваться. Он мог их истратить, если это ему позволят, лишь в Тобольске, купив необходимые вещи, которые облегчат его существование в том пустынном месте, куда он ехал. Его просьба была удовлетворена. Он купил топор и другие инструменты, необходимые для того, чтобы рубить и обрабатывать лес, а также орудия для обработки земли. Он запасся всякими семенами, чтобы сеять, рыболовными сетями и, наконец, большим количеством соленого мяса и рыбы для пропитания в течение того времени, пока он создаст хозяйство для поддержания су-

ществования его семьи. Деньги, которые у него остались, были розданы по его распоряжению беднякам Тобольска.

Из столицы Сибири он был перевезен вместе с детьми в Якутск в маленькой открытой повозке, в которую была впряжена одна лошадь, а в некоторых местах ее везли собаки. Перед отъездом из Раненбурга его и его детей заставили переодеться в крестьянское платье. Они были одеты в меховые шубы и шапки из бараньей шкуры, а под ними была грубая шерстяная ткань. Поездка от Тобольска до Якутска продолжалась пять месяцев, в течение которых они постоянно переносили все тяготы непогоды. Однако ни его здоровье, ни здоровье его детей от этого не пострадало, хотя они были деликатного телосложения.

Однажды, когда ему приказали остановиться в избе одного сибиряка, которая находилась на дороге, туда вошел офицер, возвращавшийся с Камчатки, куда он был послан в правление Петра I, чтобы выполнить одно поручение, касающееся экспедиции капитана Беринга и открытий, которые тому было поручено сделать на Амурском побережье¹⁰⁵. Этот офицер был ранее адъютантом князя Меншикова, которого он не узнал из-за его длинной бороды и крестьянских одежд. Но Меншиков узнал его и назвал по имени. Офицер спросил его, откуда он его знает и кто он такой? Князь ему возразил: «Разве ты не знаешь Александра?». «Какого Александра?» — резко ответил офицер. «Александра Меншикова», — сказал ему мнимый крестьянин. «Да, — сказал офицер, — я его знаю и должен его знать прекрасно, но это не ты». «Это я самый», — сказал ему Меншиков.

Офицер решил, что это слишком невероятно, и принял его за крестьянина, который тронулся умом. Он не придавал никакого значения его словам до тех пор, пока Меншиков не взял его за руку и не отвел его к слуховому окну, откуда проникал свет в лачугу, сказав при этом: «Посмотри на меня хорошенько и вспомни черты твоего бывшего генерала». Офицер, глядя на него вниматель-

но в течение некоторого времени и узнав его, воскликнул голосом, полным удивления: «Мой князь, какими судьбами Ваша милость оказалась в таком плачевном состоянии, в каком я ее вижу?». «Отбросим эти слова «князь», «милость», — сказал Меншиков, прерывая его. — Я лишь жалкий крестьянин, каким я и родился. Бог, подняв меня на вершину человеческого тщеславия, заставил меня вернуться в мое прежнее естественное состояние».

Офицер, сомневаясь еще в том, что он видел и слышал, заметив в углу той же лачуги молодого крестьянина, который привязывал веревками подошвы своих изношенных сапог, обратился к нему тихим голосом и спросил, знает ли он человека, с которым он только что говорил. «Да, — ответил ему молодой человек громко и сердито, — это Александр, мой отец. Что, и ты тоже не хочешь узнавать нас в нашем несчастье, ты, который так долго и так часто ел наш хлеб?»

Отец, услышав такие слова своего сына, велел ему замолчать и попросил офицера приблизиться. Он ему сказал: «Брат¹⁰⁶, прости несчастному молодому человеку его мрачное настроение. Это действительно мой сын, которого ты так часто нянчил на своих коленях. А вот и мои дочери», — добавил он, показав ему на двух молодых крестьянок, лежащих на полу. Между ними находился деревянный жбан, полный молока, в которое они макали куски пеклеванного хлеба и ели его деревянными ложками. «Старшая, которую ты видишь, имела честь быть помолвленной с государем Петром II». Офицер при слове «Петр II» выразил удивление. Меншиков, заметив это, сказал ему: «Ты удивлен и не знаешь, что и думать о моих словах, потому что ты не ведаешь, что произошло в нашей империи в течение тех трех лет, как ты находился от нее примерно на расстоянии 2500 лье. Но твое удивление пройдет, как только ты будешь об этом осведомлен».

Воспользовавшись этим случаем, он рассказал ему обо всех трагических событиях, которые произошли, одно

за другим, в России с 1725 по 1728 год. Он начал со смерти царя Петра I, о чем не знал его собеседник. Затем перешел к тому, как Екатерина, вторая жена этого императора, была возведена на трон после смерти ее мужа. Он доверительно сообщил ему о своем участии в этом деле, подробно изложил также все обстоятельства смерти этой государыни и рассказал о возведении на трон Великого князя Московского. К этому он добавил рассказ о помолвке своей старшей дочери с царем Петром II и не скрыл того, что он, Меншиков, от имени этого будущего зятя завладел всею высшею властью, которой он воспользовался как тиран из-за необходимости совершать одно преступление за другим, чтобы оставаться таким же сильным и дальше. Это могущество было таким, что по всей империи его имя стало более грозным, чем имя Петра I.

Когда он дошел до этого места в своем рассказе, он испустил глубокий вздох и сказал офицеру: «Я думал, что мне нечего бояться со стороны людей, и что можно спокойно наслаждаться плодом моих трудов или, если хочешь, моих преступлений. И вот тогда более вероломные Долгорукие, вдохновляемые и руководимые иностранцем графом Остерманом, еще более вероломным, чем они, в один момент сбросили меня с вершины величия в то ужасное состояние, в котором ты меня видишь. Я это действительно вполне заслужил. Я в этом признаюсь перед Богом и перед людьми. Вот, полюбуйся на превратности человеческой жизни. Я родился крестьянином, и вот теперь я еще более бедный крестьянин, после того, как поднялся на самую высокую ступень славы, могущества и богатства. Потеря всех этих благ и свободы не причинила мне никакого страдания».

Затем, показав на своих детей и со слезами на глазах, он сказал голосом, прерывающимся от рыданий: «Вот что является предметом моих страданий: видеть, как эти невинные, родившиеся в роскоши, теперь, как и я, лишены всего и разделяют со мной наказание за мои преступле-

ния, в которых они не участвовали. Поскольку известно, что в мире совершается непрерывная перемена, я надеюсь, что справедливая судьба вернет их в лоно их родины, и что их настоящее бедственное положение послужит им уроком и научит их управлять своими желаниями и страстями в условиях более благоприятных¹⁰⁷. Ты должен будешь отдать отчет о выполнении твоего поручения. Ты будешь иметь дело с Долгорукими. Ты не встретишь в них людей, исполненных любви к родине¹⁰⁸, у них ты не найдешь качеств, необходимых для выполнения славных планов Петра I. Скажи им, что ты меня встретил по дороге случайно, что трудности поездки, во время которой я постоянно страдал от суровой погоды, не только не подорвали моего здоровья, но даже, кажется, закалили его так, что теперь я себя чувствую так хорошо, как никогда прежде, и что в моем заточении я пользуюсь такой свободой духа, какой я не знал тогда, когда стоял во главе всех дел».

Офицер, которому все факты, рассказанные Меншиковым, были неизвестны, слушал его с удивлением и жадностью. Он принял бы их за вымысел больного воображения, если бы солдаты, под охраной которых находился этот несчастный князь, не подтвердили бы подлинность всех этих событий по мере того, как тот их излагал. Он с сожалением расстался с князем и, прежде чем уйти, увидел, как тот сел со спокойным и веселым видом на маленькую открытую повозку, на которой он проделал большую часть своего путешествия. Он не мог сдержать слез при виде плачевного состояния, в котором находились князь и его семья. Провожая его глазами до тех пор, пока мог, он восхищался тем, что нашел его гораздо более величественным в его чрезвычайном несчастье, чем во время его возвышения.

Как только Меншиков прибыл к месту своей ссылки, он стал думать о том, как бы смягчить ее тяжелые условия. Он велел нарубить леса для постройки дома, более удобного, чем сибирская изба, которую ему предостави-

ли для жилья. Эту работу выполняли не только те восемь крестьян, которых ему позволили взять с собой, но он сам тоже работал топором наравне с другими. Он начал строить это здание с того, что построил часовню¹⁰⁹, к которой пристроил сени и четыре комнаты. В одной жил он с сыном, во второй — дочери, в третьей — крестьяне. Четвертая служила кладовой для продуктов. Старшая дочь, которая была помолвлена с царем Петром II, занималась вместе с крепостною женщиной приготовлением пищи для всех. Младшая, которая теперь замужем за господином Бироном, чинила одежду, стирала и отбеливала белье, а ей помогала в этой работе крестьянка.

Один сострадательный друг, имя которого никогда не узнали ни Меншиков, ни его дети, нашел способ прислать им из Тобольска через безлюдные места, которые нужно было пересечь, быка, четырех коров и птицу всех видов. Так у него появился птичий двор. В огороде он выращивал достаточное количество овощей для пропитания своей семьи в течение всего года. Он требовал ото всех, живущих в его доме, чтобы они присутствовали каждый день на службе, которая проходила регулярно по утрам, в полдень, вечером и в полночь в его часовне.

Он провел шесть месяцев в этой ссылке, не проявляя никакого беспокойства духа, когда вдруг его дети заболели оспой. Первой заболела старшая дочь. Поскольку не было ни врача, ни священника, он заменял и того, и другого. После бесполезного лечения лекарствами, которое он сам назначал, считая их необходимыми для ее выздоровления, он подготовил ее к смерти с героическим мужеством христианина. Она ему отвечала как человек, которого несколько не страшит переход из этой жизни в другой мир. Наоборот, она, казалось, желала, чтобы этот момент наступил, и он не замедлил наступить. Она умерла на руках у своего отца, который выразил свое горе лишь тем, что прижался лицом к лицу своей дочери на одну минуту. Затем, повернувшись к другой своей дочери и сыну, которые находи-

лись здесь же, он сказал им: «Научитесь умирать без сожаления о делах мира сего». Потом он запел вместе со всеми домочадцами молитвы, которые, согласно православному обряду, обычно читают по мертвым. Когда прошло 24 часа, ее перенесли с убогого ложа, на котором она умерла, в часовню, где и похоронили в его присутствии.

Брат и сестра этой несчастной княжны не замедлили заболеть той же болезнью. Они заболели одновременно, но выкарабкались более благополучно, чем она. Отец служил им и врачом, и сиделкой в течение всей болезни. Усталость от этого тяжелого занятия разрушила его здоровье до такой степени, что он заболел горячкой, которая через месяц свела его в могилу. Он едва волочил ноги, пока силы ему позволяли. Наконец, почувствовав себя совсем изнуренным, он позвал своих детей и сказал им так спокойно, что они не поверили в близость его конца:

«Дети мои, я приближаюсь к моему последнему часу. Смерть, о которой я никогда столько не размышлял, как здесь, была бы лишь утешением для меня, если бы, представ перед Богом, я должен был бы дать ему отчет лишь о том времени, что я провел в этой ссылке. Здравый смысл и религия, которыми я пренебрегал во время моего процветания, научили меня, что если суд Божий безграничен, то его милосердие, на которое я уповаю, тоже безгранично. Я расстался бы с миром и с вами совершенно довольным, если бы мои поступки были примером добродетели. Ваши сердца, которых до сих пор не коснулась испорченность, находятся еще в состоянии невинности, которую вы сохраните лучше среди этой пустыни, чем при дворе. Я не хочу, чтобы вы туда возвращались, и вспоминайте лишь о тех примерах, которые я вам дал во время пребывания здесь. Вы пожалеете об этом не раз среди большого света¹¹⁰. Силы меня покидают. Приблизьтесь, дети мои, чтобы я мог вас благословить». Он хотел протянуть руку, но у него не было сил, и в этот момент его голова упала на плечо, по телу пробежала легкая конвульсия, и он умер.

Дети похоронили его в часовне рядом с его дочерью, согласно желанию, которое он неоднократно выражал в последние дни своей жизни.

После смерти князя Меншикова и его дочери офицер, под охраной которого находилась эта несчастная семья, видя, что ему уже нечего бояться интриг со стороны этих двух сирот, из сострадания помог им вести хозяйство, основанное их отцом. Он дал им немного больше свободы, чем прежде: позволил им ходить, гулять за пределами их поселения, а также иногда отправляться слушать богослужение в Якутск.

Однажды, когда княжна Меншикова была на дороге, ведущей от их дома в эту церковь, она заметила, проходя поблизости от одной избы, человека, высовывавшего голову из окна этой избы. Она не придала этому значения, приняв его за бедного русского крестьянина из-за его длинной бороды и формы его шапки. Она заметила, однако, что этот человек, который сначала не узнал ее, так как она была одета крестьянкой, увидев ее ближе, выразил вдруг удивление, причина которого была ей непонятна.

Возвращаясь из церкви домой, она шла по той же дороге и увидела того же человека в том же положении и заметила на его лице желание вступить с нею в разговор. Она отошла от этой избы, чтобы избежать его назойливости; застенчивость, свойственная девушке, заставила ее удалиться, но то, что она предполагала, случилось. Мнимый крестьянин был князем Долгоруким, который ее узнал. Он думал, что она его тоже узнала. Предполагая, что она прошла мимо, желая избежать беседы с человеком, который был причиной ее несчастья, и который заслуживает с ее стороны лишь самого сильного отвращения, он назвал ее по имени.

Она удивилась, услышав свое имя в таком месте, где, как она считала, ее никто не знает. Остановившись, чтобы посмотреть внимательно на того, кто ее позвал, она хотела продолжить свой путь. Тогда этот человек крик-

нул ей: «Княжна, почему вы убегаете? Следует ли нам сохранять враждебность в тех местах и в том положении, в которых мы находимся?». Слово «враждебность» возбудило любопытство молодой княжны. Она подошла, чтобы рассмотреть поближе говорившего. «Кто ты? — сказала она ему. — И какие могут быть у меня причины, чтобы тебя ненавидеть?» «Разве ты меня не узнаешь?» — возразил крестьянин. «Нет», — ответила она. «Я князь Долгорукий». Удивленная и озадаченная, она подошла поближе и, посмотрев на лицо незнакомца, казалось, узнала черты князя Долгорукого. «Действительно, я думаю, что это ты. С каких пор и за какие грехи перед Богом и царем ты находишься здесь?»

«О царе не может идти речи, — ответил Долгорукий. — Он умер через восемь дней после обручения с моей дочерью, которая здесь лежит на скамье и умирает. Ты, кажется, удивлена. Разве ты не знаешь обо всех этих событиях?» Княжна Меншикова ответила ему: «Я вижу, что ты недавно приехал сюда, если не знаешь, что в этих безлюдных местах, где нам не позволяют общаться с кем бы то ни было, мы не можем знать, что происходит там». «Да, Петр II умер, — сказал Долгорукий, — и его трон занят сейчас женщиной, которую мы туда посадили вопреки законам государства только потому, что считали, что у нее совсем другой характер. Мы предполагали, что будем жить при ее правлении более счастливо, чем при ее предшественниках и настоящих наследниках трона. Но как же мы ошиблись! Как только ее короновали, мы поняли, что она чудовище по своей жестокости, которое, чтобы утвердиться на троне, который мы ей уступили, узурпировала его и стала подозревать нас в преступлениях, чтобы потом выслать и погубить в этих краях. С нами во время поездки обращались как с самыми закоренелыми преступниками. Нас лишили всего необходимого, и до сих пор мы лишены всего. В дороге я потерял свою жену; моя дочь сейчас умирает и, наверное, умрет. Но я надеюсь, несмот-

ря на несчастное положение, в котором оказался, прожить еще достаточно долго, чтобы увидеть, быть может, в этих краях эту несправедливую женщину, которая принесла в жертву честолюбию и жадности трех или четырех иностранных негодяев, которые удовлетворяют ее страсти, самые блестящие роды России».

Княжна Меншикова, видя, что Долгорукий, забываясь, входил в такую ярость, что, казалось, уже не владел собой, поспешила удалиться и вернулась домой, где рассказала брату в присутствии офицера, который их охранял, о встрече с Долгоруким и о тех новостях, которые она узнала. Все еще движимый чувством мести против Долгоруких, ее брат выслушал с удовольствием рассказ об их несчастье и упрекнул сестру за то, что она убежала так поспешно вместо того, чтобы узнать побольше и затем плюнуть Долгорукому в лицо¹¹¹, как он того заслужил. Затем он добавил в пылу гнева, что Долгорукий не отделался бы так легко, если бы Меншиков имел случай поговорить с ним.

Эта вспышка вызвала замечание со стороны офицера, опасавшегося, как бы этот молодой человек, за поступки которого он отвечал, не осуществил свою угрозу. Он заявил им, что больше не будет им предоставлять, ни той, ни другому, такую свободу, которую он предоставлял им после смерти их отца. И что если бы отец был еще жив, он не питал бы такой ненависти к Долгоруким, а наоборот, пожалел бы их в том положении, в котором они находились.

Молодой Меншиков был смущен этим замечанием, как и своей вспышкой, и обещал, что если он увидит Долгоруких, то будет вести себя сдержанно и станет их избегать. И он держал свое слово до тех пор, пока не прибыл офицер от двора, чтобы возвратить его туда вместе с сестрою. Он объявил им, когда они меньше всего об этом думали, что царица Анна Иоанновна объявляет им свою милость и предоставляет свободу.

Первое, что они сделали, — отправились в церковь в Якутск, чтобы поблагодарить Бога. Возвращаясь и прохо-

дя мимо избы Долгоруких, они увидали их отца, выглядывавшего в окно. Долгорукий окликнул их, но они ничего ему не ответили. Тогда он крикнул: «Неужели вы все еще сохраняете злопамятство в таком месте? Поскольку ваша охрана предоставляет вам свободу, в которой мне отказано, подойдите и давайте утешим друг друга, рассказав взаимно о наших несчастьях, так как наши судьбы сходны».

Молодой князь подошел и сказал Долгорукому: «Признаюсь, что все еще сохранял против тебя злобу, но, видя тебя в таком состоянии, я чувствую, что мой гнев затухает во мне. И я тебя прощаю с таким же добрым сердцем, как тебя простил мой покойный отец. И, возможно, его мольбам, обращенным к Богу, мы обязаны своею свободой. Нас снова призывают ко двору». «Значит, вы получили разрешение туда вернуться?» — сказал ему Долгорукий, немного удивленный и глубоко вздыхая. «Да, — ответил Меншиков, — и чтобы нам не приписали еще одно преступление за то, что мы разговариваем с тобой, мы должны удалиться, и не сочти это за дурное». «Когда вы уезжаете?» — продолжал Долгорукий. «Завтра, — ответил Меншиков, — в сопровождении офицера, который привез наше помилование, а также доставил более удобные повозки, чтобы мы могли вернуться».

«Тогда прощайте, — сказал Долгорукий, — я вам желаю счастливого пути. Забудьте всю вражду, которую вы могли иметь против меня. Думайте иногда о несчастных, которые остаются здесь, лишенные всех жизненных удобств, и которых вы больше не увидите. Мы начинаем изнемогать под гнетом своей несчастной жизни. Я говорю вам совершенную правду, и если вы в этом сомневаетесь, загляните в окно и посмотрите на моего сына, дочь и невестку, тяжело больных, лежащих на полу. У них нет сил, чтобы встать. Не откажите попрощаться с ними, чтобы утешить их».

Меншиков и его сестра не могли смотреть без волнения на это зрелище. Они сказали Долгорукому, что они

не могут, не совершая преступления, говорить в его пользу там, куда они поедут, но что в этих краях они постараются доставить им облегчение, которое могут, передав им дом и хозяйство, которое их отец и они сами создали здесь. «Это жилище очень удобное, — сказали они. — Там есть домашние животные, птица, продукты, которые были присланы незнакомыми друзьями по Божьему велению. Но мы не знаем, кому мы этим обязаны. Прими это от чистого сердца, как мы тебе все это отдаем. С завтрашнего же дня ты можешь вступить во владение, так как мы уезжаем рано утром».

И действительно, на другой день рано утром они отправились в столицу Сибири Тобольск. В дороге с ними не случилось ничего такого, что заслуживало бы особого упоминания. Если не говорить о том, что всю дорогу от Якутска до Тобольска они сохраняли свою крестьянскую одежду¹¹².

Они приехали в Москву, там их с трудом узнали, настолько нашли их изменившимися во всех отношениях¹¹³. Царица приняла их с выражением удовольствия и доброты. Она взяла к себе княжну Меншикову в качестве фрейлины и затем выдала ее замуж за господина Бирона — брата Бирона, камергера русского двора и впоследствии герцога Курляндского. В описи имущества и бумаг покойного князя Меншикова нашли, что он имел значительные суммы в банках Амстердама и Венеции. Русский министр сделал несколько попыток завладеть этими деньгами на том основании, что все имущество Меншикова принадлежит царице по праву конфискации, но это осталось без результата, так как директора этих банков, в соответствии с обычаями своих стран, решительно отказались отдать деньги, принадлежащие князю Меншикову, до тех пор, пока они не будут уверены, что этот князь или его наследники будут освобождены и смогут располагать этими средствами. Предполагают, что эти деньги, которые составляют более 500 тысяч рублей, стали приданым госпожи Бирон, и что

именно этому обстоятельству молодой князь Меншиков обязан тем, что получил место капитан-лейтенанта гвардии царицы, и что ему возвратили пятидесятую часть тех земель, которыми владел его отец.

Тот, кто плохо знает те удивительные события, которые происходили в России Петра I, государя, необыкновенного во всем, примет этот рассказ за роман, написанный для развлечения, а не за подлинную историю. Однако в этой истории не упомянуто ни одного факта, который не был бы хорошо проверен. А что касается тех бесед, которые здесь изложены, то они все переданы на основе бесед, которые вели молодой князь Меншиков и его сестра госпожа Бирон с теми наиболее доверенными людьми, которые когда-то заботились об их воспитании, и которые служили их наставниками, когда они вернулись ко двору. О беседе офицера, которого встретил князь Меншиков по дороге из Tobольска на Камчатку, он рассказывал многим людям, когда вернулся в Москву.

Пер. Г. В. Зверевой.

Печатается по: Вильбуа. Рассказы о российском дворе // Вопросы истории. 1991 год. № 12; Вопросы истории. 1992 год. № 1, 4-5.

ФОН КЕЙЗЕРЛИНГ ГЕОРГ ИОГАНН

ДЕПЕШИ ПРУССКОМУ КОРОЛЮ ФРИДРИХУ

Георг Иоганн фон Кейзерлинг — представитель прусского короля Фридриха I при дворе Петра I — личность, которой суждено было занять в частной жизни российского императора место личного соперника. Известно, что молодой Петр около 1692 года страстно полюбил Анну Ивановну Монс, одну из красавиц Немецкой слободы. Народная молва обвиняла ее в том, что она «остудила» Петра к его первой и законной жене — Авдотье Федоровне Лопухиной. Царица была заточена в монастырь, и, как, уверяли современники, близка была возможность того, что Петр женится на Монс; но он ли охладил к ней, или измена молодой красавицы, полюбившей другого, была причиной тому, однако уже в 1703 году на фаворитку наложен домашний арест с запрещением выезжать даже в кирку. Между тем, в 1705 году начинается сближение государя с неизвестной служанкой Мартой (впоследствии Екатерина I), а в следующем году Анна Монс, ее сестра, Матрена Балк, и мать получают разрешение выезжать из-под ареста в церковь. Усердным ходатаем за Анну Ивановну был фон Кейзерлинг, полномочный посол короля прусского, страстно влюбившийся в бывшую фаворитку царя. Не останавливаясь ни перед чем в защите перед Петром своей невесты, — а таковою уже была Анна Монс, — фон Кейзерлинг выхлопотал ей и ее родным в 1707 году полную свободу, а одного из ее братьев, знаменитого впоследствии по кровавой судьбе Вильгельма Монса, успел определить в русскую военную службу.

Все эти хлопоты были нележки: они сопровождались для Кейзерлинга длинным рядом весьма существенных не-

приятностей; с одной стороны, Меншиков, могущество которого находилось на высшей степени, создавая в это время «фавор» Марты, не мог без опасения видеть, что Кейзерлинг хлопочет об освобождении бывшей царской фаворитки, с другой, и в самом Петре не могло не шевелиться чувство ревности к человеку, привязанность к которому вытеснила из сердца Анны Ивановны любовь к нему.

Все эти обстоятельства надо иметь в виду, чтобы понять причины той трагикомедии, героем которой сделался Кейзерлинг в 1707 году в Люблине, где находилась в то время главная квартира русской армии, ожидавшей Карла XII.

В публикуемых ниже депешах содержится подробный рассказ Кейзерлинга о столкновениях его с государем, также с Меншиковым и их приближенными.

Тайный советник Георг Иоганн фон Кейзерлинг недолго переживал обиды, выпавшие на его долю. Он скончался 11 декабря 1711 года в Столпе, на дороге в Берлин, успев лишь за полгода до того достигнуть цели своих долготлетних стараний: только 18-го июня 1711 года он сочетался браком с Анной Ивановной Монс.

I

Люблин, 1707 года, 11-го июля н. ст.

Вседержавнейший великий король, августейший государь и повелитель! Всеподданнейше и всенижайше повергаю к стопам вашего королевского величества донесение о происходившей вчера попойке; обыкновенно сопряженная со многими несчастными происшествиями, она вчера имела для меня весьма пагубные последствия.

Ваше королевское величество соблаговолит припомнить то, что почти всюду рассказывали в искаженном виде обо мне и некоей девице Монс, из Москвы, — говорят, что она любовница царя. Эта девица Монс, ее мать и сестра, лишенные почти всего, что имели, содержатся уже

четыре года под постоянным арестом, а ее трем братьям преграждена всякая возможность поступить на царскую службу, а также им запрещен выезд из государства. Я, по несчастию, хотя невинным образом, вовлеченный в их роковую судьбу, считал себя обязанным, столько же из сострадания, сколько по чувству чести, заступиться за них, и потому, заручившись сперва согласием Шафирова и князя Меншикова, я взял с собою одного из братьев, представил его царю и Меншикову и был ими благосклонно принят.

Вчера же, перед началом попойки, я, в разговоре с князем Меншиковым, намекнул, что обыкновенно день веселья бывает днем милости и прощения, и потому нельзя ли будет склонить его царское величество к принятию в военную службу мною привезенного Монса. Кн. Меншиков отвечал мне, что сам он не решится говорить об этом его царскому величеству, но советовал воспользоваться удобной минутой и в его присутствии обратиться с просьбой к царю, обещая свое содействие и не сомневаясь в успешном исходе. Я выжидал отъезда польских магнатов, — почти все они присутствовали на пиру и, скажу кстати, выражали все время большую преданность вашему королевскому величеству; в этом отношении особенно заявил себя епископ Куявский (Cuяvien), упомянув о должном удовлетворении за ограбленных (spolurten) московскими войсками подданных вашего королевского величества. Когда же я обратился к царю с моей просьбой, царь, лукавым образом предупрежденный князем Меншиковым, отвечал сам, что он воспитывал девицу Монс для себя, с искренним намерением жениться на ней, но так как она мною прельщена и развращена, то он ни о ней, ни о ее родственниках ничего ни слышать, ни знать не хочет.

Я возражал с подобающим смирением, что его царское величество напрасно негодует на девицу Монс и на меня, что если она виновата, то лишь в том, что, по совету самого же князя Меншикова, обратилась к его посредничеству.

ву исходатайствовать у его царского величества всемиростивейшее разрешение на бракосочетание со мной; но ни она, ни я, мы никогда не осмелились бы предпринять что-либо противное желанию его царского величества, что я готов подтвердить моей честью и жизнью. Князь Меншиков вдруг неожиданно выразил свое мнение, что девица Монс действительно подлая, публичная женщина, с которой он сам развратничал столько же, сколько и я (*canaille und Hure, das er sie sowohl als ich debauchirir hatte*).

На это я возразил, что предоставляю ему самому судить, справедливо ли то, что он о себе говорит, что же касается до меня, то никакой честный, правдивый человек не обличит, тем более не докажет справедливости возведенного на меня обвинения. Тут царь удалился в другую комнату, князь же Меншиков не переставал забрасывать меня по этому поводу колкими, язвительными насмешками, которых наконец не в силах был более вынести. Я оттолкнул его от себя, сказав: «Будь мы в другом месте, я доказал бы ему, что он поступает со мной не как честный человек, а как...»¹¹⁴, и проч. и проч. Тут я, вероятно, выхватил бы свою шпагу, но у меня ее отняли незаметно в толпе, а также удалили мою прислугу; это меня взбесило и послужило поводом к сильнейшей перебранке с князем Меншиковым. Вслед за тем я хотел было уйти, но находившаяся у дверей стража, ни под каким предлогом не выпускавшая никого из гостей, не пропустила и меня. Затем вошел его царское величество; за ним посылал князь Меншиков. Оба они, несмотря на то, что Шафиров бросился к ним и именем Бога умолял не оскорблять меня, напали с самыми жесткими словами и вытолкнули меня не только из комнаты, но даже вниз по лестнице, через всю площадь. Я принужден был вернуться домой на кляче моего лакея, — свою карету я уступил перед обедом посланнику датского короля, рассчитывая вернуться в его экипаже, который еще не приезжал...

Клянусь Богом, что все обстоятельства (*species facto*), изложенные мною, совершенно верны: все польские маг-

наты, бывшие на пиру, могут засвидетельствовать, что поведение и обращение мое были безукоризненны, и что до их отъезда (за несколько минут до происшествия), несмотря на сильную попойку, я все время был трезв. Но положим даже (чего в действительности не было), что я был пьян и произвел какое-либо бесчинство, подвергать меня за это строгому аресту и бдительному надзору совершенно неуместно, и если бы я был частное приглашенное лицо, а не носил бы священного звания уполномоченного посла вашего королевского величества (то, что уважается даже самыми необразованными народами), то и тогда не следовало обращаться со мной так постыдно и незаконно. Я не прошу о мести. Ваше королевское величество, как доблестный рыцарь, сами взвесите этот вопрос, но я слезно и всенижайше умоляю ваше королевское величество, как о великой милости, уволить меня, чем скорее, тем лучше, от должности при таком дворе, где участь почти всех иностранных министров одинаково неприятна и отвратительна. Если ваше королевское величество соизволите согласиться, можно благонадежно поручить ваши интересы моему секретарю, уроженцу Кёнигсберга и верноподданному вашего королевского величества. Он смышлен в делах, обладает уже некоторою опытностью в переговорах, и ему известны все мною здесь добытые сведения.

Если я осмелюсь, со всею моею верноподданническою преданностью, ради которой я готов жертвовать всем на свете и даже моею жизнью, высказать мое ничтожное мнение, то я доложу, что нейтралитет, который ваше королевское величество соблюдали до сих пор, не может долее существовать, не повредив интересам вашего королевского величества; так как царь снова отступает от границ вашего королевского величества, то король шведский с родины двинется и заслонит вас. Кроме затаенной злобы, ваше королевское величество никакой выгоды от царя ждать не можете, и ваше королевское величество имели бы самый законный повод к нарушению нейтралитета как в ос-

корблении, мне нанесенном (что выражает полное презрение к вашему королевскому величеству), так и в том, что обещания вознаградить ваших ограбленных подданных не исполняются. Я даже убежден, что не подвергся бы вчерашнему со мной обращению царя, он мог еще прежде в Москве так поступить со мной, если бы он не таил против меня злобного негодования вследствие последней моей с ним беседы. Легко может быть, что случившееся со мной происшествие преднамеренно было отложено до отступления царя от границы. Как будет царь обращаться со мной впоследствии времени, и будет ли он стараться загладить свою гнусную вину, не знаю, ибо первым моим движением по возвращении домой было составить всеподданнейшее обо всем донесение вашему королевскому величеству и безотлагательно переслать письма через курьера в Варшаву.

С болезненным нетерпением и с полнейшею покорностью буду ожидать всемилостивейшего высочайшего повеления. Препоручая себя благоволению и милости вашего королевского величества, пребываю со всеподданнейшей преданностью и непоколебимой верностью до конца жизни своей, вседержавнейшего, и проч. и проч. Георг Иоганн фон Кейзерлинг.

II

Варшава, 1707 г. 13-го июля

Вседержавнейший великий государь, августейший король повелитель! Не далее как четверть часа тому назад получил я с Люблинской почтой письмо тамошнего вашего королевского величества посла Кейзерлинга. Он пишет о том, как сильно опасается предстоящего большого пиршества, устраиваемого царем, в день своего тезоименитства в прошлое воскресенье, в Якубовицах (Jacubowitz), в полуверсте от города; опасается обычных при подобных пирах разгула и бесчинства, и как охотно откупился бы

хоть дорогой ценой, лишь бы не присутствовать на пиру; но быв приглашенным генерал-адъютантом его царского величества, он не мог отклонить приглашения, не подвергая себя опасности потерять всякое значение при том дворе.

Сию же минуту привез мне курьер от него же прилагаемое всеподданнейшее донесение о случившемся с ним бедствии и ужасных оскорблениях, которым он подвергся, умоляя переслать донесение безотлагательно. Упомянутый курьер рассказывает, что и датский посланник должен был несколько дней тому назад проглотить горькие пилюли: царь, получив от него в подарок собаку, на ошейнике которой было вырезано имя блаженной памяти покойного короля Датского, воспользовался этим случаем, чтобы дать понять посланнику, что насколько хороши были прежние государи его нации, настолько ныне царствующий король никуда не годится; таким образом, названный посланник едва не подвергся тому же бедствию, в какое попал, ради интересов вашего королевского величества, Кейзерлинг, содержащийся, по повелению царя, под арестом и бдительной стражей. Один Бог может постичь существование такого народа, где не уважается ни величие коронованных лиц, ни международное право, и где с иностранными сановниками обращаются как с своими рабами. Так как я принужден поспешить с отправкой нынешней почты, то лишен возможности составить отдельное всеподданнейшее донесение о том, что происходило на минувшей неделе между конфедератами в Люблине...

III

Люблин, 1707 г., июля 16-го, н. ст.

Вседержавнейший, великий король, всемилостивейший король и государь! Всенижайше повергая вашему королевскому величеству мое донесение от 11-го числа сего месяца о случившейся со мною трагедии, накануне царских именин, на пиру, в 6 часов вечера, я составил его в

полночь и с большою поспешностью, так как узнал через одного городского купца-немца, что некоторые польские магнаты намереваются послать курьеров с вестью о происшествии в Варшаву и даже Бреславль. А потому, не желая откладывать ни минуты уведомлением вашего королевского величества о всем случившемся, я отправил с своим курьером до Варшавы краткое донесение о происшествии, какое мог я составить в короткое время и при помощи одной моей памяти, не имея еще возможности переговорить с кем-либо о случившемся. Надлежит, однако, обратить внимание на следующие упущенные в этом деле обстоятельства и подробности: во-первых, князь Меншиков первый начал грубить мне непристойными словами, вследствие чего его императорское величество в негодовании удалился, тогда как я только возразил, что благородный человек не упрекнет меня в бесчестном поступке, и тем более никогда не докажет того; но когда князь Меншиков не переставал обращаться со мною с насмешкой и презрением и даже подвигался все ближе и ближе ко мне, я, зная его всему миру известное коварство и безрассудство, начал опасаться его намерения по московскому обычаю ударом «под ножку» сбить меня с ног — искусством этим он упражнялся, когда разносил по улицам лепёшки на постном масле и когда впоследствии был конюхом. Я вытянутой рукой хотел отстранить его от себя, заявив ему, что скорее лишусь жизни, нежели позволю себя оскорбить, и не считаю доблестным человеком того, кто осмелится меня позорить.

Во-вторых, когда тут несколько офицеров нас разве-ли друг от друга, его царское величество сам обратился к Меншикову с словами: «Ты всегда затеваешь то, чего сам не понимаешь, и я должен отвечать за все твои глупости, и потому советую тебе помириться с Кейзерлингом».

Свидетелем этого происшествия был бригадир фон Нетельгорст (Nettelhorst), состоящий на польской коронной службе; он всенижайше прилагает тут свое письмен-

ное свидетельство и готов во всякое время присягнуть. Статс-секретарь тайный Шафиров на днях признался в справедливости всего происшедшего датскому королевскому послу.

В-третьих, князь Меншиков собственноручно вытолкнул из комнаты и вдоль лестницы при мне находившихся лакея и пажа (прочая прислуга отправилась домой с экипажем). Потом, вернувшись, спросил меня, зачем я хочу с ним ссориться?

На это я отвечал, что я не начинал ссору и никогда не начну её, но не позволю никому на свете оскорблять меня. Тогда он сказал, что если я не считаю его благородным человеком, то и он меня таковым не считает, что как я первый позволил себе его толкнуть, то и он может меня толкать, что действительно он тут же и исполнил, ударив меня кулаком в грудь и желая вывернуть мне руку; но я успел дать ему затрещину и выругал его особливым словом.

Тут мы схватились было за шпаги, но у меня ее отняли в толпе, как легко можно догадаться, по его же наущению.

В-четвертых, вслед за сим его царское величество в ярости подошел ко мне и спросил, что я затеваю, и не намерен ли я драться? Я отвечал, что сам я ничего не затеваю и драться не могу, потому что у меня отняли шпагу, но что если я не получу желаемого удовлетворения от его царского величества, то готов во всяком другом месте драться с кн. Меншиковым.

Тогда царь с угрозой, что сам будет драться со мной, обнажил свою шпагу в одно время с князем Меншиковым; в эту минуту те, которые уж меня держали за руки, вытолкнули меня из дверей, и я совершенно один попал в руки мучителям или лейб-гвардейцам (Leib-garde) князя Меншикова; они меня низвергли с трех больших каменных ступеней, и мало того, проводили толчками через весь двор, где я нашел своего лакея одного (паж поехал за экипажем).

Ваше королевское величество, обладая столь светлым умом, рассудите сами по нижеизложенным обстоятельствам, что не я, а князь Меншиков затеял ссору, ибо: по первому пункту я не имел ни злобы, ни малейшего недовольствия против него, доказательством тому могут служить все мои всенижайшие донесения, в коих до сих пор я не только не упоминал об его ежедневных глупостях, но скорее писал о нем только все хорошее. По второму пункту ясно, как Божий день, что он начал оскорблять меня непристойными словами, сам же его царское величество в том обвинил и требовал, чтобы он помирился со мной. Третий же пункт ясно доказывает, что Меншиков не только не имел никакого намерения мириться со мной, а, напротив, хотел еще сильнее оскорбить, вытолкнув своеручно мою прислугу из дверей и снова обратившись ко мне с дерзкими словами. И можно ли было ожидать миролюбивых попыток в отношении меня от дерзкого любимца, который никогда не уступает даже самому царскому величеству и, как бы ни был неправ, всегда оставляет за собой последнее слово? Что же касается четвертого и последнего пункта, то его царское величество и также князь Меншиков стараются уверить, что они непричастны к отвратительному обращению со мной, и что оно случилось помимо их приказания. Но мой слуга, поджидавший меня во дворе, готов присягнуть, что князь Меншиков сам кричал в окно, чтобы меня вытолкали со двора. Наконец, тут заговорит о том, что не служит, потому что по всем законам тот, кто может и должен отвратить зло, а между тем позволяет его, сам становится преступником. Более всего говорит в пользу моей невиновности то, что на следующий же день князь Меншиков несколько раз присылал ко мне своего генерал-адъютанта фон дер Раупе (Raupе) и потом генерал-лейтенанта Ренне (Ronne) убеждать меня ни о чем случившемся не доводить до сведения вашего королевского величества; а если донесение уже послано, предлагал с помощью подставных лошадей вернуть моего

курьера и обещал при этом с своей стороны полное молчание и удовлетворение. Это требование я, однако, отклонил тем, что мне невозможно не доводить до сведения вашего королевского величества то, что вы должны узнать. Но до начала всех этих подсылок и искушений (Tentamina) явился ко мне один майор собственного его царского величества полка и объявил от имени царя, что вследствие моего дурного поведения во вчерашний день и того, что я обозвал князя Меншикова ругательным словом и тем опозорил дом царя, я должен удалиться от двора его царского величества.

На это я отвечал, что всем известно, что не я, а князь Меншиков начал ссору, и я не произнес бы ругательного слова, если бы он меня не взбесил и не вынудил к тому своим обращением. Я предоставлял на рассуждение его царского величества: не равносильна ли вынужденная и под влиянием насильственно произведенного во мне охмеления происшедшая вспышка, при которой легко, быть может, я погрешил против должного уважения к его царскому величеству, о чем сильно сокрушаюсь, обращению которому я подвергся? Я охотно принимаю повеление его царского величества, тем более, что сам решился никогда не являться ко двору, где вынес столько оскорблений и грубых выходок, разве только явлюсь тогда, когда на то воспоследует особенное повеление вашего королевского величества, которому все уже известно. Майор старался было уверить, что его царское величество ничего не знал о дурном со мной обращении стражи, и что я, конечно, получу должное за это удовлетворение; но я отвечал, что глубоко признателен за предложение, но никакого удовлетворения принять не могу, не узнав сперва высочайшей воли вашего королевского величества по этому предмету.

Потом уже я догадался, что царь действует с намерением меня смутить и побудить к скорейшему примирению, так как вскоре после этого объяснения явились упомянутые выше послы и искушения (Tentamina). Но я не

желал и не смел скрывать это дело от вашего королевского величества, и потому царь вскоре решился отправить к вашему королевскому величеству курьера в лице фон Брукенталя (Brukenthal), генерал-адъютанта князя Меншикова, в прошлый вторник; но в 12-м часу ночи мне было еще раз предложено примирение через генерал-лейтенанта Ренне (Ronne). Нельзя полагаться на правдивость со стороны князя Меншикова, и потому я легко мог себе представить, как много вымышленного поручено генерал-адъютанту всенижайше передать вашему королевскому величеству; кое-что я уже слышал об этом через доверенного слугу князя Меншикова.

Видит Бог, совесть моя чиста; все, что я сообщил вашему королевскому величеству — сущая правда...

Я убежден, что многие немецкие офицеры, слышавшие и видевшие все, охотно засвидетельствовали бы мой рассказ, если бы не были на службе московского царя и не подвергали бы опасности откровенным признанием свою честь и жизнь... В следующие дни князь Меншиков, видимо, старался склонить польских магнатов на свою сторону, убеждая их высказываться в своих письмах в его пользу и в этих видах предлагая им (как мне сообщил упомянутый бригадир Нетельгорст) различные подарки. Но, насколько мне известно, никто ими не прельстился, а все соболезнуют о постигшем меня злополучии и жалеют о существовании столь чудовищных московских обычаев, которых я сделался жертвой. Они уверяют, что сочувствие их по поводу этого скандального происшествия не будет на стороне двора...

Три дня тому назад, офицер царской службы, немец, подозвал к себе на многолюдной улице одного из моих слуг и сказал ему, что слышал, будто ссора наша прекращена, и царь меня удовлетворил великолепным подарком. Я сам убежден, что двор имел это намерение, но считал бы себя самым низким человеком и недостойным не оцененной милости и покровительства вашего королевско-

го величества, если бы позволил себя ослепить даже всеми сокровищами Москвы и тем уменьшил бы авторитет и уважение, которыми так основательно пользуется во всем мире ваше королевское величество. Царский двор может отречься от того, что происходило в зале, где были только офицеры, состоящие на царской службе, но он не может отвергнуть то, что видели сотни сбежавшихся из города любопытных обывателей и других посторонних лиц; как после неистовых толчков вниз по лестнице и других оскорблений я, не переводя дух, очутился вне двора, на мосту, перед воротами и поджидал лошадь, за которой отправился мой слуга. Тогда пришли еще двое из лейб-гвардейцев (Leib-guarden) князя Меншикова; один из них, ругая меня самыми непристойными словами, два раза ударил меня кулаком в затылок и тем едва не сбил меня с ног. Все это можно было отлично видеть из окон дворца, и однако никто не вступился за меня...

Я не осмелился бы так подробно излагать свое мнение на счет этого дела, если бы здешний двор не выказывал такое презрение к международному праву, нарушение которого он ставит ни во что...

На днях получены здесь письма, писанные даже ранее дня тезоименитства царя из пехотного отряда, находящегося при Остоге (Ostoga) и Ровне (Rowna); в них сообщается слух о полученном будто бы мною приказе от имени вашего королевского величества, обнародовать отозвание (avocatorien) всех на царской службе находящихся подданных вашего королевского величества. Хотя двор знает, что слух этот ложен, тем не менее, начинают беспокоиться, как бы он не оправдался.

Я более не вхожу ни в какие сношения с царскими министрами и переехал бы в Варшаву, если бы сильная боль в правом боку вследствие низвержения моего с высоких каменных ступеней, оказавшаяся серьезнее, чем я предполагал, не принудила меня обратиться к помощи придворного лейб-медика, другого доктора тут не имеется. Бог

весть, буду ли я в состоянии предпринять завтра или послезавтра путь в Варшаву, куда отправляется завтра вечером его царское величество со всей своей свитой. Так как все происходило не в пределах московского государства, но на нейтральной земле (*loco tertia*), я буду совершенно вправе под предлогом нездоровья после позорного обращения со мной продлить здесь свое пребывание...

IV

Варшава, 1707 года, 30-го августа н.ст.

Вседержавнейший, великий государь и пр. и пр. Всеподданнейше и всенижайше довожу до сведения вашего королевского величества, что пережитые мною неприятности почти совершенно заглажены и устранены вследствие высочайшего вашего желания и к полному удовлетворению вашего величества, а также к общему удовольствию его царского величества, князя Меншикова и моего собственного, следующим образом. В двух письмах, в которых я нашел полное себе удовлетворение, и копии которых я тут же всеподданнейше прилагаю, его царское величество и князь Меншиков признают необходимым сегодня же совершить надлежащим образом военный суд над лейб-гвардейцами (*Garde-du-corps*), преступление коих уже обнаружено; тот же, который меня действительно ударил, должен быть приговорен к смерти и приведен на место казни; в то самое время, но никак не ранее, мне снова будет дана аудиенция у его царского величества для принесения благодарности за полученное удовлетворение и для испрошения от имени вашего королевского величества помилования ратнику, который впоследствии должен будет явиться, также в цепях и оковах, ко двору вашего королевского величества благодарить меня за дарование ему жизни.

Никогда не добился бы я такого полного удовлетворения, если бы в начале уже поспешил согласиться на прими-

рение. Но я слишком хорошо знаю дух этого двора и этой нации, и с намерением отклонял до сих пор отправление требуемого письма к князю Меншикову, хотя я вполне сознавал, что ничего не могло быть для меня удобнее и пристойнее, как написать приличное извинение за ссору, происшедшую от неумеренного употребления вина, и потому только лишь вчера отправил я письмо, чтобы тем придать ему еще большую цену и вынудить приговор телохранителя к смертной казни. Между тем, его царское величество в продолжении всего времени не переставал оказывать мне свою монаршую милость, а князь Меншиков, особенно вчера и третьего дня, с тех пор, как я решился написать требуемое письмо, не перестает выражать в отношении меня самое дружеское расположение, что подтвердит вашему королевскому величеству здешний секретарь посольства в неоднократных всеподданнейших своих донесениях.

Тайный государственный секретарь (der Geheime Etats-Secretair) Шафиров прислал мне сегодня связку писем к фон дер Лихту, сообщив мне при этом, что в них заключается особое повеление его царского величества склонить, сколь возможно, ваше королевское величество на дозволение продлить мое пребывание при дворе его царского величества. Вследствие чего прошу ваше королевское величество и впредь располагать мной по всемилостивейшему своему усмотрению и воле своей; повергнув всецело свою жизнь служению вашему королевскому величеству, высочайшая ваша воля будет принята мною всегда с восторгом и покорностью верноподданного. Так как тайный государственный секретарь Шафиров, не говоря о его постоянном выражении преданности вашему королевскому величеству и неуклонном старании поддерживать хорошие отношения между вашим королевским величеством и его царским величеством, совершенно добровольно и успешно содействовал к прекращению нынешней ссоры, то всенижайше предоставляю на высочайшее усмотрение ва-

шего величества, не найдете ли нужным, в знак милости и благоволения вашего королевского величества, подарить ему теперь недавно милостиво обещанных жеребцов для его завода, цена которых была ему при этом объявлена в 600 талеров. Если подарком будут служить жеребцы, следует принять во внимание, что Шафиров не может их принять иначе, как уведомив о том его царское величество; соответственную же сумму можно было бы без всякой огласки препроводить полковому квартирмейстеру Лансону в Кёнигсберге, которому Шафиров сам может поручить покупку лошадей. Еще осмелюсь всенижайше просить, не соизволит ли ваше королевское величество пожаловать всемилостивейший рескрипт генерал-лейтенанту Ренену (Ronnen), как усердно содействовавшему к доставлению приличного удовлетворения; хвалясь высочайшей милостью вашего королевского величества, я обещал ему рескрипт, который да будет дозволено мне сообщить ему вместе с уверением в высокоценимой монаршей милости и благоволении к нему вашего королевского величества...

V

3-го сентября 1707-го года.

Варшава. (Перевод)

Вседержавнейший, великий король, всемилостивейший король и государь! Вашему королевскому величеству уже было всеподданнейше подробно донесено, каким образом в день празднования тезоименитства его царского величества, в Якубовицах, произошли неприятности между царским любимцем, князем Меншиковым, и мной; хотя причиною тому было лишь личное столкновение, оно, однако, при неумеренном употреблении вина, приняло такой серьезный характер, что я не только выбранил князя Меншикова жесткими словами, но даже рукой ударил его по лицу, а так как в эту минуту вошел его царское величество, и я не в силах был преодолеть *primos motus*, то последствия легко могли бы быть еще злосчастнее, если бы тут же

не вытолкали меня из дверей; сбежавшаяся же за дверьми многочисленная прислуга князя Меншикова, к несчастью, сочла своею обязанностью не только столкнуть меня вниз по лестнице, но даже двое из телохранителей упомянутого князя действительно ударили меня несколько раз на площади, где не было никого из моей прислуги. Теперь же со смирением и преданностью спешу всеподданнейше донести вашему королевскому величеству, что по поводу этого неприятного столкновения моего с князем Меншиковым, последовали с его и с моей стороны приличные и при подобных случаях обычные объяснения, и его царское величество даровал мне полное и блестящее удовлетворение за обиды, понесенные мною помимо его воли и ведения, следующим образом: было наряжено строгое следствие над телохранителями для дознания того, кто ударил меня; оказались двое виновных, и их, без дальнейшего допроса, в силу военного суда, произведенного на месте, по приговору, копию которого под литерою «А» всеподданнейше прилагаю, 1-го сентября осудили к смертной казни; но в уважение того, что они дворяне, и хорошего происхождения, положено их расстрелять (*arquebusiren*). Когда генерал-лейтенант Ренне сообщил мне этот приговор и даже привез ко мне на дом его оригинал, одобренный его царским величеством и собственноручно им подписанный, и когда я с своей стороны выразил ему свое одобрение, он дал мне понять, что князь Меншиков весьма желает видеть меня, чем скорее, тем лучше, и что если я соглашусь сейчас же, в 5 часов пополудни отправиться к князю Меншикову, то меня встретят с восторгом, со всей предупредительностью и со всеми возможными почестями, и что там увижу я и его царское величество. Так как князь Меншиков еще прежде прислал мне приветствие через здешнего секретаря посольства вашего королевского величества Лёльгёффеля (*Lollhoffel*) с уверением в непоколебимости прежнего своего дружеского расположения ко мне, прибавляя любезно, что он страшится встречи со мной, то

я решился поехать, в тот же день, в назначенный час, впервые после вышеупомянутого горестного столкновения, в дом князя Меншикова, где его царское величество почти всегда занимается судебными делами (Curalien). Едва въехал я в ворота, как уже князь Меншиков вышел почти со всеми здесь находящимися генералами на первую галерею своего дома, где и ожидал меня. Его гофмаршал, генерал-адъютанты и камер-юнкеры встретили меня у кареты, генерал-майоры Бан и Гейне — на лестнице, сам же князь Меншиков ожидал меня несколькими шагами далее, на вышеупомянутой крайней галерее, честь, которую он едва ли оказывает другим иностранным министрам, даже при первом приеме их. Официальные наши приветствия выражали обоюдные наши чувства дружбы и удовольствия снова друг друга видеть, но спустя некоторое время, проведенное вместе в комнатах, мы удалились (à parte) в сторону к окну отдельной комнаты и объяснились по поводу ссоры, происшедшей от неумеренной выпивки. По общему нашему соглашению, ссора эта не только будет предана полному забвению, но даже послужит в будущем к подкреплению нашего благорасположения и дружбы. В это время вошел его царское величество, по своей привычке, без всякой церемонии, и смею всеподданнейше уверить ваше королевское величество, что давно не видал я его царское величество таким веселым и довольным, как в эту минуту: он обнял меня и, не позволив мне вымолвить слова, поспешил сказать, что устал от восхода по лестнице, потому что чувствует себя еще очень слабым после перенесенной болезни. Вслед за тем последовала веселая беседа, оживленная шутками его царского величества и князя Меншикова и продолжавшаяся до тех пор, пока не пришли доложить князю Меншикову и его супруге о приезде жены гетмана (Gross-Feldherrin) Синявского, накануне прибывшей сюда; вскоре вошла она сама; тогда его царское величество пошел один со мной в отдаленную галерею; тут я стал выражать свою благодарность за милостиво дарованное

мне такое полное удовлетворение, а также свои извинения по поводу случившегося, но царь остановил меня следующими милостивыми словами на немецком наречии:

«Als Gott mine Seele kennt, ik silfst recht trurig darower gewest bin, doch wie alle tosammen voll gewesen sind, war Gott lof dat nu alles wedder got worden, un ik ju alle taid lew hab, un alles nicht mehr gedeneken».

То есть: «Сам Бог свидетель, как глубоко сожалею я о случившемся; но все мы были пьяны; теперь же, благодаря Бога, все прошло и улажено; я уже забыл о ссоре и пребываю благосклонно и с любовью преданный вам».

Затем государь спросил новые газеты и снова удалился в комнату князя Меншикова, куда и сам князь возвратился, оставив жену гетмана (die Crohn Gross-Feldherrin) у своей супруги. Возобновившаяся беседа, при часто подносимых кружках вина, продолжалась весело до 7-ми часов вечера; потом мы перешли в комнаты супруги князя Меншикова, где обедали за небольшим столом, так как приглашенные к обеду были только: его царское величество, жена гетмана, жена старосты, овдовевшая княгиня Радзивил, князь Меншиков, его супруга, я, князь Долгорукий и генерал-лейтенант Ренне. Его царское величество все время не переставал быть в наилучшем расположении духа, и когда потом при прощании я стал ходатайствовать от имени вашего королевского величества за преступников, его царское величество предоставил все на благо рассмотрение вашего королевского величества, сказав при этом, что хотя он и будет очень занят все утро следующего дня, но приказ к совершению казни уже дал, и я могу действовать, как мне заблагорассудится.

Вследствие сего, вчера, в 10 ч. утра, целый эскадрон лейб-гвардейцев провел этих двух преступников в оковах и цепях мимо здешнего дворца вашего королевского величества, по главнейшим улицам предместий и города, до большой площади Краковского предместья перед так называемом Казимирским дворцом, где имеют

свое помещение его царское величество и князь Меншиков. Приговор был уже почти исполнен: (московский) русский поп уже дал преступникам свое наставление к принятию смерти, уже благословил их распятием, уже даны были им свечи в руки, глаза были повязаны, и уже командир, майор Иоанн Котлер, скомандовал к прикладу, как тут находившийся уже секретарь вашего королевского величества, Лёлльгёффель (Lollhoffel), объявил помилование, привезенное генерал-адъютантом князя Меншикова, фон Брукенталем (Bruckenthal), и обнародованное впоследствии от высочайшего имени вашего королевского величества, и снова весь эскадрон привел преступников ко мне, во дворец вашего королевского величества, куда прибыли в то же время королевский датский посланник Грунд (Grund) и разные другие офицеры, приглашенные мною к обеду; тут виновные на дворцовой площади пали ниц и со смирением благодарили за милостиво дарованную им вашим королевским величеством жизнь. Потом, по моему требованию, они были освобождены от цепей и, по обычаю, угощены мною водкой, которую выпили во здравие вашего королевского величества и его царского величества, командующие же офицеры приглашены были мною к обеду. Я всеподданнейше остаюсь в уповании на высочайшее благоволение вашего королевского величества по поводу полученного мною, вследствие высочайшего вашего желания, такого блестящего удовлетворения и совершенного прекращения недоразумений и неприятностей, происшедших единственно от излишней выпивки, в чем погрели в тот день даже сами лейб-гвардейцы...

Печатается по: Обида прусского посла. Георга Иоганна фон Кейзерлинга // Русская старина, № 6, 1872.

УИТВОРТ ЧАРЛЬЗ

О России, какой она была в 1710 году

Российская империя

Прежде иностранцы столь редко посещали Россию, а ее доля в делах Европы была столь незначительна, что для сколько-нибудь правильного представления о ней может быть полезно при настоящем положении дел дать общее описание владений царя, доходов и военной силы, — описание, которое могло бы служить основой для более верного суждения о том, что может произойти в ходе этой войны.

Жители

Жители в основном те, что зовутся москвитями; остальные образуют массу, но мало способствуют усилению страны: лапландцы и самоеды¹¹⁵ слишком несообразительны и вялы, несколько татарских народов — слишком дики, а от казаков польза невелика, так как у них слишком много свобод и привилегий.

Лапландцы и самоеды

Лапландцы и самоеды рассеяны по всем большим лесам вдоль Белого и Ледовитого морей; они низки ростом, имеют некрасивую фигуру, их восприятие и понятия едва превышают уровень дикарей, а их религия, если таковая вообще существует, мало понятна тем, кто у них бывает. В пищу они обычно употребляют сырую рыбу или то, что убивают или находят мертвым, безразлично. Они приносят пользу москвитам тем, что охотятся на тюленей близ Новой Земли и платят царю небольшую дань мехами...

Калмыки

На остальной части страны до Астрахани и границ узбеков обитают калмыки и другие орды, которые кочуют со своими шатрами в зависимости от времени года и удобства существования. Царь ежегодно преподносит им дары тканями, деньгами и каким-либо оружием, а за это они обязаны служить ему во время войн без оплаты, которую в достаточном количестве добывают себе сами, грабя друзей и врагов, где бы ни проходили. В последнее время самое большое число калмыков, которое вооружалось для царя, составляло примерно 12 тысяч; через восемь дней после Полтавской битвы их отпустили обратно домой и только около двух тысяч отправили в Ливонию¹¹⁶. Религия у татар либо магометанская, либо языческая, в чем им не препятствовали царь и его предки.

Религия

Их религия — это восточная, или греческая церковь, только еще более испорченная невежеством и суевериями.

Картины

Они думают выполнить вторую заповедь тем, что не допускают никаких скульптурных изображений, но их церкви полны жалких картин, лишенных оттенков и перспективы, и, однако, некоторые из этих рисунков, как и более изящные, кисти итальянских мастеров, считаются произведениями ангелов, особенно знаменитый образ девы Марии с тремя руками, который хранится в Иерусалимском монастыре примерно в тридцати милях от Москвы¹¹⁷.

Почитание картин

Почитание, выражаемое по отношению к этим картинам, — грубейший вид идолопоклонства, и оно составляет основную часть их набожности. Этим картинам они кланяются и крестятся; каждый ребенок имеет своего по-

кровителя-святого, которого ему определяют при крещении, а каждая комната — свою картину-заступника в одном углу, который у русских является почетным местом. Посторонние, входя в дом, отдают дань уважения этой картине, прежде чем приступить к делу или обратить внимание на присутствующих. Все эти изображения называют общим именем — Бог.

Посты

Остальная часть их обрядов заключается в соблюдении постов, которых в году четыре помимо сред и пятниц, и постов очень строгих; в посещении церкви раз в день, если она находится поблизости; в том, чтобы ставить восковые свечи своим святым и часто повторять «Господи, помилуй» без каких-либо размышлений. Из-за войны и частых путешествий их молодых дворян московиты стали менее строго соблюдать посты; сам царь во время всех постов ест мясо в частных домах, но на людях старается не оскорблять религиозных чувств¹¹⁸...

Правление

Правление является абсолютным до последней степени, не ограничено никаким законом или обычаем и зависит лишь от прихотей монарха, которые определяют жизнь и судьбу всех подданных. Обычное приветствие высшей знати царю: «Я твой раб, возьми мою голову»¹¹⁹. Однако те, кто служит, имеют свою долю деспотичной власти, их действия не подлежат обжалованию, все совершается от имени царя, которым они часто злоупотребляют для удовлетворения своей алчности, жажды мести или других низких страстей.

Законы

Для соблюдения правовых норм между частными лицами у них есть писанные законы¹²⁰ и прецеденты, которым московиты обычно следуют, хотя без всякой обязательно-

сти, а их методы достаточно просты и коротки; если бы еще их судьи могли устоять перед соблазном взятки, что редко случается в этой стране...

Администрация

Раньше цари стремились сохранить преклонение своих подданных тем, что появлялись очень редко, лишь на публичных церемониях и службах и с соответствующей случаю торжественностью, тогда как бояре, или ближние советники, распоряжались империей по своему усмотрению. Но нынешний его величество царь преодолел эту формальную зависимость и не упускает случая продемонстрировать их самих и их обычаи перед народом. Чтобы еще больше ослабить древние фамилии, он часто обязывает их детей служить на низших должностях, например, простыми солдатами в его пешей гвардии, и возвышает людей без роду и племени до больших постов.

Бояре

Бояре, или ближние советники, прежде были главной силой всех приказов, или министерств. Окольничие были их помощниками, являясь ближними советниками более низкого ранга, допускавшимся [на церемонии?] только в особых случаях¹²¹.

Думные и дьяки

Думные являются судьями на всех процессах, а дьяки — секретарями. Каждый приказ состоял из этих чиновников и имел, независимо один от другого, неограниченное право казнить и миловать, что часто вызывало немалую путаницу. Приказов было свыше 30 для различных сфер жизни или провинций империи¹²², и хотя они до сих пор сохраняются, однако главные чиновники — бояре и окольничие — постепенно упразднялись, а большинство приказов передавалось дьякам, то есть секретарям.

Нынешнему царю тридцать восьмой, год; государь красив, крепкого телосложения и здоровья, но которое в последнее время сильно подорвано вследствие нерегулярного образа жизни и переутомления. Он был подвержен сильным конвульсиям, причиной которых, как говорят, стал яд, подсыпанный ему в юности по приказанию его сестры Софы¹²³; из-за этого он не любил, чтобы на него смотрели, но в последнее время почти избавился от конвульсий. Он чрезвычайно любознателен и трудолюбив и за 10 лет усовершенствовал свою империю больше, чем любой другой смог бы сделать в десятикратно больший срок, и что еще более удивительно — сделал это без какой бы то ни было иностранной помощи, вопреки желанию своего народа, духовенства и главных министров, одной лишь силою своего гения, наблюдательности и собственного примера¹²⁴. Он прошел все ступени должностей в армии — от барабанщика до генерал-лейтенанта, на флоте — от рядового матроса до контр-адмирала, а на своих верфях — от простого плотника до корабельного мастера¹²⁵. Дальнейшие подробности, хотя они и были бы интересны, заняли бы здесь слишком много места. Царь имеет добрый нрав, но очень горяч, правда, мало-помалу научился сдерживать себя, если только вино не подогревает его природной вспыльчивости. Он, безусловно, честолобив, хотя внешне очень скромен; недоверчив к людям, не слишком щепетилен в своих обязательствах и благодарности; жесток при вспышках гнева, нерешителен по размышлению; не кровожаден, но своим характером и расходами близок к крайности¹²⁶. Он любит своих солдат, сведущ в навигации, кораблестроении, фортификация и пиротехнике. Он довольно бегло говорит на голландском, который становится теперь языком двора. Царь живет очень скромно. Будучи в Москве, никогда не располагается во дворце, а поселяется в маленьком деревянном доме,

построенном для него в окрестностях [столицы] как полковника его гвардии. Он не держит ни двора, ни выезда, ни чего-либо иного, отличающего его от обычного офицера, кроме тех случаев, когда появляется на публичных торжествах...

Двор

Двор прежних царей был очень многочисленным и пышным, по торжественным случаям наполнялся боярами, или ближними советниками, со всеми чиновниками каждого приказа, знатью и помещиками, которые должны были появляться при дворе в силу своих почетных титулов и знатности без какого бы то ни было жалования. Например, кравчие, каковых лишь двое из первойшей знати, и эта должность считалась очень почетною; стольники, в обязанности которых входило выполнять различные важные поручения, принимать послов и т.д.; спальники. Носящие эти два последних звания весьма многочисленны, и эти звания переходят от отца к сыну, хотя обычно утверждаются государем. И, наконец, гости, или крупнейшие купцы. Во время публичных празднеств или церемонии все они получали из казны богатое парчовое платье, подбитое мехом, которое возвращали сразу же после выхода. Но нынешний царь совершенно упразднил эти церемонии, не учредив никакого другого двора. Некоторые говорят — из экономии средств во время войны, но причина кроется скорее в особенностях его характера, которому противны подобные условности. На любой церемонии царя сопровождают офицеры его армии и знать без какого-либо соблюдения рангов, что выглядит довольно эффектно.

Фаворит

Фаворит царя Александр Меншиков — очень низкого происхождения. Мальчиком он случайно повстречался царю на улице и за какие-то неудачные ответы¹²⁷ был оп-

ределен в число придворных царя. Начиная с этого шага, Меншиков постепенно вырос в самую могущественную некоронованную особу в Европе; его основным достоинством было усердие и расторопность. Кое-кто полагал, что близость царя и фаворита походила скорее на любовь, чем на дружбу, они часто ссорились и постоянно мирились, хотя любой из этих случаев мог оказаться фатальным, до чего порой бывало недалеко. Меншиков не обладает выдающейся внешностью, он малообразован, так как царь никогда не позволял ему учиться читать и писать, а чересчур стремительное возвышение не оставляло ему времени для наблюдений и приобретения жизненного опыта. От имени царя он пользуется неограниченной властью во всех делах, свои личные страсти ставит выше любых интересов, чем часто противоречит приказам царя, и если доходит до разногласий, обычно старается скрыть предмет спора от своего повелителя. Меншикова не любит простой народ, а еще менее старая знать и высшие офицеры, которые открыто составляют против него заговор, возглавляемый великим адмиралом Апраксиным. Меншиков стал князем Империи в 1706 году, герцогом Ингрийским — в 1707 и фельдмаршалом в 1709. Он лютей враг фельдмаршала Шереметева и часто ставил того на грань падения¹²⁸. Он создал себе двор, как у мелких германских князей, состоящий из гофмейстеров, гофмаршалов, секретарей и т.п., по большей части иностранцев¹²⁹...

Пер. Н. Г. Беспятых.

Текст приводится по изданию: Россия в начале XVIII в. Сочинение Ч. Уитворта. М. АН СССР. 1988.

ЗАПИСКИ ДАТСКОГО ПОСЛАНИКА ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

Могущественнейший всемилостивейший наследственный государь и король¹³⁰.

Всемилоостивейшая инструкция, данная мне вашим королевским величеством (в то время)¹³¹, как (вы) посылали (меня) в качестве чрезвычайного посланника к его царскому величеству, предписывала мне, между прочим, вести в течение моего путешествия исправный дневник и по возвращении в отечество представить оный (вашему королевскому величеству). Всеподданнейше исполняя (сие) всемилостивейшее вашего королевского величества приказание, повергаю ныне этот дневник, веденный мною во время поездки в Россию и обратно, к стопам вашего королевского величества.

Принял он большие размеры по той причине, что я не хотел ограничиться происходившим в России, а записывал равным образом и то, что случалось со мною по пути туда и обратно в других странах.

Если бы я составлял этот труд для удовлетворения моей собственной или чужой любознательности, или если бы я имел в виду посредством печати сделать его (достоянием) всеобщим, (то) я, конечно, прибегнул бы к некоторой осторожности и выключил бы из него те (места), в коих царь и его подданные рисуются в красках малопривлекательных; ибо, если б настоящий дневник дошел до сведения царя, он, я уверен, пожаловался бы на меня вашему королевскому величеству, (обвиняя меня) в намеренном посрамлении русской нации, так что, быть может, за мои труды меня ожидала бы только неприятная награда.

Но дневник этот, как сказано, я писал единственно во исполнение нарочитого всемилостивейшего приказанья вашего королевского величества, а потому я и не колебался отмечать в нем как достойное хулы, так и достойное похвалы: мне казалось непростительным скрывать от вашего королевского величества правду. К тому же для вашего королевского величества, как и для всякого (другого) правителя, весьма важно быть осведомлену об особенностях двора, о населении и условиях того края, куда (посылается) для переговоров (известный) посланник, так как при этом представляется возможность (соображаясь с имеющимися данными) принять те или другие полезные решения, которые в противном случае (приняты) не были бы. Так, я уверен, что если бы до заключения союза с царем ваше королевское величество имели точные сведения о русских (и о том), насколько можно на них положиться, особенно в делах денежных, то сведения эти, без сомнения, послужили бы к немалой пользе и выгоде (для Дании)...

Далее мы процитируем наиболее любопытные места из этого дневника.

1709 год

Апрель

8 апреля их превосходительства тайные советники Отто Краббе и Христиан Сехестед, коим на время отсутствия короля, (отправившегося) путешествовать в Италию, было всемилостивейше поручено управлять (на) общее благо (государством), приказали мне немедленно явиться в королевскую ратушу. Я тотчас же туда отправился и застал (их) там. Они сообщили мне, что получили от короля всемилостивейшее повеление — предложить мне ехать в качестве его чрезвычайного посланника к его царскому величеству...

Подготовка к поездке в Россию заняла продолжительное время. И только в середине июня 1709 года дипломат отправился в путь. Мы не будем давать описание перемещений по территории современных Германии, Польши и Калининградской области Российской Федерации. Отметим лишь, что в Нарву он прибыл в конце августа 1709 года. Это был первый российский город на его пути. Опустим описание официального приема у коменданта крепости Нарва, а сразу перейдем к описанию города и его жителей.

Сентябрь

...7-го. В Нарве я видел многих русских из числа так называемых князей и бояр. (Слово) «князь» нельзя перевести по-датски иначе как «Forste»; тем не менее, в сущности русские князья вовсе не князья и только наследовали (этот) титул от предков, некогда владевших уделами в качестве незначительных государей. Таких князей в России несчетное множество; по созданной их собственным воображением иллюзии и из гордости они желают, чтоб их величали князьями, хотя титул этот так же мало к ним и к их положению пристал, как титул императора (Keyser) к царю, о чем будет сказано в своем месте.

Что касается бояр, то до нынешнего царствования они были в России высшими должностными лицами; в настоящее же время дети прежних бояр сохранили одно свое боярское звание без остальных (преимуществ).

В Нарве подобных князей и бояр великое множество. Относительно их один артиллерийский офицер по имени Коберг рассказал мне (следующее). Когда царь лично участвует в каком-либо походе, то в предупреждение мятежа рассылает (рассеянных) по всей России князей и важнейших лиц, в которых не уверен, в Петербург и в иные места, подальше от их имений, чтоб быть уверену, что в его отсутствие они не составят заговора и не возмутят против него народа. По моему мнению, в России князья то же, что в Англии лорды.

Из многих лютеранских священников, живших в Нарве до взятия города царем, теперь остался только один, именно Генрих Брюнинк, благообразный ученый человек. Из (гражданских же) властей остался лишь один бургомистр Христиан Гётте.

Богослужение происходит в ратуше, так как обе лютеранские церкви, из коих одна называлась немецкою, а другая шведскою, отняты у жителей русскими. (Лютеранская) община невелика, человек в 200; (состоит она) преимущественно из простых ремесленников, ибо прочие (жители), обвиненные пред государем в тайной переписке с царскими врагами, уведены и расселены по разным местам России: в Вологду, Астрахань, Казань, Псков. Хотя в данном случае они и не были чисты, как ангелы, однако понесли более тяжкое наказание, чем заслужили. Немало виноваты в этом как местные, так и иностранные и (в том числе?) немецкие офицеры, (добивавшиеся) выселения нарвских жителей в расчете обогатиться их имуществом, которое стало бы добычею (офицеров) в тех случаях, когда (жители) не могли бы взять его с собою; поэтому-то жителей увели (всего) через восемь дней после оповещения о выселении.

9-го. Осмотрел обе городские церкви. Прежде в них совершалось богослужение по Аугсбургскому исповеданию; в настоящее же время по приказанию царя они освящены русскими священниками, совершающими в них (ныне) богослужение по (обрядам) греческой веры. Как мне сообщали, сначала только одна церковь была передана русским священникам, другую же царь охотно бы оставил за местными жителями; но по проискам генерал-фельдмаршала немца Огильви, который во время взятия Нарвы¹³² находился на службе у царя, была отнята у них и другая церковь. Русские, собственно, не нуждались в ней, но, будучи католиком и ненавистником лютеранской веры, (Огильви) полагал, что если только отымет церковь у жителей, то со временем достигнет обращения ее в ка-

толическую. (Однако) план его не удался: он вскоре оставил службу у царя, и полтора года спустя церковь обращена была в православную. Тем не менее, богослужение совершается лишь в одной из церквей, другая же пустует.

Мне передавали также, что русские под предлогом того, что у них в (самых) церквях хоронить не дозволяется, выкопали с целью грабежа все мертвые тела как внутри церкви, так и вокруг нее¹³³. В гробах они искали серебра и денег. Таким образом, по взятии города улицы повсюду были полны покойников и гробов. (Жители) уносили тела своих друзей и знакомых и погребали их за городом, а тех (мертвецов), о которых никто не заботился, русские бросали в реку, протекающую под городом.

10-го. Прибыли сюда из Петербурга два полка пехоты и один полк драгун; этими тремя полками командовали два немецких полковника, а именно von Felsen и Буш (Busk), и один русский полковник. Солдаты означенных полков были одеты в мундиры французского (образца), так как по всей России русское платье упразднено и заменено французским. Чтобы успешнее ввести эту реформу, царь велел повсюду в общественных местах прибить объявление о том, как должно быть сшито упомянутое платье, и приказал, чтобы всякого, кто войдет или выйдет из городских ворот в обычном длиннополом русском наряде, хватали, становили на колени и обрезали на нем платье так, чтоб оно доставало ему до колен и походило бы на французское. (Исполнялось это) особыми приказными. Царь велел также у всех городских ворот вывесить для образчика выкройку французского платья, которою русские имели руководствоваться, заказывая себе одежду.

Мне равным образом сообщали, что царь запретил всем русским, за исключением крестьян, отпускать себе бороду. До него в России, как в высшем, так и в низшем сословиях, было в обычае носить длинную бороду. Кто в настоящее время желает ее носить, тот должен платить с нее царю ежегодную пошлину в 10, 20 (и) даже 100 рубл., смотря по соглашению с царскими придворными.

Я осмотрел городские валы и старую крепость, находящуюся внутри теперешних укреплений и городских валаов. Высокие стены ее, построенные на старинный лад, не могут служить надежною защитой. Мне указывали место, где русские сделали приступ, когда брали город. Генерал-майору¹³⁴, командовавшему городским (гарнизон), жители ставили в вину его пренебрежение к русским и то, что он не стрелял по ним до тех пор, пока они не подвели траншей под (самую) крепость. При взятии города комендант Горн оплошал тем, что не рассчитывал, что неприятель пойдет на приступ раньше ночи, и ввиду этого выпустил на отдых большую часть гарнизона. Но царь приказал штурмовать среди дня, и люди его овладели валами менее, чем в час с четвертью. Когда коменданта на его дому уведомили, что русские уже в городе, у него даже не случилось под рукою барабанщика, который мог бы пробить к перемирию. Царь был так разгневан (прежними) насмешливыми и высокомерными ответами коменданта на его требования сдать город, что, придя к нему, собственноручно избил его по лицу до синяков и велел посадить в острог, (где он и находился до тех пор), пока его не перевезли в Вологду и затем в Москву. Обрадованный столь быстрым и успешным взятием города, царь приказал щадить жителей; но все же (русские) солдаты из рвения и кровожадности погубили многих, несмотря на то, что сам царь делал все, что мог, чтобы помешать кровопролитию, и собственноручно зарубил многих своих людей, послушавшихся его повеления. Войдя в дом к бургомистру Христиану Гетте, он показал (этому последнему) свои окровавленные руки и сказал, что то кровь не его (бургомистра) горожан, а собственных его (царя) солдат, которых он убил, застигнув их нарушающими его приказание щадить жителей. Равным образом, увидав в одном месте несколько убитых горожан, царь поднял руки к небу и молвил: «В их крови я неповинен!».

12-го. Я послал к коменданту (просить) дров, в которых испытывал недостаток. В ответ он велел мне сказать, что не может отпускать мне дрова в большем количестве, (чем теперь), до получения (на этот предмет) дальнейших приказаний, ввиду чего я должен был покупать (их) для своего дома на свой счет. Уже и тут начала проявляться та русская скарედность и мелочность, с которыми впоследствии я хорошо ознакомился.

Во многих случаях мне приходилось убеждаться, что между немецкими и русскими офицерами (царит) большой разлад: русские следят исподтишка за всеми словами и действиями немцев, ища (уличить) их в чем-либо неблаговидном, так что здесь немецким офицерам приходится вести себя столь же осторожно, как если бы они жили в Венеции.

Как сказано выше, комендант Нарвы был человек весьма высокомерный и гордый; произведен он в полковники и (назначен) комендантом, не бывши до того на войне. У него в доме я часто видал, как обер-офицеры и даже майоры не только наливали ему (вина) и подавали пить, но и служили за его стулом, как если бы были его холопами...

Кладбищем для нарвских жителей служит сад, расположенный неподалеку от вышеупомянутого двора, ибо русские не позволяют горожанам хоронить покойников ни на церковном дворе, ни в самой церкви; впрочем, в церквах (хоронить мертвых) не дозволяется и самим русским.

13-го. В Нарву из Пскова и Смоленска прибыло более 20 000 мешков сухарей для солдат; ожидали также около 10 000 малых одноконных крестьянских подвод, имеющих следовать за армиею. Достойно удивления, но при этом (вполне) достоверно, что когда в той или другой крепости производятся какие-либо особенные работы или предпринимается поход, окрестным крестьянам за 50 и (даже) за 150 миль в окружности велят выезжать, каждому с подводой, на работу; при этом за свои труды они ничего другого не получают, кроме хлеба, каковым и довольст-

вуются. (Вообще) крестьяне, равно как и солдаты, вполне довольны, когда имеют хлеб и чеснок, да порою немного муки, разведенной в горячей воде. Если у крестьянина падет лошадь, сам он все же остается на работе впредь до ее окончания или до смены его другим крестьянином, чего иной раз не случится и в течение целого года. Если умрет крестьянин, то и тогда беда невелика, так как край населен густо, по той причине, что парни вступают в брак 16-ти, а девушки 14-ти, иногда и 12-ти лет; таким образом, в 50 лет человеку нередко случается видеть своих правнуков, и когда крестьянин умирает, всегда есть кому заменить его в хозяйстве...

19-го. Прибыл сюда из Петербурга генерал-адмирал Феодор Матвеевич Апраксин, встреченный с вала салютом из 51 орудия. Сестра его¹³⁵, ныне вдовствующая царица, была замужем за покойным братом царя...

20-го. Я (долго) сидел дома, ожидая первого визита генерал-адмирала; наконец увидел, что он не намерен его сделать. Однако так как для пользы королевской службы мне необходимо было получить сведения, где настичь царя, чтобы продолжать мое путешествие, и я полагал, что (генерал-адмирал) в состоянии лучше, чем кто-либо, сообщить мне эти сведения, коих я ни от кого еще не мог добиться, то я передал ему чрез секретаря миссии Фалька, что мне хорошо известно (правило), принятое в Дании относительно первого визита, но что я не знаю, как поступают в подобных случаях в России, и что так как я весьма желаю говорить с ним, то предоставляю ему самому назначить удобные для него час и место для первого нашего свидания, причем, впрочем, надеюсь, что он поступит относительно меня не иначе, чем как принято поступать в России с посланниками других коронованных особ.

(Генерал-адмирал) велел отвечать, что он несведущ во всех этих церемониях, (но) что, так как здесь оба мы чужие и проезжие, (не) все (ли) равно, где нам свидеться, (а потому), если мне удобно, и я хочу сделать ему честь прийти к нему, он будет мне очень рад.

Я тотчас же пошел к нему, и так как кушанье стояло у него на столе, то он предложил мне отобедать. Я согласился, (но) такого плохого обеда мне никогда в жизни еще не приходилось есть, ибо по случаю постного дня на столе ничего не было, кроме рыбы: осетрины, стерляди и других неизвестных в Дании пород, воняющих ворванью. Вдобавок все яства были присыпаны перцем и (крошеным) луком. В числе других кушаний был суп, сваренный из пива, уксуса, мелко накрошенного лука и перца. За столом, согласно русскому обычаю, всякая (заставная) чаша наливалась иным напитком и в другого рода стаканы. В особенном ходу был напиток, называемый «астраханским пивом» и выдаваемый за (виноградное) вино, на самом же деле сваренный из меда и перцовки. Люди, знакомые с местными обычаями, уверяли меня, что напиток этот варится с табаком...

За тем же (обедом) в гостях у генерал-адмирала был один сибирский принц¹³⁶, называвшийся царевичем, подобно сыну царя. Звали его так потому, что предки его, прежде чем подпали под русское владычество, были царями в Сибири. Царевича этого царь постоянно возит на свой счет (по России), путешествуя с ним сам или (заставляя его путешествовать) с другими (sic) своими главными министрами. (Делает он это) частью из сострадания, частью (из опасения), как бы (сибирский царевич) не попал обратно на родину, не произвел там восстания и (вообще) не стремился вернуть себе значение и власть предков¹³⁷.

22-го. Комендант позвал меня обедать. (На его обеде) присутствовали также генерал-адмирал и другие важнейшие должностные лица. Тут я познакомился (еще) с одним русским обычаем: жена хозяина, одетая во французское платье, стояла посреди комнаты, неподвижная и прямая, как столб; мне сказали, чтоб я, по обычаю страны, поцеловал ее, и я исполнил это. Затем она подносила мне и другим гостям водку на тарелке, шаркала, как мужчина, и принимала обратно пустую чару...

27-го. Комендант прислал сказать приставленному к моим дверям караулу, что мои люди как по городу, так и за городом должны ходить не иначе, как в сопровождении одного солдата. (Приказ этот был отдан) под предлогом их охраны от насилия со стороны пьяных и (другой) сволочи. Под тем же предлогом комендант приказал, чтоб и сам я предупреждал его о моих выездах. Но истинною причиной (подобного распоряжения) были его высокомерие и подозрительность, а также, без сомнения, любопытство; ибо таким путем он рассчитывал выведывать чрез солдат, какие поручения были даваемы моим людям, и что я (сам) предпринимал. Солдаты его в точности исполняли его приказание, так что (по улицам) я всегда ходил как пленник. Не видя другого исхода, я вынужден был письменно жаловаться генерал-адмиралу на такую невежливость со стороны коменданта, равно как и на неприличное его отношение ко мне во всем прочем. (При этом) я требовал той свободы, которою во всех (странах) мира пользуются посланники, (требовал) права (свободно) выходить из дому и возвращаться (домой), когда я хочу, не спрашиваясь у коменданта; просил также (генерал-адмирала), чтобы он своею властью разрешал те и другие спорные вопросы между мною и комендантом и оказал бы равным образом содействие относительно выдачи мне по праву (суточных) денег, дров, свечей и воды (согласно договору, заключенному между его величеством королем и царем). Вследствие (таковой моей жалобы) генерал-адмирал приказал отменить конвоирование меня солдатами, но комендант за этот причиненный мне срам не понес никакого наказания. Ввиду моего требования мне стали также выдавать (суточные) деньги, дрова, свечи (и) воду, однако всякий раз не иначе, как после частых обсылок и долгого выпрашивания. (Что касается) выдачи денег, (то она) всегда производилась копейками, причем среди последних нередко попадались фальшивые, а то и (самый) счет был неверен. Ригсдалеров *in natura* я никогда не по-

лучал. И несмотря (на все это), я постоянно должен был делать подарки (лицам), приносившим мне мое положенное скромное содержание. Следует вдобавок отметить, что как в Нарве, так впоследствии и в (самой) России русские при выдаче мне денег всегда намеренно меня обсчитывали в свою пользу. Если, бывало, их проверишь, они сосчитают снова и говорят, что счет верен. (Проделывают они это) хоть десять раз кряду и до тех пор изводят получающего (деньги), пока ему не надоест их проверять и он не помирится (на обмане). За каждый следуемый мне ригсдалер (in) specie я получал только по 80 копеек...

Октябрь

3-го. Обедал у обер-коменданта Нарышкина. Тут мы свиделись с ним в первый раз. Заключение о его гордости, которое я вывел из упомянутых его обылок, оправдалось, ибо он не только не встретил меня в дверях, но и в горнице не сделал двух шагов в мою сторону, чтоб поздороваться со мною, и если б я первый ему не поклонился, он, мне кажется, и по сие время не решился бы ни на какое приветствие...

Мне рассказывали, что в большинстве (случаев) генералы (русской) армии уполномочены царем назначать в подведомственные им части оной обер-офицеров: капитанов, майоров до подполковников включительно. Последствием такого (порядка вещей) является большое послушание и покорность со стороны офицеров к генералам, в руках которых находится вся их карьера. Поэтому когда офицеры приходят к генералу, то падают пред ним ниц на землю, наливают ему (вина) и (вообще) служат ему, как лакеи.

Относительно здешних поклонов наблюдается, что когда русский хочет выказать какому-либо важному лицу наибольшую (степень) почтения, то падает (пред ним) ниц следующим образом: становится на правое колено, упирается руками в землю и так сильно стучается лбом об пол, что можно явственно слышать (удары). О таких покло-

нах часто упоминается в (Священном) Писании: «молиться, пав на лицо свое». При менее почтительном поклоне русские становятся на правое колено и кладут на пол правую ладонь, вообще же, приветствуя какого-либо (боярина), кланяются так низко, что правой рукой дотрагиваются до земли...

6-го. Был в гостях у коменданта. Обед был подобен вышеописанным русским обедам. Особенность его заключалась (разве) в том, что на нем, как я в тот раз заметил, было подано множество совершенно сухих и подгорелых жарких, (лежавших) безо всякого под ними соуса на больших отчищенных, блестящих блюдах, притом на каждом блюде (кушанья) было очень мало.

За такими обедами хуже всего то, что русские принуждают друг друга пить сверх меры, так что почти невозможно урваться с их (обеда), не напившись через край, и это за здоровье и на продление жизни^{138!}..

Следует заметить, что в России есть секта схизматиков, называемых раскольниками. (Они) совершенно отстраняют себя от прочих русских, избегая всякого общения с ними. Некоторое время (раскольников) жестоко преследовали; так, многие из них были сожжены либо выселены; но теперь гонение (на них) прекратилось. Раскол их заключается главным образом в том, что они никогда не едят и не пьют с другими русскими, считают смертным грехом брить бороду и волосы (на голове) и крестятся тремя первыми пальцами (*sic*), каковой способ (креститься), по их словам, сохранился (у них) от времен Христа, который, равно как и ветхозаветные патриархи, (складывал так персты) при благословении. Остальные русские, когда крестятся, соединяют большой палец, безымянный и мизинец...

15-го. Рано утром посетил я адмиралтейц-советника Кикина, остановившегося на царском подворье в Нарве. В тот же день у меня обедали генерал-адмирал, генерал-майор Брюс, Кикин, (оба) коменданта, старший и младший, и несколько человек офицеров.

Здесь на пирах в обычае угощать на славу не только званых гостей, но и слуг их, приводимых ими с собою в большом числе. Если же последних хорошо не примешь и не употчуешь, не накормишь и не напоишь через (край), то (добрый прием), оказанный их господам, идет не в счет. Таким образом в России оправдывается датская пословица, что «пир должна хвалить прислуга».

За этим (моим) обедом у меня украли серебряный нож, что я отмечаю единственно ввиду приводимого ниже примера строгости здешних наказаний, постигающих виновных за малейшие их проступки...

Когда в (Нарвской) крепости генерал-адмирал, обер-комендант или генерал-майор Брюс выходили (из дому), то не только при [69] собственных их караулах (ибо каждый имеет у дверей караул по меньшей мере из 20 человек), но и при всех (тех) караулах, мимо которых они проходили, били в барабаны — (почесть), оказываемая в Дании только (особам) королевского дома...

17-го. ...Украденный у меня серебряный нож нашелся у одного из комендантовых слуг. Вора заставили самого принести мне нож обратно и наказали батогами. Комендант прислал его ко мне с двумя профосами, чтоб показать, как окарнали ему спину за таковое воровство, и при этом просил, чтобы я велел его бить еще, сколько пожелаю, хоть до смерти. Но так как ему уже и без того досталось довольно, я не захотел (наказывать его вторично). (Однако) немалого труда стоило мне уговорить профосов не бить его больше; (ибо), по их словам, они получили на то приказание от коменданта...

19-го. ... Как сообщил (мне) здешний пастор Гейнрих Брюнинг, когда произошла битва под Полтавою и получены были подробные о ней сведения, комендант не только приказал ему начать в следующее воскресенье службу не в 8 часов, как обыкновенно, а в 5, с тем чтобы она отошла прежде, чем начнется служба в русской церкви, и прочесть с проповедной кафедры от слова до слова все сооб-

щение о Полтавской битве с поименованием всех взятых в плен (шведских) офицеров, но и (приказал) лютеранской общине собраться по окончании богослужения в полном составе в русскую церковь, чтобы выслушать то же сообщение по-русски. Сделал он это отчасти чтоб проявить свою власть, отчасти чтоб досадить (нарвским) жителям, которые прежде были шведскими подданными. Исполняя приказание, пастор прочел с кафедры все сообщение о (Полтавской) битве, а также объявил (пастве), что она имеет собраться в русскую церковь, после чего некоторые из лицемерия, другие из страха перед комендантом действительно по окончании проповеди туда отправились. Но сам пастор, по его словам, не пошел...

Ноябрь

(1?). Я заметил, что генерал-адмирал и другие русские сановники (весьма) неравны в соблюдении своей чести и достоинства. В то самое время, как их офицеры, до бригадиров включительно, ухаживают за ними, даже наливают им (вина) и служат, как лакеи, они вдруг (ни с того ни с сего) становятся с ними запанибрата, как с товарищами. Удивительнее (всего), что генерал-адмирал и другие сановники могут от обеда до полуночи курить, пить и играть на деньги¹³⁹ в карты с самыми младшими своими подчиненными — (поведение), которое у нас считалось бы неприличным и для простого капрала. Таким образом, хотя в настоящее время в своем обращении русские и стараются обезьянничать, (подражая) другим нациям, (хотя они и) одеты во французские платья, (хотя) по наружному виду (они) немного и отесаны, тем не менее, внутри их (по-прежнему) сидит мужик.

Генерал-адмирал, если у него есть досуг, охотно спит после обеда. Так, впрочем, поступают и все русские. Зато утром они встают рано и (с утра) принимаются за дело; обедают (тоже) рано, часов в 10, ужинают же редко, ибо, как сказано выше, убивают вечера, куря табак и распивая водку и другие крепкие напитки...

7-го. ... Я заметил уважение, с каким простой народ относится в России к священникам. Встречая их на улице, простолюдины подходят к ним, с большим благоговением наклоняются, целуют у них руку, и когда те осенят их крестным знаменем с лица на грудь, снова целуют у них руку, а (затем уже) идут своею дорогой. Если же русский встречает на улице или в другом месте лицо, занимающее высшее положение, чем он, и хочет с ним поздороваться, то для изъявления вящей покорности снимает правую перчатку, если на нем есть перчатки, и, кланяясь, дотрагивается до земли обнаженной рукой. Как генерал-адмирал, так и обер-комендант были высоки ростом и дородны, что немало усугубляло их природную гордость; ибо у русских высокий рост и дородство считаются как для мужчины, так и для женщины весьма почетным (отличием) и (одним из условий) красоты....

25-го. У русских начался долгий пост, длящийся от нынешнего дня и до Рождества Христова и называемый Филиппово-Яковлевским. В этот (пост), как и во все прочее, никто не должен есть ни мяса, ни всего происходящего от мяса, как-то: молока, сыра, масла, яиц и т. п.; всякий должен, напротив, довольствоваться разными рыбными блюдами, всегда приправленными луком, чесноком, льняным, деревянным и ореховым маслом. При этом кстати заметить, что употребляя подобного рода нечистую, отвратительную пищу, к тому же одеваясь плохо, крайне неопрятно и грязно, в большей части случаев (обходясь) без белья, русские (распространяют) от себя такой скверный, противный запах, что прожив три-четыре дня в каком-либо помещении или комнате, окончательно заражают в них воздух и на долгое время оставляют после себя запах, так что (для иностранца) там нельзя оставаться.

Перед образами, нарисованными на домах или воротах, русские всегда по многу раз кланяются и крестятся. (Но) кроме этих поклонов и крестных знамений, (сопровождаемых) словами «Господи, помилуй», т. е. «Kyrie

elejson», русские (в остальном) так несведущи и тупы по части христианского веро(учения), что у нас трехлетний ребенок, получивший хотя бы некоторое воспитание, имеет (основательнейшее) понятие о своей вере, чем большинство взрослых людей в России. Насколько я могу судить, (здесь) из пяти человек едва ли один сумеет прочитывать «Отче наш»; да и умеющий-то стих прочтет, а стих позабудет. Если же спросить их, сколько (на свете) богов, они станут в тупик; тем менее (могли бы они ответить на вопросы) о личности Христа, Его смерти и заслугах.

Хотя Петрей и другие писатели говорят, будто русские не богохульствуют, тем не менее, клятву «ей-Богу», т. е. «Бог (свидетель), правда», мне уже не раз (случалось) от них слышать¹⁴⁰.

Почти во всей Эстляндии не осталось (лютеранских) священников, церкви же вследствие войны пришли в запустение и покинуты, а потому лица, желающие вступить между собою в брак, стекаются со всего края в Нарву, чтоб обвенчаться у здешнего немецкого пастора Брюнинга. На одном таком венчании я присутствовал. (Происходило оно) в особом доме, который был нарочно устроен (этим) священником для подобных венчаний в его загородном саду, ибо в (самую) Нарву окрестных жителей не впускают. (Жениха и невесту) перед тем, как их венчать, (Брюнинг) подверг испытанию в начальных правилах христианского учения (без такого испытания он никого не венчает, и если, по его мнению, (желающие бракосочетаться) недостаточно подготовлены, он отсылает их домой (не венчанными) впредь до более обстоятельного обучения). При венчании священник обменял на женихе и невесте кольца; последние были подобны железным кольцам-наперсткам, употребляемым в Дании портными. Брюнинг принял их (от венчающихся) и надел им на пальцы. Голова у невесты была не покрыта; волосы она себе остригла, как мужчина, и оставила (не заплетенными); Впрочем, и платье на ней было такое же, как на женихе, однако при ко-

роткой юбке. Молодые эти жительствоваали в 13 милях от Нарвы.

По словам священника, в прошлом году он обвенчал 60 таких пар, пришедших из (окрестностей), а в нынешнем году более 40. Нередко, когда пары не знали начальных (правил христианского учения), (Брюнинг) отсылал их обратно (не венчанными), так как знал, что по собственному побуждению народ не учится Закону Божию...

Вечером 30 ноября в Нарву прибыл Петр Первый.

Декабрь

1-го. По приказанию (царя) я кушал (вместе) с ним у обер-коменданта, где в ответ на мой запрос мне велено было спрятать мою верительную грамоту с тем, чтобы вручить ее только в Москве. Там царь (обещал) дать мне аудиенцию и выслушать мое посольство, здесь же он не имел при себе министра¹⁴¹; а покамест я по распоряжению царя должен был приготовиться следовать за ним с двумя слугами в Петербург, прочих же моих людей и вещи направить другим путем на Новгород, где они должны были встретиться со мною или ждать (моего приезда) для (дальнейшего) следования (со мною) оттуда в Москву. День прошел в попойке; отговорки от (питья) помогали мало; (попойка шла) под оранье, крик, свист и пение шутов, которых называли на смех патриархами. (В числе их) были и два шута-заики, которых царь возил с собою для развлечения; они были весьма забавны, когда (в разговоре) друг с другом заикались, запинаясь и никак не могли высказать друг другу свои мысли. В числе прочих шутов был один по имени князь Шаховской (Jacobskou); звали его кавалером (ордена) Иуды, потому что он носил иногда на груди изображение Иуды на большой серебряной цепи, надевавшейся кругом шеи и весившей 14 фунтов. Царь рассказывал мне, что шут этот — один из умнейших русских людей, но при том обуян мятежным духом: когда

однажды (царь) заговорил с ним о том, как Иуда-предатель продал Спасителя за 30 сребреников, Шаховской возразил, что этого мало, что (за Христа) Иуда должен был взять больше. Тогда в насмешку (Шаховскому) и в наказание за то, что он (как усматривалось) из его слов, казалось, тоже был бы не прочь продать Спасителя, если б Он жил (в настоящее время), только за большую цену, царь тотчас же приказал изготовить вышеупомянутый орден Иуды с изображением сего последнего (в то время), как он (собирается) вешаться.

Все шуты сидели и ели за одним столом с царем. После обеда случилось, между прочим, следующее (происшествие). Со стола еще не было убрано: царь стоя болтал (с кем-то). Вдруг (к нему) подошел один из шутов и намеренно высморкался (*sit venia verbo*), [с позволения сказать], мимо самого лица царя в лицо другому шуту. Впрочем, царь не обратил на это внимания. А другой шут вытер себе лицо и, недолго думая, захватил с блюда на столе целую горсть миног, которыми и бросил в первого шута, однако не попал — тот извернулся... Читателю покажется, пожалуй, удивительным, что подобные вещи происходят в присутствии такого великого государя (как царь) и остаются без наказания и (даже) без выговора. Но удивление пройдет, если примешь в соображение, что русские, будучи народом грубым и неотесанным, не всегда умеют отличать приличное от неприличного и что поэтому царю приходится быть с ними терпеливым в ожидании того времени, когда, подобно прочим народам, они научатся (известной) выдержке. К тому же царь охотно допускает в свое общество разных лиц, и тут-то на обязанности шутов лежит напаять в его присутствии офицеров и других служащих, с тем, чтобы из их пьяных разговоров друг с другом и перебранки он мог незаметно узнавать об их мошеннических проделках и потом отымать у них возможность (воровать) или наказывать их...

В начале декабря дипломат вместе с царем приехал в Петербург, а в конце месяца отправился в Москву.

1710 год

Январь

1-го. Так как в начале настоящей войны, когда шведам случалось брать в плен русских, отнимать у них знамена, штандарты, литавры и пр. или одерживать над ними верх в какой-нибудь маленькой стычке, они всякий раз спешили торжественно нести трофеи и (вести) пленных в Стокгольм, то этим шведы подали его царскому величеству повод действовать так же и относительно их самих. До моего приезда в Россию царь уже (праздновал таким образом) взятие Нарвы, Шлиссельбурга и Дерпта. На (нынешний) же день был назначен выезд по случаю дальнейших побед, дарованных ему Богом, и таким (образом) год начался для меня отрадным зрелищем: я видел, как в Москву вели в триумфе тех шведских генералов и офицеров, (несли те) знамена и штандарты, большая часть которых в 1700 г. была в Зеландии при Хумлебеке¹⁴². Ибо все изменилось¹⁴³ с 8 июля 1709 г., (с того дня), как под Полтавою его величество царь разбил наголову всю армию короля шведского, (при чем) сам король, раненый, едва спасся от плена и бежал в Турцию...

Далее идет описание праздника. Отметим эпизод, свидетелями которого якобы стали сам автор и его коллега — посланник Грунт.

... (и) увидали, (как царь), подъехав к одному простому солдату, несшему шведское знамя, стал безжалостно рубить его обнаженным мечом (и) осыпать ударами, быть может, за то, что тот шел не так, как хотел (царь). Затем царь остановил свою лошадь, но все (продолжал делать) описанные страшные гримасы, вертел головою, кривил рот, заводил глаза, подергивал руками и плечами и дрыгал взад и вперед ногами. Все окружавшие его в ту мину-

ту важнейшие сановники были испуганы этим, и никто не смел к нему подойти, так как (все) видели, что царь сердит и чем-то раздосадован. Наконец к нему подъехал (верхом) его повар Иоганн фон Фельтен и заговорил с ним. Как мне после передавали, вспышка и гнев царя имели причиною то обстоятельство, что в это самое время его любовница или *maitresse* Екатерина Алексеевна рожала и была так плоха, что опасались за (благополучный) исход родов и за ее жизнь¹⁴⁴...

Упомянув о царской любовнице Екатерине Алексеевне, я не могу пройти молчанием историю ее удивительного возвеличения, тем более, что впоследствии она стала законною супругой царя и царицею.

Родилась она от родителей весьма низкого состояния¹⁴⁵ в Лифляндии, в маленьком городе Мариенбурге, милях в шести от Пскова, служила в Дерпте горничною у (местного) суперинтенданта Глюка и во (время своего) нахождения у него помолвилась со шведским капралом Мейером (Mejer)¹⁴⁶. Свадьба их совершилась 14 июля 1704 г., как раз в тот день, как Дерпт достался в руки царю. Когда русские вступали в город, (и) несчастные жители бежали от них в страхе и ужасе, (Екатерина) в полном подвенечном уборе попала (на глаза) одному русскому солдату. Увидав, что она хороша, и сообразив, что он может ее продать (ибо в России продавать людей вещь обыкновенная), солдат силою увел ее с собою в лагерь; однако, продержав ее там несколько часов, он стал бояться, как бы не попасть в ответ, ибо хотя в армии увод силою жителей дело обычное, тем не менее, он воспрещается под страхом смертной казни. Поэтому чтоб избежать зависти, а также угодить своему капитану и со временем быть произведенным в унтер-офицеры, солдат подарил ему (девушку). Капитан принял ее с большою благодарностью, но, (в свою очередь), захотел воспользоваться ее красотою, (чтобы) попасть в милость и стать угодным при дворе, и привел ее к царю, как к любителю женщин, в надежде стяжать этим подарком его милость и быть произведенным в высший (чин). Царю де-

вушка понравилась с первого (взгляда), и чрез несколько дней стало известно, что она сделалась его любовницею. Впрочем, (сначала) она была (у него) в пренебрежении, (и) лишь потом, когда родила ему сына, царь стал все более к ней привязываться. Хотя младенец и умер¹⁴⁷, тем не менее, (Екатерина) продолжала пользоваться большим уважением и (быть) в чести (у царя). Позднее ее перекрестили, и она приняла русскую веру¹⁴⁸. Первоначально она принадлежала к лютеранскому (исповеданию), но, будучи почти ребенком, и потому мало знакомая с христианскою верой и со своим исповеданием, она переменяла веру без особых колебаний. Впоследствии у нее родились от царя две дочери; обе они и теперь живы¹⁴⁹. В свое время и во своем месте будет подробно сказано, как (Екатерина) стала царицею. (Настоящего) ее мужа, с которым она была обвенчана, звали, как сказано, Мейером. С тех пор, (продолжая) состоять на шведской службе, он был произведен в поручики, а потом его, вероятно, подвинули еще выше, так как он все время находился при шведских войсках в Финляндии.

Этот рассказ о (Екатерине) передавали мне в Нарве тамошние жители, хорошо ее знавшие и знакомые со всеми подробностями (ее истории).

8-го. Был у канцлера Головкина, но не застал его дома: он находился в свите царя и (вместе с ним) «славил». Славить — русское слово. Означает оно хвалить. Чтоб объяснить его значение обстоятельно, я должен сообщить следующее.

Обыкновенно от Рождества и до Крещения¹⁵⁰ царь со знатнейшими своими сановниками, офицерами, боярами, дьяками¹⁵¹, шутами, конюхами и слугами разъезжает по Москве и «славит» у важнейших лиц, т. е. поет различные песни, сначала духовные, а потом шутовские и застольные. Огромным роем налетает (компания) из нескольких сот человек в дома купцов, князей и других важных лиц, где по-скотски обжирается и через меру пьет, причем многие допиваются до болезней и даже до смерти. В нынешнем году (царь и его свита) славили, между прочим, и

у князя Меншикова, где по всем помещениям (расставлены) были открытые бочки с пивом и водкою, так что всякий мог пить сколько ему угодно. Никто себя и не заставлял просить: все напились как свиньи. (Предвидя) это, князь, по весьма распространенному на русских пирах обычаю, велел устлать полы во всех горницах и залах толстым (слоем) сена, дабы по уходе пьяных гостей можно было с большим удобством убрать их нечистоты, блевотину и мочу. В каждом (доме), где (собрание) «славит», царь и важнейшие лица его свиты получают подарки. Во все время, пока длится «слава», в той части города, которая находится поблизости от (домов), где предполагается славить, для славящих, как для целых рот пехоты, отводятся квартиры, дабы каждое утро все они находились под рукою для новых (подвигов). Когда они выславят один край города, квартиры их переносятся в другой, в котором они намерены продолжать славить. Пока продолжается «слава», сколько ни хлопочи, никак не добьешься свидания ни с царем, ни с кем-либо из (его) сановников. Они не любят, чтоб к ним в это время приходили иностранцы и были (свидетелями) подобного их (временного) пребывания. Как мне говорили, «слава» ведет свое начало от обычая древнегреческой церкви собираться вместе на Рождество и, отдаваясь веселью, петь «Слава в вышних Богу» в воспоминание того, как рождению Христа радовались пастухи в поле. Обычай этот перешел в русскую и другие греческие церкви, (но) впоследствии выродился, подобно большей части божественных обычаев и обрядов, в суетное и кощунственное пение вперемешку духовных и застольных песен, в кутеж, пьянство и (всякие) оргии...

Февраль

5-го. Царь катался по Немецкой слободе. Он велел привязать друг к другу 50 с лишком незапряженных саней и лишь в передние, в которых сидел сам, (приказал) запрячь десять лошадей; в остальных (саях) размести-

лись) важнейшие русские сановники. Забавно было видеть, как, огибая угловые дома, (сани) раскатывались, и то тот, то другой (седок) опрокидывался. Едва успеют подобрать упавших, как у следующего углового дома опять вывалятся (человек) десять, двенадцать, а то и больше. Царь любил устраивать подобного рода комедии — даже, как сказано выше, и тогда, когда занят самыми важными делами, которыми между тем ведает один, ибо как на суше, так и на море должен сам все делать и всем распоряжаться, притом (решать) и текущие государственные вопросы. Что же касается его невежественных, грубых подданных, то от них (царь) имеет мало помощи, зато лично одарен столь совершенным и высоким умом и познаниями, что один может управлять всем...

17-го. Царь, само(лично) прибыв ко мне на дом в сопровождении московского коменданта князя Гагарина, сообщил (мне), что по известиям, которые привез ему из Турции гонец, мир, заключенный между ним и турецким императором¹⁵², продолжен еще на 20 лет сверх (срока), определенного трактатом...

В тот же день я узнал о смерти князя Луки Долгорукова, сын коего и поныне состоит царским послом в Дании. (Умер он) при следующих обстоятельствах. Накануне вечером он был в Преображенской слободе (в гостях) у царя, и там ему предложили выпить большой кубок вина. Но, будучи трезвым (от природы) и имея более 70 лет от роду, к тому же женившись всего за 4 дня тому назад, князь решился вылить часть (кубка), чтоб не быть вынужденным выпить его (весь). Узнав о том, царь велел ему выпить стакан водки размером, как уверяют, в полтора пэля. Лишь только (Долгоруков) выпил (этот стакан), ноги у него подкосились, он лишился чувств и в обмороке был вынесен в другую комнату; там он через час и скончался. Говорят, смерть (его) весьма опечалила царя, но ввиду полученной на следующий день упомянутой радостной вести о продолжении мира с турками горе было изобильно залито добрым венгерским вином.

Март

2-го. Последний день масленицы. Масленица служит подготовительною неделей к следующему (за нею) Великому посту. Посредством тщательных расспросов мне удалось собрать сведения обо всех особенностях этого поста. (Сведения эти) нижеследующие.

Начинается пост с воскресенья, называемого в Дании Fastelavns Songad. Неделю, известную у нас под именем Fastelavns uuge, русские, как сказано, называют масленицею и в течение (этой недели) едят яйца, масло, сыр, молоко, а также рыбу, но ни мяса, ни свинины (не употребляют). По-русски это зовется лихоядением, т. е. лакомлением. Всю (масленицу) русские пьют, катаются и разъезжают человек по десяти, по двенадцати в одних санях, мужчины и женщины попеременно, гонят (лошадей), гикают, кричат, орут, шумят, поют песни, (и все это) среди улицы, так что ввиду разбойников и пьяных опасно выйти за ворота. На (масленице) русские ездят (также) к своим друзьям и знакомым и грустно прощаются с ними, словно перед смертью; впрочем, многие по причине строгого поста и воздержания на самом деле подвергают свою жизнь опасности; иные же (прощаются) ввиду прекращения на все время поста всяких удовольствий и сношений, что представляет немалое огорчение для людей, столь преданных пьянству как (русские). К концу (масленицы), в последний ее день, т. е. сегодня, (русские) прощаются друг с другом со стенанием и плачем, так что вчуже жалко на них смотреть.

Следующая за тем неделя — первая неделя поста — называется сухоядением; в (течение) ее употребляется лишь сухая, холодная и невареная пища, как-то хлеб и лук, (а) крепкие напитки возбраняются, за исключением одного только кваса. Квас — это жидкое невкусное сусло. Первый день (поста) некоторые русские называют рот выполоскать. В следующие за тем четыре недели поста, до Вербного воскресенья, русские едят рыбу и всякого рода

вареную пищу, кроме (кушаний) из молока, масла, яиц и мяса, и яства свои приправляют растительными маслами вместо коровьего. На Вербной неделе, т. е. на страстной (sic), опять, как и на первой неделе, сухоядение: едят одну сухую, холодную и невареную пищу.

Монахами пост и воздержание соблюдаются в (Великий) пост гораздо строже. Так как мясо возбраняется им и в (скоромные) дни, то в течение всего поста они не смеют вкушать и рыбы; иначе пост (этот) не отличался бы для них от их (всегдашнего) поста. Но в (эти) дни они, (собственно), должны соблюдать воздержание строже, чем миряне, поэтому-то пост их строже, (именно) в том, что им, как сказано, воспрещается даже есть рыбу, а в обе недели сухоядения они не могут употреблять в пищу ничего согретого на огне и едят только хлеб, лук, коренья, грибы и прочие дикорастущие земные произведения. В течение четырех (sic) средних недель поста, когда (остальным) русским разрешается рыба, монахи должны довольствоваться отварным на воде горохом, кашею, (сваренною) на воде (же), размазнею, кислую капустой и отварными грибами. Однако на Благовещение, всегда приходящееся Великим постом, а также в Вербное воскресенье рыба разрешается и монахам.

Пост этот русские повсюду соблюдают весьма строго и неуклонно; исключение (составляют) лишь немногие из них, поумневшие в нынешнее царствование настолько, что они следуют в этом (отношении) обычаям иностранцев и не считают грехом есть, что случится. Таковы (сам) царь, князь Меншиков, адмиралтейц-советник Кикин и некоторые царские придворные.

Тут кстати заметить, что вменяя себе в долг совести предпочтительно пред исполнением прочих заповедей Господних строго соблюдать (Великий) пост, русские к концу его имеют такой плохой вид, что похожи на (людей) полумертвых, и так тощат и слабеют, что один (не постившийся) человек легко побьет четверых (постивших-

ся). Оно и не удивительно, если (принять во внимание, что) русские столь долгое время поддерживают жизнь пищею, едва пригодною для прокормления собаки.

В пятницу, на пятый день второй недели поста, всякий русский должен пойти в церковь и сделать 500 земных поклонов...

10-го. В России право держать кабаки с продажей пива, вина, водки, меда и других крепких напитков имеют лишь лица, уполномоченные на то царем. Содержатели кабаков принимают товар от царя или от лица, откупившего у него кабаки, и отдают в этом товаре отчет (царю или откупщику), как у нас в (Дании) трактирные служители своим хозяевам. Нынче положение это подтверждено новыми, более строгими правилами, в силу которых (между прочим) откупщик кабаков будет ежегодно платить царю лишних 60 000 рублей против прежней цены...

В середине марта дипломат поехал, вслед за царем, в Петербург.

28-го — день рождения наследника-царевича (всея) России. По заведенному порядку день этот царь отпраздновал в Петербургском кружале пиром, на котором было от двухсот до трехсот человек, дудевших, свистевших, свистевших, певших, кричавших, кутивших и дымивших в присутствии царя. (Кушанья) подавались исключительно рыбные. Хотя и незванный, я все-таки явился (в кружало), чтоб потолковать с царем о различных предметах, о которых должен был с ним говорить, ибо в России пиры и обеда — самые удобные случаи для улажения дел: тут, за стаканом вина, обсуждаются и решаются все вопросы.

Праздник в тот день прекратился рано, так как царь, по его словам, чувствовал себя нехорошо.

Задавшись мыслью пройти все ступени военной и морской службы и (дослужившись) до (звания) шаутбенахта во флотском арьергарде, царь в нынешнем году ходатайствовал о предоставлении ему командования над бри-

гантинами и малыми судами. (Но) так как царь, во всем подчиняясь старшим офицерам, являлся даже ежедневно за приказаниями и за паролем к вице-адмиралу Корнелиусу Крейцу, ведавшему всеми распоряжениями по флоту в предстоявшем походе под Выборг, (главным) начальником какового (похода) был генерал-адмирал, то (просьба царя) не могла быть удовлетворена до получения вице-адмиралом соизволения на нее от генерал-адмирала. (Соизволение это) наконец пришло. (Вот его) содержание: «По получении сего господин вице-адмирал имеет предоставить командование малыми бригантинами и (малыми) судами ариер-адмиралу дворянину Михайлову (*chevallier de Michaelow*). — Этим именем, принадлежавшим деду царя, называется (его величество)...

30-го. Мало того, что царь любит, чтоб его постоянно звали в гости, (порою) он неожиданно является и сам, без приглашения, для каковых случаев надо всегда иметь в запасе известное (количество) продовольствия и крепких напитков. Сегодня царь явился таким образом без зова ко мне и был весьма весел.

Будучи приглашен к кому-либо или приходя по собственному (побуждению), царь обыкновенно сидит до позднего вечера; тут-то (и) представляется отличный случай болтать с ним о (чем угодно). Не следует, однако, забывать его людей: (их должно) хорошенько накормить и напоить, потому что (царь), когда уходит, сам спрашивает их, давали ли им чего-нибудь. Если они изрядно пьяны, то все в порядке. (Царь) любит также, чтоб при подобных случаях делали его слугам подарки, ибо, получая небольшое жалованье, находящиеся при нем (лица) вынуждены жить от такого рода подачек.

Апрель

1-е. Некоторые из приговоренных к (работам на) галерах преступников, которых в Петербурге насчитывается от 1500 до 2000, и коими заведует (командующий) галерами шаутбенахт, весьма искусно подделали из свин-

ца печать упомянутого шаутбенахта и (подписались) под его руку, (причем в качестве образчика воспользовались печатью и подписью,) находившимися под вывешенным в тюрьме регламентом для заключенных. Затем они изготовили себе несколько фальшивых паспортов, чтоб (с ними) бежать. Но (дело) открылось, и артисты эти были частью повешены, частью (наказаны) кнутом. (Кнут есть особенный бич, сделанный из пергамента и сваренный в молоке. Он до того тверд и остр, что им (можно) рубить, как мечом. Иным осужденным на кнут скручивают назад (руки) и за руки (же), вывихивая их, вздергивают на особого рода виселицу, какие в старину употреблялись и у нас; затем (уже) секут. Это называется «висячим кнутом». При совершении казни палач подбегает к (осужденному) двумя-тремя прыжками и бьет его по спине, каждым ударом рассекая ему тело до костей. Некоторые русские палачи так ловко владеют кнутом, что могут с трех ударов убить человека до смерти. Вообще же после 50 ударов редко кто остается жив). Главным зачинщикам (этого дела) сломали руки и ноги и положили живыми на колеса — зрелище возмутительное и ужасное! Ибо в летнее время люди, (подвергающиеся этой казни), иногда в продолжение четырех-пяти дней лежат живые и болтают друг с другом. Впрочем, зимою, в сильную стужу, — как было и в настоящем случае — мороз прекращает их жизнь в более короткий срок...

12-го. ... Один мой русский знакомый потерял жену и в знак печали отпустил себе бороду. По этому поводу кстати будет заметить, что вообще, когда кто-либо попадает в немилость к царю или теряет близкого дорогого родственника, он в знак горести отпускает бороду, а также перестает заботиться о своем наряде и ничего на себе не меняет...

Май

2-го. Вице-адмирал угощал на своем корабле царя. Пригласил он и меня. (На судне) шла сильная попойка, (и пились) многие (заставные) чаши, из коих одни при-

ветствовались 7-ю, другие 5-ю пушечными выстрелами, а иногда, по знаку вице-адмирала, палили со всех судов, имеющих орудия.

Царь не желает пользоваться (титолом) величества, когда находится на судне, и (требуется, чтобы в это время его называли) просто шаутбенахтом. Всякого ошибившегося в этом (он) немедленно заставляет выпить в наказание большой стакан крепкого вина. Привыкши постоянно величать царя надлежащим титулом, я и другие лица часто обмолвливались, (за что) сверх многих круговых чаш должны были выпить еще и штрафные. При царе находились также люди, которые понуждали гостей пить в промежутках между заздравными (чашами).

Тут, (между прочим, со мною) приключился (следующий случай). Царский ключник (Kellermester) поднес мне большой стакан вина; не зная, как от него отвязаться, я (воспользовался тем, что ключник) стар, неловок, толст, притом обут лишь в туфли, и чтобы уйти от него, вздумал убежать на переднюю (часть) судна, (затем) взбежал на фокванты, где и уселся на месте скрепления их с путьельсвантами. (Но) когда ключник доложил об этом царю, (его величество) полез за мною сам на фокванты, держа в зубах тот стакан, (от которого я только что спасся), уселся рядом со мною, и там, где я рассчитывал найти полную безопасность, мне пришлось выпить не только стакан, принесенный (самим царем), но еще и четыре других стакана. После этого я так захмелел, что мог спуститься вниз лишь с великою опасностью...

4-го. В полдень вице-адмирал сел на судно и тотчас поднял свой флаг. Весь флот немедленно (ответил) приветствием, и с каждого (судна сделано) по семи выстрелов, на которые (вице-адмиральский корабль) отвечал пятью. Лишь только корабль поставил паруса и тронулся с места, крепость отсалютовала ему пятью выстрелами. То же сделала и Адмиралтейская верфь, когда он проходил

мимо нее. (Как той, так и другой), он отвечал пятью же выстрелами. Ибо было наперед условлено, что крепость будет первой, на английский (манер), салютовать (вице-адмиральскому кораблю), когда он пойдет под парусами, а не он ей первым. За (вице-адмиралом) поставили паруса и прочие суда. Каждое салютовало крепости, а затем Адмиралтейской верфи пятью выстрелами, на которые получало от них в ответ по три. (Салюты следовали) один за другим, так что ужасная, не поддающаяся описанию пальба не прекращалась.

Трудно себе представить, какая масса пороху настреливается за пирами, увеселениями, при получении радостных вестей, на торжествах и при салютах, подобных (нынешнему), ибо в России порохом дорожат (столько же), сколько песком, и вряд ли найдешь в Европе государство, где бы его изготовляли в таком количестве, и где бы по качеству и силе он мог сравниться (со здешним)...

Июль

10-го. По русскому (календарю) то был день Петра и Павла. День этот праздновался с таким же торжеством, как годовщина Полтавской битвы. Я вместе с прочими иностранными министрами был зван откушать к князю Меншикову, который в этот день задавал пир. На князе в тот день был небольшой парик, сделанный, по его словам, из волос самого царя, который время от времени стриг их и дарил ему. Князь подарил царю 200 боцманов, которых собрал в одной своей губернии. Все (эти боцманы) были благородного звания и владели крестьянами: (у иного было) 30, (у иного) 40, (у иного) целых 200 душ. (У Меншикова) много ели, (много) пили и (много) стреляли; и разгула, и шума было здесь столько же, сколько на любом крестьянском пиру. Среди обеда внесли цельного жареного быка; жарили его в течение двух дней. Попойку и кутеж мы выносили до 4 ч. утра...

Август

8-го. У меня были в гостях, [обедали] все пребывающие здесь иностранные министры.

В 10 ч. вечера в слободе насупротив, за Невою, произошел пожар; весь базар и суконные лавки, числом с лишком 70, обращены в пепел; на площади не осталось ни одного дома; все, что только могло сгореть, сгорело вплоть до болота, отделяющего базар от прочих домов (слободы). Великим несчастьем было то, что царь, находившийся в этот день в Кроншлоте, сам (на пожаре) не присутствовал. Мне нередко приходилось видеть, как он первым являлся на пожар, привозя в своих санях маленькую пожарную трубу. Он сам (принимает участие) во всех действиях, прилагая руку (ко всему), и так как относительно всего обладает необыкновенным пониманием, то видит сразу, как надо взяться за дело, отдает сообразные приказания, сам (лезет) на самые опасные места, на (крыши) домов, побуждает как знатных, так и простолюдинов тушить огонь, и сам не отступится, пока (пожар) не будет прекращен. Этим (царь) часто предупреждает большие бедствия. Но в его отсутствие (дело происходит совсем иначе). Здешний простой народ равнодушно смотрит на пламя, и ни убеждениями, ни бранью, ни даже деньгами нельзя побудить его принять участие в тушении; он только стережет случай, (как бы что-нибудь) стащить или украсть. (Воровство) случилось и на последнем пожаре; восьмерых солдат и одного крестьянина схватили с поличным. Впоследствии все они приговорены были к повешению. Виселицы, числом четыре, были поставлены по углам выгоревшей площади. (Преступников) привели на место казни, как скотов на бойню; ни священника, ни (иного) духовного (лица) при них не было. Прежде всего без милосердия повесили крестьянина. Перед тем, как лезть на лестницу, (приставленную к виселице), он обернулся в сторону церкви¹⁵³ и трижды перекрестился, сопровождая каждое знамение земным

поклоном; потом три раза перекрестился, когда его сбрасывали с лестницы. Замечательно, что будучи уже сброшен с нее и вися (на воздухе), он еще раз осенил себя крестом (ибо здесь (приговоренным) при повешении рук не связывают). Затем он поднял (было) руку для нового крестного знамения, (но) она (наконец бессильно) упала. Далее (восемь осужденных) солдат попарно метали между собою жребий, потом метали его четверо проигравших, и в конце концов из солдат были повешены только двое. Удивительно, что один из них, будучи сброшен с лестницы и уже вися (на веревке), перекрестился дважды и поднял было руку в третий раз, но уронил ее.

На упомянутом пожаре сгорело, между прочим, множество бочек водки в стоящем поблизости царском кабаке.

Как сказано, кабаки по всей (России) держит царь и получает с них доход. Впрочем, пользуясь известною частью ото всех царских доходов, князь (Меншиков и в этом случае) имеет преимущества: (ему предоставлено) право держать кабаки по всей Ингерманландии. Он и на самом деле держит кружало в Адмиралтейской слободке (под) Петербургом.

Любопытно, что нет ни одной статьи (народных) доходов, которой царь не монополизировал бы и с которой не получал бы своей доли. Так, между прочим, в Петербурге перевозки между островами, из посада в посад царь сдал одному проживающему здесь князю, платящему с них пошлины по 400 рублей в год. Каждая рыболовная сеть, которою бедняк снискивает себе пропитание, и та обложена здесь ежегодным сбором за право ловить рыбу...

13-го. Царь приказал привезти на свой корабль трех дезертиров и велел им при себе метать жребий о виселице. Того, кому жребий вынулся, подняли по приказанию (царя) на веревке к палачу, который в ожидании казни сидел на рее. Удивления достойно, с каким равнодушием относятся (русские) к смерти и как мало боятся ее. После того как (осужденному) прочтут приговор, он перекре-

ститися, скажет «прости» окружающим и без (малейшей) печали бодро идет на (смерть), точно в ней нет ничего горького. Относительно казни этого преступника следует еще заметить, что когда ему (уже) был прочитан приговор, царь велел стоявшему возле (его величества) священнику подойти к осужденному, утешить и напутствовать его. Но священник, (будучи), подобно всем почти духовным (лицам) в России, невежествен и глуп, отвечал, что дело свое он уже сделал, выслушал исповедь и покаяние преступника и отпустил ему грехи, и что теперь ему больше ничего не остается (ни) говорить, ни делать. (Потом) царь еще раза два обращался к священнику с тем же (приказанием), но когда услышал от него прежний отзыв, то грустный отвернулся и стал горько сетовать на низкий (умственный) уровень священников и (прочего) духовенства в (России), ничего не знающего, не понимающего и даже нередко являющегося более невежественным, чем простолюдины, которых, собственно, должно бы учить и наставлять...

20-го. Выписав себе (за некоторое время перед тем) из Дании морем на Архангельск на значительную сумму большое количество вина и других припасов, что обошлось мне очень дорого, я послал за ними (в этот город), отстоящий в 200 милях от Санкт-Петербурга, двух своих людей.

Кто, живя в Москве или Петербурге, хочет иметь что-нибудь порядочное по части вин, водок и других припасов, тот непременно должен каждый год выписывать их (из-за границы). В прежние времена (иностранные) посланники в России пользовались тем преимуществом, что такого рода выписываемые ими (товары) ввозились свободно (и) беспошлинно; но теперь жадность русских возросла настолько, что они оспаривают у посланников право на беспошлинный (ввоз и вступают с ними на этот счет) в продолжительные препирательства.

Хотя после долгих настояний я и добился того, что архангельскому губернатору было приказано свободно

пропустить мои припасы, тем не менее, все было вскрыто и пересмотрено, каковой (образ действия) отнюдь не соответствует льготам и преимуществам, которыми в других городах пользуются (в этом отношении) русские посланники...

Ноябрь

17-го. Новым предлогом для пьянства послужило (то обстоятельство), что князь Меншиков по случаю своего рождения задал праздник для царя, всего его двора и знатных иностранцев. Здесь снова была здоровая выпивка. На пиру этом произошла перебранка между генерал-адмиралом Апраксиным и адмиралтейским советником камергером Кикиным. Генерал-адмирал при царе бросил в Кикина винную бутылкой. (Впрочем), дело на этом окончилось, и никто более о нем не слышал...

19-го. В этот день дул довольно свежий ветер, и царь, как всегда, воспользовался этим случаем, чтоб покататься на своем буере под парусами вверх и вниз по (Неве). (Сегодня) царь встретил на фарватере — и завернул назад — около тридцати шлюпок, которые, вопреки изданному им здесь когда-то положению, шли при благоприятном ветре не под парусами, а на веслах. Лодки, (нарушающие это положение), платят (штраф в размере) 5 рублей с весла. Означенные шлюпки, будучи приведены на веслах обратно (в Петербург), были задержаны, (и с них) за провинность потребовали штраф. На одной из них, шестивесельной, шел вице-канцлер Шафиров; на двух других, десятивесельных, великий канцлер Головкин и его свита. Задержали и мою десятивесельную шлюпку, на которой я послал по делу на тот берег одного из моих людей, и меня пригласили уплатить 50 р. Однако я не пожелал подвергаться (такого рода) налогу и, отговорившись тем, что самого меня в лодке не было, предоставил властям взыскивать штраф с моего квартирмейстера, если он виноват, сам же отвечать за вину другого отказался, — и так-таки ничего не заплатил, несмотря на неоднократные требования.

В этот день в (Петербург) прибыло множество карликов и карлиц, (которых) по приказанию царя собрали со всей России. Их заперли, как скотов, в большую залу на кружале; там они пробыли несколько дней, (страдая) от холода и голода, так как для них ничего не приготовили; питались они только подаванием, которое посылали им из жалости (частные лица). Царь находился (в это время) в отсутствии. По прошествии нескольких дней вернувшись, он осмотрел (карликов) и сам, по личному усмотрению, распределил их между князем Меншиковым, великим (канцлером), вице-канцлером, генерал-адмиралом и другими князьями и боярами, (причем) одному (назначил их) поменьше, другому побольше, смотря по имущественному состоянию каждого. (Лицам этим) он приказал содержать (карликов) до дня свадьбы карлика и карлицы, которые служили при царском дворе. (Эта свадьба) была решена (самим) царем против желания (жениха и невесты). Царь приказал (боярам) роскошно нарядить (доставшихся) им карликов — бывших до того в лохмотьях и полуголыми — в галунные платья, золотые кафтаны и т. п. Ибо, следуя своему всегдашнему правилу, царь (из своего кармана) и на (них) не пожелал израсходовать ни копейки. (Лица), которым было поручено их содержание и обмундировка, расшаркались, поклонились (царю и) без малейших возражений взяли (карликов) к себе.

Эту свадьбу карликов я считаю достойною описания. Произошла (она) следующим образом. 23-го царь назначил эту свадьбу на будущий вторник и с приглашением на нее прислал ко мне двух карликов; приезжали (они) на мое подворье в открытом экипаже.

25-го. Все карлики и гости собрались у царского дома рано утром. Князья и бояре разрядили своих карликов (и привезли) их с собою. (На Неве) было приготовлено множество малых и больших шлюпок. (Общество) переехало на них в крепость, где в (соборе) должно было произойти венчание. Против крепости, на пристани, царь сам рас-

ставил карликов. Жених шел впереди вместе с царем. За ними выступал один из красивейших карликов с маленьким маршальским жезлом в руке; далее (следовали) попарно восемь карликов-шаферов; потом (шла) невеста, (а) по сторонам (ее) те два шафера, что ездили приглашать гостей на свадьбу; за (невестою шли) в семи парах карлицы и наконец, чета за четою, (еще) 35 карликов. Те, которые были старше, некрасивее и рослее, заключали шествие. Таким образом, во всем (карликов и карлиц) я насчитал 62 (души); (впрочем) иные утверждают, (что их было) больше. Все (они) были одеты в прекрасные платья французского (покроя), (но) большая часть, преимущественно из крестьянского сословия и с мужицкими приемами, не умела себя вести, вследствие чего шествие это и (казалось) особенно смешным. В таком порядке (карлики) вошли в крепость. Там (встретил их) поставленный в ружье полк с музыкою и распущенными знаменами; часть его стояла у ворот, другая возле (собора). (Жениха и невесту) обвенчали с соблюдением всех обрядов русского венчания; только за здоровье друг друга (из) стакана с вином (они) не пили и вокруг (аналоя) не плясали. (Церемонии) эти приказал опустить царь, так как очень спешил. Во все время, (пока длилось) венчание, (кругом) слышался подавленный смех и хохот, вследствие чего таинство более напоминало балаганную комедию, чем венчание или (вообще) богослужение. Сам священник вследствие (душившего его) смеха насилу мог выговаривать слова во время службы.

На мой взгляд, всех этих карликов (по их) типу можно было разделить на три группы. Одни напоминали двухлетних детей, (были) красивы и (имели) соразмерные члены; к их (числу) принадлежал жених. Других (можно бы сравнить) с четырехлетними детьми. Если не принимать в расчет их голову, по большей части огромную и безобразную, (то и) они сложены хорошо; к числу их принадлежала невеста. (Наконец), третьи похожи лицом на дряхлых стариков и старух, и если смотреть на (одно их туловище) от

головы и примерно до пояса, то можно с первого взгляда принять их за обыкновенных стариков нормального роста; но когда взглянешь на (их) руки и ноги, то (видишь, что) они так коротки, кривы и косы, что иные (карлики) едва могут ходить.

Из (собора) карлики в том же порядке пошли обратно к своим лодкам, (разместились) в маленькие шлюпки, гости (сели) в свои лодки, и (весь поезд) спустился к дому князя Меншикова, где должен был иметь место свадебный (пир). Там в большой зале было накрыто шесть маленьких овальных столов с миниатюрными тарелками, ложками, ножами и прочими принадлежностями стола; все (было) маленькое и миниатюрное. (Столы) были расставлены овалом. Жених и невеста сидели друг против друга: (она) за верхним, (он) за нижним столом в (той же) зале. (Как) над нею, (так) и над ним было по алому небу, с которого спускалось по зеленому венку. Однако за этими шестью столами все (карлики) поместиться не могли, а потому был накрыт еще один маленький круглый стол, за который посадили самых старых и безобразных. За столом, в сидячем положении, эти последние представлялись людьми вполне развитыми (физически), тогда как (стоя) самый рослый из них оказывался не выше шестилетнего ребенка, хотя на самом деле всякий был старше 20 лет. Кругом залы, вдоль стен, стояли (четыре) стола; за ними спиною к стене и лицом к карликам сидели гости. (Край) столов, обращенный к середине залы, оставили свободным, чтобы всем было видно карликов, сидевших посреди (залы) за упомянутыми маленькими столами. За верхним из (тех) столов, (что стояли) вдоль стен, помещались женщины; за тремя остальными мужчины. Карлики сидели на маленьких деревянных скамейках о трех ножках, с днищем в большую тарелку. Вечером, когда (в залу) внесены были свечи, на столы перед карликами поставили маленькие свечечки в позолоченных точеных деревянных подсвечниках. Позднее, перед началом танцев, семь столов,

за которыми (обедали) карлики, были вынесены, а скамейки, на коих они сидели, были приставлены к (большим) столам. Пока одни карлики танцевали, другие сидели на (скамейках). Приглашенные на эту комедию остались на своих (прежних) местах, за которыми (обедали), и (теперь принялись) смотреть. Тут, собственно, и началась настоящая потеха: (карлики, даже те), которые не только не могли танцевать, но и едва могли ходить, все же должны были танцевать во что бы то ни стало; они то и дело падали, и так как по большей части были пьяны, то, (упав), сами уже не могли встать и в напрасных усилиях подняться долго ползали по полу, (пока наконец) их не поднимали другие карлики. Так как часть карликов напилась, то происходило и много других смехотворных приключений: (так, например), танцуя, они давали карлицам пощечины, если те танцевали не по их вкусу, хватали друг друга за (волосы), бранились и ругались (и т. п.), так что трудно описать смех и шум, (происходивший на этой свадьбе). (Будучи) собственным карликом царя, новобрачный был обучен различным искусствам и сам изготовил для этого дня маленький фейерверк; но в тот вечер умер единственный сын князя Меншикова, поэтому праздник окончился рано, и фейерверк сожжен не был. Карлик этот находился при царе в бою под Полтавою и вообще участвовал с ним в важнейших походах и битвах, ввиду чего царь очень его любил...

Декабрь

4-го. Именины князя Меншикова были отпразднованы пиром и непомерным пьянством. Зван был туда весь двор и все карлики, в том числе новобрачные. За (обедом) сидели в (прежнем) порядке, как на свадьбе карликов 25 ноября...

11-го. День св. Андрея и Андреевский орденский праздник. Торжествовался он пальбою из всех орудий в крепости и на Адмиралтейской верфи. Я поздравил с этим праздником царя. (Кавалеры) ордена (св. Андрея), а имен-

но царь, князь Меншиков, генерал-адмирал Апраксин, посланник Фицтум и великий канцлер, поочередно собирались друг у друга, чтоб есть и пить. У царя (собрались) у последнего. Я же, (выпив) у князя Меншикова и у великого канцлера столько, что большего, казалось, (вместить) не мог, вернулся в 10 ч. вечера домой, чтобы выспаться. Однако в час пополуночи царь, заметив мое отсутствие, снарядил за мною двух (посланцев) с приказанием не отходить от меня (ни на шаг) до тех пор, пока я (за ними) не последую. К тому времени я уже несколько выспался, поэтому (мог) встать и пойти за (ними). Один из посланцев был царский майор Преображенского полка Павел Ягужинский. Как я ни клялся и ни уверял его, что, одевшись, отправлюсь (к царю), (как ни просил его) идти вперед, он все же не посмел меня покинуть и подождал, пока я не оделся, чтоб идти со мною вместе.

Для (инострannого посланника) в России (такого рода) попойки представляют великое бедствие: если (он) в них участвует, то губит свое здоровье; если же устраняется, то становится неугодным царю, не говоря уже о том, что (подобное его отсутствие) вредно (отзывается) на (вопросах) служебных — (на) делах его короля, часть коих приходится вершить на таких собраниях. А спастись от (необходимости) пить (на здешних пирах) невозможно. Нет таких уловок, которых я не придумывал бы, чтобы избавиться от (насильственного) спаивания. Однажды я имел (даже) доверительный (по этому предмету) разговор с царским духовником¹⁵⁴, (которому) обещал уплатить 500 specie-ригсдалеров на постройку монастыря или для другой богоугодной цели по собственному его усмотрению в случае, если ему удастся убедить царя не заставлять меня пить; но я думаю, что он никогда не посмел предложить этого царю. Как-то раз беседа между мною и царем коснулась Библии. Царь с большою похвалою отзывался о великом персидском царе Артаксерксе. Тут, к слову, я сказал (его величеству), что (сам) он своим могуществом, мудростью,

счастьем, (короче), всем подобен царю Агасферу¹⁵⁵, за исключением лишь того, что при дворе последнего на пирах царицы Астинь гостей не принуждали пить больше, чем они сами желали, и предоставляли каждому делать, что он хочет¹⁵⁶. Если б царь завел такой же порядок (в России), прибавил я в заключение, то все стали бы (звать) его русским Агасфером. Но царь ничего на это не отвечал, только милостиво засмеялся и, взяв меня за голову, поцеловал. Нередко (заступалась) за меня и любовница царя, Екатерина Алексеевна, прося, чтоб меня пощадили; но все было напрасно. Случилась однажды (такого рода сцена). Я ходатайствовал пред царем, чтоб он (вообще) не принуждал меня пить, ибо, как он сам видит, пить много я не могу; (ссылался я) и на то, что мое поведение во хмелю внушает опасение, как бы я когда-нибудь не попал в беду или по меньшей мере не навлек на себя царскую немилость. (Но) царь возразил (на это), что никогда не вспоминает о (действиях), совершаемых (людьми) в пьяном виде, и что если я о нем (другого) мнения, то, (стало быть), плохо его знаю. Тогда я попросил, чтоб (царь) хотя бы назначил мне выпивать по моим силам одну меру, (общую) для всех собраний, с тем, чтоб потом меня оставляли в покое. Казалось, царь (готов был) на это согласиться; (он) спросил, сколько же я в состоянии выпить и (какую меру) желал бы (назначить)? «Литр венгерского вина», — отвечал я. Но (царь) потребовал, чтоб я выпивал два (литра): один за его (здоровье), другой за (здоровье) его жены, как он называл стоявшую тут же Екатерину Алексеевну. Тогда я попросил, чтоб (мне) было определено полтора литра, (цельный) за (здоровье) царя и пол(литра) за его любовницу. Последняя говорила, что этого довольно, и предстательствовала за меня пред царем, но он настаивал на своих условиях, (т. е.) на двух литрах. Ввиду этого я в шутку упал на колени, (продолжая) просить (его) сбавить на полтора литра. Но и царь тоже сейчас же упал на колени, говоря, что он так же хорошо и (так же) долго может простоять таким обра-

зом, как и я. После того ни один из нас не захотел встать первым и, стоя (друг перед другом) на коленях, мы выпили по шести или по семи больших стаканов вина; затем я поднялся на ноги полупьяный. Окончательного же решения на (мою) просьбу так и не последовало...

17-го. (Сегодня) русские праздновали Николин день. Базарные лавки были заперты, так что ничего нельзя было купить...

В числе разного рода неудобств здешней (жизни) следует в особенности отметить трудность добывания съестных припасов. Здесь на все большая дороговизна, так как вследствие плохих распоряжений кругом Петербурга страна разорена, (и) в ней ничего нельзя достать. Четверть ржи стоит 6 ригсдалеров, или 4 рубля; ячменный солод (идет) в ту же (цену); овес (продается) по 3 ригсдалера за четверть и т. п., (словом, дорого) все, что нужно для домашнего обихода, — но хуже (всего) то, что порою (иных припасов) вовсе нет в продаже; особенный недостаток испытывался здесь в сене, овсе и дровах.

Хотя дрова и свечи обязан был доставлять мне приказ, тем не менее, на самом деле покупал их я, причем вынужден был не только платить за них (из своего кармана), но и содержать для (их закупки) особого человека.

(В Петербурге) часто нельзя было достать ни пива, ни водки. О красных товарах и говорить нечего: в этом отношении ничего порядочного найти было нельзя.

Так как здесь говорится о дровах, то я, кстати, нахожу нужным сообщить следующее. В силу договора (русские) обязаны были отпускать мне дрова на дом и (лично) заботиться об этих (предметах) я бы собственно не должен. (Такой (порядок) наблюдается и в Дании относительно русского посланника.) Но лишь только я приехал в Москву, (русские приказные) (взамен) дров и свечей (на турую) предложили выдавать мне ежегодно по соглашению (известную сумму) наличными деньгами на покупку означенных припасов, (которую) я должен был (про-

изводить) сам. На (предложение) это я, (однако), отвечал, что желаю придерживаться (прямого смысла) договора. После того приказ (действительно) доставил мне дров на несколько дней, (но) впоследствии я ежедневно посылал просить о (дровах), причем мне отвечали (одними) обещаниями, которые никогда не исполнялись, и в конце концов, чтоб не замерзнуть, я вынужден был сам покупать (топливо). Правда, мне возместили этот расход, но (лишь) после больших хлопот (с моей стороны). Вообще, всего приходилось добиваться с упорством и (претерпевая разные) неприятности. Да и чего (доброе) ждать от людей, у которых обратилось в поговорку, что действуют они, соображаясь только с собственной своею пользой и выгодами, и не хотят обращать внимания на то, хорошо или дурно о них отзываются? Слова эти я не раз выслушивал на конференциях в ответ на мои заявления касательно оценки известных (их) действий чужеземными государями и властителями, незаконность каковых (действий) они сами отрицать не могли и оправдывали только вышеприведенным (своим правилом)...

1711 год

Февраль

8-го. В 9 ч. счастливо и благополучно приехал в Москву (из Петербурга).

9-го. Приехали мои люди и вещи, сделавшие на тех же лошадях без перемен 130 миль от Петербурга до Москвы в 13 дней.

В Москве происходят ужасные разбои и грабежи. Между прочим, случилось следующее. Вечером один из секретарей царской Немецкой канцелярии [Посольского приказа], г. Остерман, прибежал к моим воротам без шапки и стал в них стучаться. (В это время) я преспокойно сидел себе дома. (Оказывается), невдалеке от моего подворья на него и на морского капитана барона Фридриха-Вильгельма фон Виллемовского, а равно на находившихся при них

двух морских солдат, напали так называемые разбойники. (Остерман) сказал, что оставил (Виллемовского) и солдат, окруженных разбойниками. (Тогда) по моему приказанию все мои люди, схватив оружие, (бросились) спасать (Виллемовского). Нашли они его полумертвым и раздетым. Солдаты (были) до такой степени изранены и избиты, что не могли стоять (на ногах). Полумертвых этих людей принесли ко мне на подворье, где мой камердинер, фельдшер по ремеслу, сделал им перевязку. По осмотре (Виллемовского обнаружилось, что) он получил восемь смертельных ран в голову. После того как ему сделали перевязку, он все время находился в забытии и молчал.

Разбойники представляют в Москве истинное бедствие. Выйти вечером на улицу — значит подвергнуть свою жизнь опасности. Зимой без уличных убийств и грабежей не проходит ни одной ночи. Утром на улицах находят трупы ограбленных. Возле (самого) моего подворья и в (ближайших) его окрестностях за время трехмесячного пребывания моего в Москве убито 16 человек, несмотря на то, что я часто высылал стражу, чтоб подстеречь этих злодеев.

На другой день сам царь, прибыв ко мне на дом, посетил умирающего Виллемовского, которому в то время было весьма плохо. Перенести его не представлялось возможности ввиду его состояния, и спустя три дня он наконец умер на моем подворье. Похоронили его через несколько дней. На погребение были званы царь, иностранные посланники и все находящиеся здесь морские офицеры. По принятому в России обычаю всем розданы были золотые кольца стоимостью каждое в 3 рубля. На (кольцах этих, украшенных) черным бантиком, вырезано имя, день рождения и день смерти покойного. (В России участвующим на похоронах раздаются или такие кольца, или серебряные ложки.) (На похоронах) была (тризна) и веселая попойка. За (гробом) мы шли пешком через весь город. Так как хоронили морского офицера, то царь занимал место по (сво-

ему чину) шаутбенахта. Шел (он) слева от генерал-адмирала, тогда как вице-адмирал Крейц шел справа. Этим царь лишний раз показал, как строго он придерживается в качестве шаутбенахта своего ранга. Над могилою (Виллемовского) рота гренадер сделала три залпа...

Март

21-го. Я ездил в Измайлово — двор в 3 верстах от Москвы, где живет царица, вдова царя Ивана Алексеевича, со своими тремя дочерьми, царевнами. (Поехал я к ним) на поклон. При этом случае царевны рассказали мне (следующее). Вечером незадолго перед своим отъездом царь позвал их, (царицу и) сестру свою Наталью Алексеевну в один дом в Преображенскую слободу. Там он взял за руку и поставил перед ними свою любовницу Екатерину Алексеевну. На будущее (время), сказал царь, они должны считать ее законною его женой и русскою царицей. Так как сейчас ввиду безотлагательной необходимости ехать в армию он обвенчаться с нею не может, то увозит ее с собою, чтобы совершить это при случае в более свободное время. При этом царь дал понять, что если он умрет прежде, чем успеет (на ней) жениться, то все же после его смерти они должны будут смотреть на нее как на законную его супругу. После этого все они поздравили (Екатерину Алексеевну) и поцеловали у нее руку. Без сомнения, (история) не представляет другого примера, где бы (женщина) столь низкого происхождения, как (Екатерина), достигла такого величия и сделалась бы женою великого (монарха). Многие полагают, что царь давно бы обвенчался с нею, если бы против этого не восставало духовенство, пока первая его жена была еще жива, ибо (духовенство) полагало, что в монастырь она пошла не по доброй воле, а по принуждению царя; но так как она недавно скончалась¹⁵⁷, то препятствий к исполнению царем его намерения более не оказалось.

Относительно тяжёбных дел в России (можно) заметить (следующее). При предъявлении денежных исков визи-

мается пошлина в размере 10% с исковой суммы, хотя бы впоследствии, при разбирательстве, ответчик доказал, что должен (истцу) гораздо меньше. В случае несостоятельности ответчика эти 10% должен уплатить истец. (Правило) это соблюдается при всякого рода денежных исках, (равно и в исках) об игорных выигрышах и т. п. Пример тому был недавно в Москве: из двух (лиц), игравших друг с другом, одно, которое проиграло, было присуждено к уплате (проигрыша выигравшему) и, сверх того, десяти процентов (с иска) царю. При всякой купле, что бы ни составляло ее предмет — сено ли, жито, дрова, лошади, овес, — с продавца равным образом взимается десятая деньга с их (стоимости), причем все крупные покупки (на сумму) свыше одного рубля записываются в особом определенном на то приказе.

Вообще, как в делах денежных, так и в других отношениях (условия жизни) в (России) ужасно тяжелы, и мы, (датчане), должны благодарить (все)благотворного Создателя за то, что родились в стране, (которую теперь) управляет кроткий и милостивый государь, и где всякий, платя лишь умеренные налоги, мирно, по праву, пользуется своим (достоянием).

Приведу еще несколько ужасных примеров тех страшных насилий и несправедливостей, которые совершаются в (России).

27-го. Несколько важнейших немецких купцов в Москве были (арестованы) в (лютеранской) церкви (быть может, по наветам недоброжелателей) и уведены солдатами при обнаженных шпагах в заключение в приказ. (Поводом к их аресту) послужило лживое и неосновательное заявление одного маленького мальчика-поляка о том, будто бы они вступили в сношение с одним пленным шведским генералом, снабдили его деньгами и способствовали его бегству. Впоследствии (обвинение это) признано было фальшивым, и купцы выпущены на свободу; (но лица), навлекшие на них такой позор, наказания и отмщения не по-

несли. Деяние это было тем ужаснее, что (означенных купцов) вывели из церкви неожиданно, не сказав, за что, движимое их имущество опечатали и отвезли (его) в приказ. Здешние (иностранные) купцы повседневно испытывают такое обращение, и потому достойно крайнего удивления, как (они) решаются поселяться в (России) и доверять тут что-либо кому бы то ни было, когда они ежедневно безо (всякой) вины могут ожидать подобного несчастья, убытков и позора.

Некто Boutenant de Rosenbusk, которого блаженной памяти король Христиан V пожаловал в дворяне и назначил королевско-датским комиссаром в Москву¹⁵⁸, (равным образом) стал жертвою жестокого насилия. Отец его, (родом) голландец, нашел близ одного города, называемого Олонцеком, в местностях, расположенных недалеко одна от другой, (чугунную и медную руду) и, получив (надлежащую) привилегию и разрешение, открыл там на собственный счет с большими затратами два завода, чугунный и медный. Затем он стал, однако, получать значительные барыши. Но вскоре после того, как все устроилось, Rosenbusk-отец умер. (Тогда) привилегия (на заводы) была возобновлена (на имя) его сына, (Бутенанта) де Розенбуска, притом самым формальным образом, за подписью самого царя и за большою Российскою печатью. Однако так как эти заложенные под Олонцеком чугунный и медный заводы давали хороший доход, то алчный князь Меншиков решил завладеть ими: во-первых, они находились в подведомственной ему губернии; во-вторых, у Розенбуска не хватало средств на их содержание, (а) заводы должны были изготовлять разные военные принадлежности. И вот князь Меншиков отобрал заводы себе, отказавшись даже уплатить бедному Бутенанту де Розенбуску (те) 20 000 рублей за поставки с заводов, которые задолжал ему царь. Розенбуск часто ходил к царю в надежде, что заводы будут ему возвращены, (так как) ему легко было бы содержать их, если бы те 20 000 рублей были ему упла-

чены. Хорошо осведомленный о великой несправедливости, которой подвергся этот человек, царь все (обнадеживал) его добрыми обещаниями, (но в сущности) не знал, как ему извернуться и к какой уловке прибегнуть: (с одной стороны), он не (находил) возражений против его законных требований, но с другой — не хотел лишить князя Меншикова (приобретенных им) выгод, так что Розенбуск никогда не получил обратно ни заводов, ни денег. Один (лишь) генерал-адмирал Апраксин из сострадания оказал ему незначительную денежную помощь. И в конце концов (Розенбуск) умер в бедности, удрученный горем.

Очень может быть, что доходами с этих заводов, равно как и с имущества, отнятого князем Меншиковым у многих других лиц, пользуется сам царь. (Вообще) он только прикидывается сторонником законности, и когда совершается (какая-нибудь) несправедливость, князь должен (только) отвлекать на себя ненависть пострадавших. Ибо если бы князь (Меншиков действительно) обладал всем, что в России считается его собственностью, то доходы его достигали бы нескольких миллионов (рублей). (Но на самом деле) невероятно, чтобы такой правитель как царь, крайне нуждающийся в средствах для ведения войны и столь же скупой для самого себя, как какой-нибудь бедняк-простолюдин, решился одарить кого-либо подобным богатством. На вопрос, кто пользуется монополией на (право торговли) царскою рожью и многими другими товарами, вывозимыми морем из Архангельска, всегда слышишь (тот же) ответ: «князь (Меншиков)». (На вопрос), кто пользуется в Москве доходами с того или другого производства (*manufactur*), (всегда слышишь, что) все они принадлежат князю. Короче, все принадлежит ему, так что он (будто бы) властен делать, что ему угодно. А про царя говорят, что (сам) он добр, на князя же падает вина во многих вопросах, в которых он нередко невинен, хотя вообще он и не отличается справедливостью, а во (всем, что относится) до почестей и до наживы, (явля-

ется) ненасытнейшим из существ, когда-либо рожденных женщиною. Когда царь не хочет заплатить заслуженного содержания какому-либо офицеру или (не хочет) оказать ему защиты, (то) говорит, что сам он всего генерал-лейтенант, и направляет (офицера) к фельдмаршалу, князю (Меншикову); (но) когда проситель является к князю, последний уже предупрежден и поступает (так), как ему кажется выгоднее. Если бедняк снова идет к царю, то (его величество) обещается поговорить с (Меншиковым), делает даже вид, что гневается на (князя) за то, что нуждающийся остается без помощи, но все (это одно) притворство. У государя этого есть сей порок, весьма затемняющий его добрую славу. В других отношениях (царь) достоин бесчисленных похвал, (а) именно, (можно про него сказать), что он храбр, рассудителен, благочестив, поклонник наук, трудолюбив, прилежен и поистине неутомим. Но когда (выдается случай) нажить деньги, (он) забывает все. Испытал это на себе вышеупомянутый (Бутенант де) Розенбуск, (испытал) один полковник-немец von Velsen. Без вины посаженный под арест, (он) был оправдан военным судом, тем не менее, (однако), никогда не мог добиться (ни возвращения ему) полка, ни (уплаты) заслуженного содержания, так что в конце концов вынужден был выбраться из (России) чуть не побираясь. Испытал это и мой пристав, Яков Андреевич¹⁵⁹, у которого князь безо всякой причины, (основываясь) только на «*sie volo, sie jubeo, stat pro ratione voluntas*»¹⁶⁰, отобрал безо всякого за то возмещения большое поместье. Один из попечителей лютеранской церкви в Москве был жертвою подобного (же рода) насилия. (Вновь) избранный шведский священник Штаффенберг, (человек) нехороший и беспокойный, — о нем говорилось выше — легкомысленно проповедовал с кафедры о варварском (будто бы) обращении в Москве со шведскими пленными. И вот упомянутого попечителя сослали в Казань и без суда отобрали его имущество, превышавшее 60 000 рублей, за то (лишь), что он, как старший попе-

читель церкви, не сделал выговора священнику и не донес (о его проповедях). (Самого же Штаффенберга) за такие слова без суда посадили в тюрьму и впоследствии (сослали) в Сибирь. (А) у общины, которая до тех пор самостоятельно, не спрашиваясь царя, управляла (своими) церковными делами, вольность эта отнята, и старшим блюстителем (обеих лютеранских) церквей назначен вице-канцлер Шафиров, имеющий отныне наблюдать за правильным течением (общинных дел), а равно и за тем, чтобы (в церквях) ничего не говорилось против царского величества. (Шафиров должен) также рассмотреть прежние споры, возникшие благодаря беспокойному шведскому священнику, на будущее же время предупреждать (несогласия).

Таким образом, все совершается здесь вне закона и (без) суда. Если на какое-либо должностное лицо, уже успевшее нажиться, донесут его враги или попрекнут его во хмелю несправедливостью либо воровством по должности, то все (имущество) его конфискуется без суда, и он еще счастлив, если избежал кнута и ссылки в Сибирь. Когда такому (лицу) удастся отвратить постигшую его опалу, (сделав подарок) князю (Меншикову) в (размере) 10, 20, 30 тысяч или более рублей, смотря по состоянию, то оно (спасено), ибо тогда уже (дело) не дойдет до разбирательства и суда. В таких случаях (обыкновенно) говорят: «князь взял взятку», — что, (в сущности), действительно нередко бывает, но (из таких взяток) царь, без сомнения, (тоже) получает свою долю, (только) по своей природе действует скрытно, (стараясь) направить (общую) ненависть на князя. (Вообще), мне сообщали столько примеров строгостей и насилий, совершаемых в России в отношении иностранцев и (русских), что на исчисление и пересказ их не хватило бы многих дестей бумаги. Да и нельзя ожидать лучших (порядков) в стране, где важнейшие сановники то и дело повторяют следующее твердо (установленное) правило государственной (мудрости): «Пускай весь мир говорит что хочет, а мы все-таки будем поступать по-своему».

Слова эти я сам нередко слышал из уст здешних министров. Когда на конференции мне (приходилось) доказывать, что известная (мера) возбудит в королеве английской, (в) императоре или (в) другом каком-либо монархе неблагоприятные мысли и суждения о русских порядках, (министры), если не находили другого возражения, пускали в ход вышеприведенную (свою) поговорку. Когда же подобное (правило) пускается в ход, то прекращаются все (доводы), которые мог бы придумать разум...

Апрель

16-го. В Немецкой слободе произошел ужасный пожар, обративший в пепел значительную часть этого предместья и, между прочим, великолепный дворец князя Меншикова. У новой лютеранской церкви (сгорела) крыша, школа же (истреблена) до основания. Когда видишь здесь начинающийся пожар, (становится) страшно: так как почти весь город построен из леса, а пожарные учреждения плохи, то огонь распространяется до тех пор, пока есть чему гореть. На пожар выходят русские священники с (хоругвями), образами, кадилами и другою священной утварью и молятся между пожарищем и (незанявшимися еще) домами, но все напрасно. Простой народ только смотрит (в бездействии) и стережет случай, как бы что-нибудь своровать или стащить. Спасать (имущество) или тушить (огонь) его не побудишь и за деньги. Настоящий пожар после больших усилий остановили наконец тем, что разобрали множество домов под (ветром). Когда (огонь) дошел до (пустого места), то, не находя более (пищи), поневоле погас сам собою...

В начале сентября дипломат вместе с Петром Первым оказался в вольном прусском городе Торн (сейчас это Торунь — город на севере Польши, на берегу реки Висла). Царь последовал дальше, а его будущая супруга и императрица Екатерина Первая осталась в этом городе.

Сентябрь

Оставив в Торне свою будущую супругу Екатерину Алексеевну, царь для ее безопасности расквартировал в (этом) городе значительную часть своей гвардии, т. е. Преображенского полка. Подполковник этой гвардии, генерал-майор князь Долгорукий¹⁶¹, командующий ею в отсутствие царя, отобрал у горожан ключи от городских ворот, (хотя) находится здесь лишь в качестве постороннего и гостя. Таковы обычаи у русских. Каждому русскому солдату город должен был платить по тынфу в день. Тынф равняется приблизительно 18 датским скиллингам. Притом горожане платили за большее число солдат, чем сколько их было на самом деле; излишек шел в карман офицерам. Всякий из офицеров завладел квартирою (и пользовался ею) даром. Так же поступила и сама будущая царица, ко двору которой город должен был сверх того доставлять все нужные припасы и напитки; когда же чего-нибудь — хотя бы самой малости — недоставало, президент и (члены) совета получали выговор, точно были царскими подданными, тогда как (в действительности) они ни к чему обязаны не были, даже могли не впустить к себе русских солдат, (тем более что) превосходные высокие городские стены уцелели: шведы срыли только наружные валы... В числе других насилий, причинявшихся русскими торнским горожанам, было и следующее. Если будущая царица хотела куда-нибудь выехать, город должен был доставлять ей не только упряжных лошадей и экипажи, но и как можно больше верховых лошадей для (ее свиты из) Преображенских солдат, увеличивавших (таким образом) на чужой счет пышность ее выездов. Бедные горожане помирились бы и с этим, как мирились со многим иным, если бы только их предупреждали вовремя. Но обыкновенно солдаты никого не предупреждали и перед (самым) выездом царицы бежали из двора во двор и забирали нужных лошадей (точно они составляли их собственность). Но кто перескажет все проявления русской грубости?..

4-го. В этот день со мною случилось довольно любопытное происшествие, которое ввиду забавного его характера нахожу нелишним сюда занести.

Пополудни я был в церкви у вечерни (Aftensang) и пел вместе с остальной паствой; вдруг я заметил, что церковные двери отворились, и в них появилась будущая супруга царя с (лицами) своей свиты. Уже стоя на пороге, они долго еще раздумывали, войти ли им в церковь или не входить. Наконец, увидав меня, вошли и поместились в занимаемую мною скамью, одно из обыкновенных мужских отделений, — чем привели меня в крайнее смущение. Я имел по две женщины с каждой стороны: по одну руку стали царица и жена бригадира Balkis'a¹⁶², по другую короткое время спустя две других женщины. Когда же вслед за ними ко мне устремилось еще несколько женщин, я вышел из моей скамьи как бы затем, чтобы уступить им место, а сам занял другую. Вне отделений стояло много русских гвардейских офицеров; они говорили, кричали и шумели, как будто (находились) в трактире. Когда священник, взойдя на кафедру, начал говорить проповедь, женщины, успевшие к тому времени соскучиться, вышли из отделений и стали обходить церковь, осматривая ее убранство, (причем) громко болтали о всевозможных вещах. Напоследок они снова заняли прежнее отделение. Однако так как проповедь затягивалась, то царица послала на кафедру сказать священнику, чтоб он кончил. Но священник, хотя и немало сбитый этим с толку, все-таки продолжал говорить. По окончании проповеди царица, которая от кого-то слышала, будто бы в этой церкви похоронена Пресвятая Дева Мария, послала просить президента о том, чтоб останки (Божией Матери) были выкопаны и переданы ей (царице) для перенесения в Россию. (Но) президент отвечал, что хотя церковь и называется церковью Марии, однако никакая Мария в ней не похоронена. Этим царице пришлось удовольствоваться. Из вышеприведенного (примера) можно заключить, как плохо царица на-

ставлена в началах своей превратной веры; ибо, согласно учению (самих) русских, после кончины Божией Матери тело Ее было взято на небо, — и таким образом (Екатерина Алексеевна) не могла рассчитывать обрести ее останки где бы то ни было на земле...

8-го. Два Преображенских офицера передали мне приглашение на пир, заданный царицею по случаю победы, которую царь одержал в 1708 году над шведским генералом Левенгауптом. Как здесь, так и повсюду шла веселая попойка и раздавалась пальба. Вечером сожжен фейерверк, в коем между прочим замечался шифр царя и будущей царицы — буквы «Р. С.», увенчанные короною. Швермеров и ракет пущено было множество...

Пер. Ю. Н. Щербачева.

Текст воспроизведен по изданию: Лавры Полтавы. М., Фонд Сергея Дубова. 2001

**ВЫДЕРЖКИ ИЗ АВТОБИОГРАФИИ РАСМУСА ЭРЕБО,
КАСАЮЩИЕСЯ ТРЕХ ПУТЕШЕСТВИЙ ЕГО В РОССИЮ**

Посланник Юст Юль¹⁶³ выехал из (Копенгагена) 17-го июля 1709 г., сухим путем, в сопровождении лишь своего камердинера и лакея (датского) короля, который (т. е. король) находился в то время в Берлине. Секретарь миссии юстиц-советник Петр Фальк, ныне покойный, я и прочие люди, вместе с багажом и повозками, должны были отправиться морем в Кенигсберг, с тем, чтобы там съехаться с посланником...

Пропустим рассказ о путешествие до Нарвы, отметим лишь, что этого российского города-крепости делегация достигла лишь 30 августа 1709 года.

3-го сентября посланник и Фальк съехали на берег, оставив меня с большею частью людей и рухляди на судне. Наконец 5-го числа они прислали за нами две галлеи (парусно-гребные судна — прим. ред.). Мне приходилось смотреть за всем, а я не понимал никого из людей на галлеях, так как все они были русские. Они меня тоже не понимали, и таким образом, опасаясь воровства, я провел бессонную и беспокойную ночь, ибо я (еще) не знал примерной верности русских относительно всего, что поручается их надзору, и потому испытывал преувеличенный страх. Со мною была моя русская грамматика, и по ней иногда, к крайнему их удивлению, я мог им кое-что выразить. Наконец 6-го сентября я, слава Богу, приехал в Нарву, где пробыл до 15-го декабря, что, впрочем, усматривается из (моего) дневника...

31-го ноября прибыл наконец в Нарву его царское величество великий и (достойный) вечной славы государь царь Петр Алексеевич, которого я тут в первый раз имел честь и счастье видеть. 2-го декабря он уехал назад в Петербург. Посланник отправился вместе с ним, оставив (в Нарве) Фалька, меня, большую часть людей и нашу рухлядь (вещи. — *Прим. ред.*). Мы должны были (снова) съехаться в Великом Новгороде.

Несколько дней спустя после отъезда посланника мне случилось быть в одном обществе, казалось бы, порядочном, так как (состояло) оно, [между прочим], из двух капитан-лейтенантов, жёны которых были сестрами; но между девицами и золовками и чужими присутствовавшими там (лицами) совершались открыто, на виду у всех, такие вольности, что я этому не поверил бы, если бы сам не был тому очевидцем, — так что по этому поводу я имел бы основание повторить слова, сказанные Овидием в «Федре»:

«*Depudit, profogusque pudor sua signa reliquit*» (Стыд утрачен, и обратившаяся в бегство стыдливость оставила свои знамёна. (Героиды, послание IV, стих 155)).

15-го декабря тронулись в путь в Великий Новгород. Путешествие (наше) было крайне утомительно (по многим причинам): частью потому, что мы пустились в дорогу в санях, между тем тотчас (по нашем отъезде) началась оттепель; частью потому, что мы еще не свыклись с русским способом путешествия; частью потому, что везли нас эстляндские крестьяне, не понимавшие ни одного слова (из того), что мы им говорили, и которых мы тоже не понимали; к тому же большинство их по дороге разбежалось; частью потому, что у нас были плохие лошади, и что, несмотря на недостаток в корме, мы должны были ехать на них без перемены до самого Новгорода, т. е. примерно 30 немецких миль...

20-го Фальк, утомленный всеми этими заботами, уехал вперед, оставив меня со всеми (людьми и рухлядью) в затруднительном положении. Часть наших лошадей пала,

часть была так заморена, что (некоторых) нам приходилось бросать на дороге, почти всегда с ранами на плечах, и таким образом мы скорее ползли, чем ехали. В ночь с 20-го на 21-е был такой мороз, что я чуть не замерз; одежда моя не согревала меня...

Впрочем, 21-го декабря все мы, (хотя и) полумертвые от мороза и голода, прибыли в Новгород, где к великой нашей радости застали посланника. Он подкрепил наши силы, накормив и согрев нас, как позволяли обстоятельства.

О виденных нами (в этом городе) достопримечательностях упоминается в моем дневнике.

21-го декабря тронулись в путь в Москву, находящуюся приблизительно во ста немецких милях [от Новгорода].

27-го прибыли в Тверь, где посланник и важнейшие (лица) его свиты были позваны в гости к коменданту. Тут, вследствие чрезмерных приневоливаний хозяина, угощавшего нас вином, водкою и медом, я так нагрузился, что меня чуть не (на руках) снесли в мои сани, после чего мне пришлось мчаться во весь опор. Вследствие быстрой езды и хмельного шума в голове я так ошалел, что пришел в неистовство и (видел) самые страшные грезы, как (бывает) в сильнейшем жару. Это так меня ослабило, что всему этому я приписываю (последующую) болезнь, которою я по прибытии в Москву тотчас же занемог. Впрочем (пир у коменданта) был из занятнейших, на которых мне когда-либо приходилось присутствовать, ибо комендант предоставил нам слушать (хор) музыки, состоявший человек из двадцати, которые каждый на свой лад свистели, пели, вскрикивали, кричали петухом, куковали, щебетали, скворчали, словно то был целый лес, наполненный всякого рода птицами. Звуки эти были своеобразны и забавны, особенно в комнате.

28-го декабря мы благополучно прибыли в Москву.

1710 год начался самым великолепным зрелищем, какое только можно видеть в наши времена. 1-го января с

утра до вечера длилось триумфальное шествие. Большая часть (находившихся в России) 36-ти тысяч шведских пленных, в том числе около 3-х тысяч обер-офицеров, 300 знамен и штандартов, 9 пар литавр и 8 пушек проследовали в триумфе по Москве чрез великолепные ворота и триумфальные арки, нарочно для того воздвигнутые. Шествие длилось с утра до вечера. Оно, несомненно, было величайшим и великолепнейшим в Европе со времен древних римлян...

4-го января я заболел, 11-го начал поправляться.

12-го по приказанию царя был сожжен великолепный, пышный фейерверк. Несмотря на то, что фейерверк этот служил в некотором роде к посрамлению (шведского) короля и (самых) приглашенных на него шведских генералов и офицеров, эти последние должны были, вместе с посланником Юлем, признать, что он гораздо роскошнее и великолепнее виденного ими и посланником столь пышного и знаменитого лондонского фейерверка, стоившего слишком 70.000 ф. стерл. В тот (день) шведские генералы и высшие офицеры, царские и иностранные министры, обер-офицеры Преображенской и Семеновской гвардии, а также важнейшие русские духовные лица, были все званы царем на великолепный пир. Так как число приглашенных было очень велико, то маршал, (распоряжавшийся) за столом, принужден был разъезжать верхом на лошади; пешком он никак не мог бы вынести (усталости), тем более, что (пир) длился от полудня далеко за полночь. (На этом пиру) я нашел нагрудную золотую медаль (в память) Полтавской битвы, стоимостью дукатов в восемь. Потерял ее один гвардейский офицер. Узнав, кто ее хозяин, я отдал ее по принадлежности, но (офицер) был так невежлив, что даже не поблагодарил меня (за это).

2-го февраля королевско-датский посланник Грунд имел у царя отпускную аудиенцию. На церемонии этой присутствовал и я. Был также на пиру, устроенном на счет царя в доме названного посланника, где по русскому обы-

чаю происходило сильное пьянство. Я выпил один за другим два (или) три кубка чрезвычайно крепкого вина вроде сэка (*vin sec* — *испанское вино*). Каждый бокал был приблизительно в (датский) пот (1/12 *via* русского ведра), если не больше. Чтобы избежать (дальнейшего) пьянства, я настоятельно просил позволения уйти, (но) у меня взяли в залог шляпу. Впрочем, я оставил им шляпу и незаметно убрался домой, пока еще мог кое-как идти. Если бы вино успело подействовать, (я) не мог бы (двигаться). День склонялся к вечеру, а в Москве по части разбоев это самая опасная пора, и если бы разбойники встретили меня в такое время и в (моем) положении, то непременно ограбили бы меня или (даже) убили бы (до смерти). На мое счастье, мне надо было проходить мимо дома английского посланника. Знавший меня (лично английский) секретарь стоял (в то время) у окна и, догадавшись по моей походке, жестам и приемам, откуда я, простоволосый, иду, и в каком я виде, зазвал меня в дом, приказал запрячь свои сани, одолжил мне шляпу и велел двум слугам отвезти меня домой. Таким образом я избежал (опасности), но хмель (прошел не сразу): в течение (целых) трех дней (он) выходил из меня потом, ибо кровь моя была до того разгорячена, что (никак) не могла успокоиться.

16-го февраля я посетил английского посланника Витворта, только что сделанного послом.

Во время пребывания моего в Москве я перезнакомился с профессорами, состоящими при тамошней Русской гимназии. Все они были со мною весьма предупредительны ввиду моих познаний в латыни и богословии — единственных почти предметах, которым там учатся. Особенно сблизился я с Феофилактом Лопатинским, тогдашним ректором гимназии (ныне архиепископ Тверской), которому подарил Schertzeri Anti Bellarrainum. Через него я познакомился и с Rectore academie Kioviensis Theophane Procorovitz. Теперь (Прокопович) — самое важное духовное лицо в России, архиепископ Великого Новгорода и,

так сказать, вице-патриарх. Это весьма ученый и красноречивый человек.

Всякий раз, как я сходил с этим профессором, у нас (возникали) богословские диспуты. Но когда они, наконец, поняли, что своими воображаемыми доводами не могут доказать мне ничего иного, кроме того, во что я верую, то избрали относительно меня другой путь и стали говорить, что если я останусь у них и приму их религию, (на что) я отвечал отказом, они устроят так, что я буду у них епископом. Уж не припомню, сколько именно годового дохода я должен был получать, но (размер) его был значителен. (Желая) вежливо отклонить такое (предложение), я отвечал, что (все) это было бы весьма недурно, но что плоть у меня не монашеская, каковую (в сущности) должны иметь епископы, и что я намереваюсь со временем жениться. На это они возразили, что в (канонах) их веры нет прямого правила о том, чтоб духовные лица и епископы непременно были иноками; они добудут для меня от Константинопольского патриарха, высшего главы их церкви, разрешение сделаться епископом и тем не менее жениться. Тут я поневоле спросил их, согласуется ли такое разрешение с волею Божьей и заповеданными нам (Господом) приказа-ниями, или же противно им. Если противно, то я не хочу его получать; если же не противно, то не имею в нем надобности. В конце концов они поняли, что со мною подобные речи ни к чему не поведут, и потому мы уговорились не касаться при (наших) свиданиях вопросов веры, так как это повлекло бы только к охлаждению с обеих сторон нашей дружбы, а (подобного охлаждения) я вовсе не желал, по той причине, что (в России), как и в папской области, духовенство знает все, и что чрез обхождение с (духовными лицами) я задолго вперед узнавал многие тайны, — так например узнал, что царь впоследствии женится на своей незнатной любовнице, а в те дни для большинства и даже для умных людей это казалось невероятным, между тем потом все-таки сбылось (узнал я) и многое другое...

13-го марта выехали мы из Москвы в Петербург, а 18-го прибыли в Великий Новгород. Тамошний комендант, который должен бы оказывать нам содействие, (напротив), в деле доставления нам лошадей для продолжения путешествия всячески нас задерживал. Так как я в то время (уже) мог кое-как объясняться (по-русски), то, чтобы достать лошадей, посланник обсылался с комендантом через меня, и я сейчас же по всему увидал, что комендант скотина (Охе), каковое мое заключение он в конце концов вполне оправдал. Была оттепель. Мы должны были ехать в Петербург, т. е. 30-40 миль без перемены на тех же лошадях. Ввиду этого, чтобы, насколько возможно, побереечь лошадей, (чтобы они могли) выдержать путешествие, мы отправили тяжелейшую поклажу вперед, имея в виду последовать за нею (позднее) в более легких повозках, и (таким образом) предоставили ей ехать тише. Но (тяжелые) возы с (находившимися при них) людьми были по приказанию коменданта остановлены у [городских] ворот. Так как Новгород большой город, и от (этих) ворот до наших подворий было более полумили, то люди наши не решились покинуть сани (и) пришли уведомить нас о своем задержании. Уже сами мы, нагнав их, к удивлению узнали, что они задержаны, тогда как мы рассчитывали, что они уже находятся мили за две впереди. Посланника это рассердило, меня поневоле также, ибо мне всегда приходилось присутствовать от начала до конца при всякой неприятности. Меня тотчас послали к дежурному поручику осведомиться о причине подобного задержания, тем более неправильного, (что дело шло о) посольстве. Несколько раз ходил я от (посланника к поручику и обратно). Наконец, после обмена разными крупными словами, поручик, (угрожая) мне, схватился за шпагу. Я тоже немедленно вынул (из ножен) свой охотничий нож с твердым намерением ударить его по кисти руки, быть может, отрубить ее, но так как он не совсем вынул свою шпагу и продолжал держать ее в ножнах, то я (только) ударил его по

лбу рукоятью ножа, так что он влетел задом в караульный дом. Я захлопнул перед ним дверь, (хотя) за мною стояла в порядке вся вахта. В это время я увидал, что посланник стоит в своем возке, держа в каждой руке по пистолету. Пистолеты, как мне было известно, были хорошо заряжены, (к тому же я знал), что посланник попадает в точку, и это придало мне храбрости. Как и должно было случиться в таком многолюдном городе, (к городским воротам) быстро сбежалось множество народа, не имевшего понятия о международном праве и о том, какую свободой пользуются посланники, а потому воображавшего, что обижают поручика на (его) посту. Некоторые хотели кинуться на меня; но горячность и гнев удвоили мои силы, и я бросал их одного за другим под себя. Опрокинув (таким образом) пятерых, я стал отмахиваться ножом. Но увидав, что, против ожидания, никто из наших не идет ко мне на помощь, я, пятясь, вышел из толпы к саням посланника. Кроме вахты, стоявшей в ружье, (кругом) собралось тысячи две человек. Я должен, однако, оговориться, что хотя горячность и гнев действительно усугубили мои силы, справился я так легко с русскими (главным образом) потому, что дело происходило в конце ихнего великого поста, (т. е. в то время), когда вследствие строгого воздержания и плохой, недостаточной пищи они так слабеют, что почти не имеют никакой силы. После этого я приказал нашим людям выезжать друг за другом с их санями за ворота, не обращая внимания на вахту и на запрещение (ехать), сам же прошел последним, один, с обнаженным ножом в руке, причем еще произнес (некоторые) слова, коих здесь приводить не хочу.

Когда я выходил за ворота, то попросил поручика, снова вышедшего из караульного дома, передать коменданту и самому ему, поручику, что они... и проч., причем (при)грозил, что по приезду к царю мы не забудем сообщить об их вежливости, что мы, конечно, и сделали бы, если бы нам не помешали государственные дела. Прихо-

дилось толковать и переговариваться о предметах поважнее, особенно в виду полученной нами вскоре вести о поражении нашей армии в Шонии. Таким образом, мы им не отплатили.

Как сказано выше, вследствие дурной дороги и плохих лошадей путешествие наше было очень замедлено; к тому же (других) лошадей мы не могли ни купить, ни нанять, в виду чего 22-го марта нашли себя вынужденными силою отбирать попадавшихся нам лошадей (и) даже выпрягать их из (тех) возов, на которых крестьяне везли податный хлеб в С.-Петербург. Между прочим в одной деревне, а именно в Лядове (Leb), случилось (следующее происшествие).

В деревню эту въехал монах на сани, запряженных хорошею лошадью. (Сначала) я (добром) попросил его продать или дать мне в наем его лошадь, но он отказался от того и другого; когда же увидал, что я намерен отобрать лошадь силою, и что ее по моему приказанию выпрягают из саней, то стал понапрасну тратить много слов; заметив, однако, что ему собираются дать здорового тумака, убежал с проклятиями, бранью и угрозами. (Но) по прошествии получаса монах вернулся, ведя за собою от 30-ти до 40-ка крестьян, вооруженных большими дубинами и палками. Он предводительствовал ими, и так как по его распоряжению ударили в набат, то крестьян со всех сторон сбегалось (все) больше (и больше). В то время при мне из наших людей никого, кроме камердинера Томсена, не было; звать их на помощь было поздно, ибо пока (они подошли бы), (сбежались) бы и (прочие), рассеянные по деревне (крестьяне). Поэтому, призвав на помощь (всю) нашу храбрость, мы пошли им навстречу вдвоем, обнажив охотничьи ножи, и так как священник шел впереди, то Томсен, взяв у меня из левой руки сосновую дубину, ударил его ею по голове, и он сразу упал. Крестьяне, увидав это, были испуганы нашею смелостью, — (ибо) поднять руку на священника считается по их вере одним

из самых больших и тяжких грехов, — и на наше счастье пустились бежать. Томсен же без милосердия продолжал осыпать священника с головы до пят ударами, пока, наконец, я, из сострадания, не отнял у него дубины силою, (после чего) священник, не будучи в состоянии держаться на ногах, уполз (от нас) на четвереньках, да еще благодарил (нас за то), что отпустили его живого. Впрочем, (сам) я, как перед истинным Богом, не тронул его ни рукою, ни палкою, ни иным чем. Впоследствии мы узнали, что несколько лет тому назад в (этой самой) деревне был убит один прусский посланник со всей свитой и челядью, так что в настоящем случае, благодаря нашему мужеству, мы, (быть может), избежали большого несчастья или по меньшей мере великой опасности.

23-го марта прибыли мы в С.-Петербург...

24-го апреля царь на своем судне, — где я должен был служить толмачом между посланником и окружавшими царя русскими, — угостил меня из собственных рук четырьмя стаканами испанского (saesk — sec.), вследствие чего я через четверть часа так опьянел, что стал немым толмачом. (После того) я незаметно выбрался, оставив посланника одного. Был я так пьян, что в течение 8-ми дней не мог оправиться...

24-го августа приехал герцог курляндский, с тем чтобы жениться на племяннице царя, принцессе Анне, ныне царствующей в России царице. Это была очень красивая и умная девушка, (отличавшаяся) особенною кротостью и благожелательностью. Бракосочетание совершилось 11-го ноября. Я имел честь на нем присутствовать. (Торжество) отличалось большою пышностью, и ночью сожжен был роскошный фейерверк. Для венчания царь выписал (было) одного профессора из Московской гимназии, именем Пребыловича, имевшего совершить оное по-латыни, так как герцог не понимал по-русски. Однако, приехав (в Петербург), Пребылович отказался от этого, говоря, (что) венчать принцессу или вообще православного с еретиком,

каковым русские считали лютеранского герцога, противно их вере. (Но), к счастью для (Пребыловича), у него в это самое время образовался во рту большой нарыв, так что он лишился способности говорить, вследствие чего его избавили от (венчания); иначе ему наверно пришлось бы плохо. День свадьбы был (уже) назначен, и до него времени оставалось немного, так что поздно было выписывать (кого-либо) другого. А в самом Петербурге не было духовного лица, которое знало бы по-латыни. И вот царю вздумалось вдруг спросить у своего духовника, не умеет ли он по-латыни. Этот бедный неученый священник, (ни о чем) подобном не помышлявший, не хотел, (однако), показаться круглым невеждою и в торопливости отвечал, что немного умеет. (Тут) царь поймал его на слове, сказал, что если он (хоть) немножко знает (по-латыни), то этого достаточно, и велел ему венчать (герцога с принцессою). (Духовник) отнекивался и отмаливался как только умел, но все (было) напрасно: решение (царя) было бесповоротно. Будучи моим добрым приятелем и зная, что я умею по-латыни, этот несчастный в горе пришел ко мне жаловаться на свою беду: (кому-либо) иному, из боязни завистников, он довериться не смел. Короче, мне был доставлен русский требник с обрядом венчания; до свадьбы оставалось всего два дня, (но) я столько раз прочел священнику [латинский перевод обряда], что он почти что заучил его наизусть. При самом венчании он отвел мне место возле (себя), чтобы подсказывать ему в случае надобности, так что для него все сошло благополучно. Он рад был (этому) всем сердцем, подарил мне пару соболей, ценою ригсдалеров в пятьдесят — они и теперь у моей жены, — и с того дня очень меня полюбил, так что через него, духовника как царя, так и царской любовницы, впоследствии царицы, я узнавал много тайн для моего сведения и сведения посланника. Он и в других отношениях оказывал мне много любезностей.

В то лето я (однажды?) проповедовал в Петербурге по-датски, чего до тех пор никогда не было слыхано. Царь, узнав об этом, сам явился в церковь (на мою) проповедь.

25-го ноября я присутствовал на замечательной свадьбе карликов, подробности коей (занесены) в мой дневник. Из (дневника) можно узнать, какая пальба и пьянство происходили в том году в Петербурге по случаю многочисленных побед, одержанных в этот год царем над шведами; ибо для России изо всего царствования Петра I то был самый счастливый год, так как в течение его русские взяли у шведов нижеследующие страны, города и крепости: Эльбинг в Пруссии, Ригу, Динамюнде, Аренсбург на Эзеле, Пернов, Ревель, Выборг и Кегсгольм — и таким образом стали господами и властителями Дагё, Эзеля, Лифляндии, Эстляндии, Карелии и Кегсгольма. Все эти места, за исключением Эльбинга, уступленного впоследствии Пруссии, царь при заключении мира со Швецией удержал за собой.

Насколько был счастлив этот год, настолько печален и (полон) опасностей был последующий, что мне пришлось отчасти испытать и (на себе).

4-го января 1711 г. получены были сведения о нарушении турками мира с Россиею. Вскоре за тем царь весьма поспешно поехал в Москву. 1-го февраля (туда же) выехал посланник Юль.

6-го мы проехали мимо многих чумных, лежавших в лесу, а 8-го (прибыли) в Москву.

9-го февраля вечером Остерман, в то время канцелярский секретарь, ныне фусский вице-великий канцлер, побежал простоволосый к нашим воротам и стал в них стучаться. Стража не решалась впустить (его), так как понимала, что на улице разбойники. Я сбежал вниз и, когда узнал (его) голос, впустил его, но он (тут же) упал без чувств в мои объятия, и я с помощью стражи понес его в наши комнаты. Придя в себя, он сказал, что бывший с ним барон Ф. фон Виллемовский, один из старших царских морских ка-

питанов, остался (во власти) разбойников. Взяв с собою часть наших людей при оружии, я тотчас выбежал (на улицу), но так как мы не знали, откуда шли (Остерман с Виллемовским), то я послал людей в одну сторону, а сам (пошел) в другую. Заметив меня при сиянии снега и, вероятно, предположив, что нас больше, чем нас было (на самом деле), мошенники эти убежали. Несчастливого барона я нашел почти (совсем) раздетого в канаве, стоящим на голове; нашел шпаги Виллемовского и Остермана и еще кое-что из их вещей. Возле Виллемовского лежало двое тяжелораненых, едва живых морских солдат (*mariner*). Мы внесли несчастного к себе. Я спас его карманные часы, 144 дуката золотом и бриллиантовое кольцо, не замеченное разбойниками вследствие того, что на нем были перчатки. Из двух дукатов, из (числа) этих 144-х, сделан был перстень, имя покойного барона (вырезано) на внутренней (стороне), и (перстень этот) подарен мне. Я до сих пор храню его. Несколько дней спустя (Виллемовский) умер в нашем доме от (полученных) ран.

В те времена в Москве было столько разбойников, что почти всякое утро мы находили в окрестностях нашего подворья одного, двух или нескольких убитых. Это побуждало (меня) выходить в течение нескольких вечеров подряд со всеми людьми ловить разбойников. Раз один (из них) проскочил мимо (самого моего носа). В горячности (и) торопливости я выстрелил в него, на расстоянии полуктора локтя, из пистолета, который держал в руке, но, к счастью, не попал, ибо если б я убил его, то, без сомнения, сам поплатился бы за то жизнью, так как (мы) не застали его при совершении какого-либо преступления, и, следовательно, его ни в чем нельзя бы было уличить.

Так как мы готовились к путешествию в Турцию, то (однажды) посланник послал меня в город купить, что было нужно для дороги. Москва — весьма многолюдный город, вследствие чего на (ее) базарах бывает неопишная давка. Мне пришлось ехать сквозь толпу. В это время

одна женщина неосторожно оборотилась спиною к моим саням и была сшиблена с ног дышлом. (По этому поводу) тотчас произошло волнение, и бывшие там во множестве царские гвардейцы стали меня теснить. Я выпрыгнул из саней, вынул шпагу (и) приказал находившемуся со мною (в качестве) лакея портному Антонию Рингскау (Anthoni Ringschow) ехать вперед. В это мгновение надо мною было поднято по крайней мере 24 обнаженных шпаги и несколько так называемых «дубин». Я защищался (от ударов) как умел и, благодаря своей силе и проворству, пробился сквозь (толпу); [затем вскочил в сани] и приказал портному ехать. Таким поистине чудесным образом и при могущественной охране Божией я спас свою жизнь...

29-го мая пустились мы во имя Господне в путь в Турцию. Чрез Россию и казацкую Украину мы ехали безостановочно. В настоящее время столица в Украине Глухов, ибо прежняя столица, Батурин, разрушена в последнюю войну, после того как гетман Мазепа перешел с большим числом своих людей на сторону короля шведского. В Глухове головы коменданта и гетманского министра были (наткнуты) на шесты, (а) тела положены на колеса за так называемую измену (этих лиц) царю. Я имел честь поцеловать руку у тогдашней гетманши. Это была красивая и весьма вежливая женщина. Вообще, все казаки отличаются в такой высокой степени учтивостью и скромностью, что в тех краях [т. е. в России] это кажется невероятным. Во время этого путешествия я проехал в 2 1/2 милях от Полтавы, получившей широкую известность благодаря великому поражению шведов.

26-го июня мы прибыли в Киев...

14-го июля мы отправились далее, но вследствие узкости дороги в течение (целого) дня не могли перебраться чрез ужасно высокую гору (под самым Киевом). В то время как повозки наши стояли одна за другою на узкой дороге, к нам подъехал верхом один русский; он хотел проехать поскорее, но это было невозможно, так как

наших повозок никак нельзя было сдвинуть, что я, будучи тут, как и при всех подобных случаях, распорядителем, и доказал ему ясно. Но он (по) неразумию требовал, чтобы мы очистили ему дорогу, сбросив с горы (наши) тяжелые возы. При этом он тратил понапрасну много слов, (угрожал) действиями и в конце концов со скверными ругательствами опередил меня, вследствие чего я так разгорячился, что очертя голову пустил (свою) добрую татарскую (лошадь) по крутому скату, чтобы перенять его, и если бы лошадь не была умнее своего (господина), то я, без сомнения, упал бы вместе с нею с высокого обрыва и разбился бы вдребезги; но она села на свой зад и медленно сползла по скату до (самого) дна обрыва....

Далее путь наш пролегал чрез край, опустошенный саранчою. В одном месте на протяжении 18-ти миль нам не попалось в поле ни одной соломинки: не только весь хлеб на корню, но и (самая) листва, нередко и кора деревьев были съедены этими насекомыми, так что нам, путешественникам, приходилось плохо. Вдобавок жара днем стояла невыносимая, вследствие чего мы испытывали сильную жажду; между тем, кроме воды у нас ничего не было. (С другой стороны), по ночам холод, сопровождаемый обильною росой, был так непомерно силен, что я вынужден был надевать мою большую русскую шубу, свисающую до (пят). Эти резкие ежедневные смены чрезмерной жары и холода, вместе с употреблением в питье воды, в конце концов повлияли на здоровье наших людей, которые почти все заболели. Посланника и секретаря миссии везли (больными) на постелях в спальнях повозках (кибитках?), употребительных (в России). У нашего дворецкого Эйзентраута, человека весьма жирного, сало растаяло в теле, вследствие чего он (и) умер от сильного удара. Из нашей свиты тоже кое-кто умер. Словом, за исключением кучера и меня, все переболели — кто раньше, кто позже; иные выздоравливали, другие в это время занемо-

гали. Несмотря на такое положение, мы все же (должны были) продолжать путешествие, ибо до Белой церкви нигде не могли остановиться за недостатком корма для лошадей и съестных припасов для людей. В Белой церкви, маленькой польской крепости, немного корма для лошадей мы достали, но и там весь край был опустошен и покинут жителями. Незадолго до нашего прибытия маленькую крепость эту безуспешно штурмовали многие тысячи татар и турок.

23-го июля прибыли в Немиров. Там мы узнали, что в какой-нибудь полумиле от нас татары и турки взяли (в плен) и зарубили 700 человек русских, сопровождавших (транспорт с) провиантом для армии. Дело, следовательно, могло дойти и до нас; но, благодарение Богу, мы избежали (опасности).

Недалеко (от Немирова), в то время как мой кучер, только что съехавший с очень крутой горы дорогою, шедшей изгибом, хотел на полном скаку сдержать на мосту лошадей, левое заднее колесо моей повозки, столь же широкой, как мост, чуть было не (сорвалось), и я вместе с заднею частью повозки чуть не попал под мельничное колесо, которое было в полном ходу и смололо бы меня живо. Однако Богу угодно было устроить так, что при дальнейшем движении заднее колесо проехало по концу выдавшегося бревна, более длинного, чем другие, и повозка поднялась....

Мы и тут продолжали видеть саранчу. Она пожирала все в полях и (вообще) на земле, а когда взлетала, то воздух наполнялся ею как хлопьями снега в самую сильную метель. Когда саранча садилась, то совершенно скрывала собою почву.

Лошадям нашим приходилось есть горькие злаки, которыми брезговали эти насекомые, и которые одни были ими оставлены. Итак, мы бедствовали главным образом от недостатка корма для лошадей, потому что съестных

припасов у нас было довольно, но пили мы одну водку и воду, воду и водку, — и таким образом за это время я, (как) фараон, испытал одну из казней египетских.

2-го августа к великому нашему удивлению мы узнали, что царь заключил мир с турками. Впоследствии и вся Европа (была крайне этому) удивлена. Ввиду того, что большая часть наших людей была больна, меня в качестве самого здорового послали за несколько миль вперед, чтоб собрать достоверные сведения об этом (мире). (Поручение) это я исполнил и, как ни был истомлен, вернулся в тот же вечер, проехав, таким образом, в течение одного дня, засветло, 12 миль, причем почти ничего не ел и не пил.

После того мы повернули назад и (поехали) в Валахию...

Армию мы застали близ маленького запустелого городка Могилева, стоящего при реке Днестре. Нельзя описать, какой недостаток в съестных припасах и напитках испытывала здесь (армия). Солдаты почернели от жажды и голоду. Как сильна была нужда, можно судить из того, что однажды у нас обедало в гостях четверо генералов, а весь обед состоял из блюда гороха, с пометом саранчи, постоянно в него падавшим, да из маленького окорочка ветчины. Тем не менее, (яства) эти показались (нам) тогда утонченнее и вкуснее всяких (кушаний) царского обеда. Почерневшие и умирающие от голода люди лежали во множестве по дороге, и никто не мог помочь ближнему или спасти его, так как у всех было поровну, т. е. ни у кого ничего не было.

Мы последовали за (тою) частью армии, (которая направилась) в Польшу. Большая часть наших людей была больна, но я был еще здоров. Под Могилевом, в поле, на холме, похоронили покойного Эйзентраута, (сколотив ему гроб из?) нескольких грязных досок от навозной повозки, так как ничего другого достать было нельзя...

29-го прибыли в Лемберг...

20-го счастливо и благополучно приехали в Варшаву, а 24-го достигли когда-то прекрасного, ныне несчастного Торна, где я имел честь разговаривать со знаменитым князем седмиградским, Рагоцким, и служить толмачом в важных государственных переговорах между ним, посланником Юлем и русским генералом князем Долгоруким, находившимся там с (отрядом) русских войск. (Затем из Торна Эрбо вернулся чрез Данциг на родину.)

Одна (часть) людей и вещей адмирала (Юста Юля), а равно и часть моего скудного скарба, осталась в Москве, (другая) же часть была привезена туда из Валахии и Подолии. Так как вследствие лени этих людей писать (письма) или их неразумия мы не получали ни о той, ни о другой части никаких (сведений), то после многих просьб и убеждений мне удалось уговорить покойного адмирала отпустить меня в Москву, чтоб привезти оттуда (людей и вещи) или узнать, что с ними случилось.

Выехал я 6-го ноября 1712 г. с голландским шкипером Seemand'ом (в Данциг), шли туда со (мною) два французских купца. Я проводил с ними время, упражняясь в разговоре на французском языке. Хотя я и прочел известное число французских книг, но до тех пор во французском разговоре не имел случая упражняться...

Далее автор описывает свое посещение Дании и вторую поездку в Россию

Вскоре после сего благополучного моего возвращения на родину его величеству понадобилось послать гонца к царю. — Королю, без моего о том ведома, предложили на этот предмет меня. Меня же заверили (от) высокого его имени, что по счастливом возвращении (в Данию) я получу первое (свободное) место священника, какового я искал...

26-го июля 1713 года сел на «Голландию». Когда команда, состоявшая всего из 13-ти человек, села на ял, и мы

погрузили в (него) бочку пива и бочку мёда, (в него более ничего не могло поместиться), так он был нагружен. День и ночь сидел я на (кормовой части), ибо (по тесноте) не мог сделать ни шага и не имел (приюта) для ночлега. Таким образом, все (путешествие) я просидел под открытым небом, (подвергаясь) дождю, росе и морским всплескам...

10-го августа ял наш прибыл в Виндаву, и (того же числа) пополудни, подкрепив наши силы, мы пошли оттуда вдоль берегов. (Пристали) мы к одному островку против Аренсбурга на Эзеле. (Островок) называется Abrican. Здесь был всего один домик и один единственный (житель). Простояли там несколько часов, изготовили (себе) пищи и поели. 11-го (августа) перед рассветом снова поставили паруса и вечером подошли к Гапсалу в Лифляндии.

12-го утром в течение 9-ти часов прошли по ветру 25 миль. Правда, в первые два часа было так тихо, что мы вынуждены были грести, но последние часы шли мы (на парусах) по 4-5 миль в час. Путешествовавшие по морю поймут, каково было (нам) идти в открытом яле. Сломайся малейшая из наших снастей, (курс наш), несомненно, направился бы вниз, в пучину.

В полдень пристали к берегу за милю от Ревеля.

Следуя моей инструкции, я тотчас (же) отправился в город, к коменданту, спросить, где находится царь. Комендант, бывший в 1709 г. комендантом в Нарве (Василий Никитич Зотов) и знавший меня (лично), сначала принял меня очень любезно, но кончил (тем, что), напившись, (поступил со мною) весьма нехорошо, так что я вынужден был силою пробиться сквозь его (челядь) и гренадеров, стоявших у его дома с (примкнутыми) к ружьям штыками. Выбрался я счастливо, несмотря на хмель, — ибо по грубому русскому обычаю он жестоко меня напоил...

16-го (августа), при свежей погоде и волнении, мы с большою опасностью пересекли Нарвскую бухту, а 17-го проламинировали 7-8 миль против ветра и течения до острова Ритусара, на котором в настоящее время находит-

ся Кронштадт. Погода была так свежа, что стоявшие на фарватере, в (канале), русские военные суда убрали реи и стеньги. (Несмотря на это), мы продолжали подвигаться, и под конец я в третий раз за (время) этого путешествия [чуть не?] отнял команду у Петра Флювера, пригрозив, что скручу его, если он не пристанет к Ритусару. Он подчинился, и таким образом, благодаря удивительной милости Божьей, мы наконец завершили это необыкновенное путешествие (в России).

Будучи знаком с (местностью) и зная (русский) язык, я пошел (с Флювером) пешком в город Кроншлот, нынешний Кронштадт, (находящийся) в расстоянии одной мили (от берега). Тут я зашел в дом вице-адмирала Крейца. В каком я был состоянии и какой имел вид, можно заключить из того, что, увидав меня, добрая адмиральша Крейц горько заплакала. На меня поистине было грустно смотреть; (но) что было (всего) хуже, это то, что моя рубашка почернела от гнилости, а шерстяное платье воняло падалью. Добрый датчанин, бывший командор, ныне вице-адмирал (русской службы) Сиверс, послал за нашим ялом и людьми, поместил истомленную от морского (переезда), гнилости (сырости?), голода и жажды команду в (особом) предоставленном (в ее распоряжение) доме, приказал протопить (этот дом), чтобы (дать ей возможность) высушить платье, велел (накормить) людей, втащить ял на берег, [починить] якорные штоки, сломавшиеся близ курляндского берега, и вообще снабдить (нашу) лодку всем (необходимым). На следующий день, 19-го (августа), все было готово, и вечером мы снова вышли на веслах в море к русскому флоту, стоявшему у шхер. Там нам дали в лоцманы датчанина капитан-лейтенанта Хауха (без сомнения Christoffer Nauch, морской офицер Русской службы, ставший в 1710 г. членом церковного совета Немецкой лютеранской церкви св. Петра в Петербурге), имевшего провести нас чрез Финские шхеры. Затем 20-го мы пришли в штиль к Биорке, а 25-го счастливо прибыли в Гельсингфорс.

27-го того же (месяца), по исполнении там мною поручения к царю...

О приезде Расмуса Эребо и об ответе царя на просьбу короля датский поверенный в делах в Петербурге П. Фальк донес Королю Фредерику IV следующим письмом (оригинальный текст не приводим):

Перевод:

Государь!

Имею счастье всепочтительнейше уведомить, что 26-го сего месяца прибыл сюда пока невредимым гонец вашего величества г-н Эребо со своим судном и экипажем, хотя подвергался он большой опасности, от каковой избавился лишь чудом. Его величество царь, увидав с удивлением у здешних берегов флаг вашего величества, (прибыл) на морской берег, где я имел счастье представить ему г-на Эребо и передать письма вашего величества. Его царское величество сначала предложил мне сообщить ему содержание (этих) писем, а впоследствии велел их перевести. Ныне (царь) приказывает мне известить ваше величество, что он посылает сегодня гонца в графу Головкину с приказанием написать г-ну барону Шаку, а равно и всем прочим (русским) посланникам, чтобы они защищали интересы вашего величества против Готторпского дома и сделали, каждый (в своем месте), (те) заявления, (о) которых (просит) ваше величество. Впрочем, (царь) приказал мне повторить вашему величеству уверения в искренней его дружбе и преданности и в том, что он всегда будет свидетельствовать, что столько же принимает к сердцу интересы вашего величества, сколько и свои собственные.

Относительно г-на Эребо его царское величество желает, чтобы он еще несколько дней следовал за армиею, дабы можно было послать его (к вам) с какою-либо важною, как надеется царь, новостью. (Царь) предоставляет себе также ответить чрез него на письма вашего величества.

Армия в настоящее время действительно находится в походе и чрез час или два его величество последует за нею морем. Г-н Эребо и я отправимся вместе с ним.

Мы рассчитываем, что чрез 15 дней будем в Або или дадим сражение. Так как настоящее донесение я имею счастье писать с большою поспешностью, то у меня хватает времени лишь на то, чтобы заверить (вас), Государь, что я есмь, с величайшею покорностью и преданностью,

вашего величества всепокорнейший,
всепослушнейший и всеподданнейший

П. Фальк.

14-го сентября я ушел вместе с армиею из Або.

17-го царь сел на галей. Я поехал с (ним). Мы снова (прошли) в расстоянии близкого пушечного выстрела (мимо) шведского флота и 19-го прибыли в Гельсингфорс. Отсюда царь отпустил меня назад (к королю) с письмами (Петр послал с Эребо к Фредерику IV два письма. В одном, помеченном 30-м августа 1713 г., царь извещает короля о поступательном движении своей армии в Финляндии и о занятии 28-го августа Або, причем присовокупляет, что Эребо, участвовавший в походе, может представить королю подробный по этому предмету отчет. Другим письмом, от 1-го сентября, царь отвечает в утвердительном смысле на просьбу, заключающуюся в письме Фредерика от 10-го июня, но при этом советует ему соблюдать в Готторпском вопросе осторожность, дабы не нажить себе и союзникам новых врагов (Копенгагенский государственный архив))...

Далее автор рассказал о второй поездке на родину — в Данию.

20-го октября в 8-м часу утра я благополучно и счастливо прибыл в Копенгаген, пропутешествовав денно и ночью в течение трех месяцев и двух дней, морем и сухим

путем, (и сделав) примерно 800 немецких миль. Приехал я на два дня позднее Петра Флювера, путь которого морем был на 140 миль короче моего по суше. Итак, менее чем в 11 месяцев я побывал два раза в России, да еще между обоими (этими) путешествиями провел более четверти года дома. Вечная слава имени Господнему!...

Текст воспроизведен по изданию: Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709-1711) // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских, № 3. М. 1899